

11

2023

ISSN 0132-1625

СОЦИОС

Ревизия социологического наследия

Как меняется сберегательное поведение россиян?

К 150-летию А. А. Богданова

Реформирование позднего капитализма: каковы альтернативы либеральному консерватизму?

Проблема измерения отношения к военному конфликту на Украине

СОЦИС

Журнал основан
в июне 1974 года

СОДЕРЖАНИЕ

XXV ХАРЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

- 3 ТИТАРЕНКО Л.Г. Отечественное социологическое наследие: уточнение оценочной оптики
- 15 ЗАРУБИНА Н.Н. Объяснительные возможности концепции расколдовывания мира М. Вебера в контекстах роста магического сознания

К 150-ЛЕТИЮ А.А. БОГДАНОВА

- 25 ГЛОВЕЛИ Г.Д. А.А. Богданов как социолог и утопист: проблема «класса для себя»

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

- 38 ЗВОНОВСКИЙ В.Б., ХОДЫКИН А.В. Восприятие россиянами конфликта с Украиной: проверка гипотезы «спирали молчания»
- 51 ПОПОВ Е.В. Особенности измерения цифровой грамотности в России

ЮБИЛЕЙ

- 62 Поздравляем Н.Е. Тихонову
- 63 МАРЕЕВА С.В. Школа Н.Е. Тихоновой (из опыта включенного наблюдения)
- 67 ТИХОНОВА Н.Е. Сберегательное поведение россиян: динамика и факторы

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

- 80 ДОБРЯКОВА М.С., ЮРЧЕНКО О.В. Самостоятельность и агентность школьников: различие понятий
- 93 ГАВРИЛЮК Т.В., БОЧАРОВ В.Ю., ПОГОДАЕВА Т.В. Типологические группы первокурсников по образовательным стратегиям в условиях индивидуальных траекторий обучения

ДИСКУССИЯ. ПОЛЕМИКА

- 105 ЛЕВИЧЕВА В.Ф., ДИМАНС С.Л. Неформальность в обществе: поиск методологии исследования
-

ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ. ЗАМЕТКИ

- 115 ЛЕВАШОВ В.К., ГРЕБНЯК О.В. Россияне о вызовах искусственного интеллекта, нейронных сетей и социальном оптимизме
- 121 ПОГОСЯН Г.А., ПОГОСЯН Р.М. Социокультурная идентичность современных армян
- 127 ПОЛУЭХТОВА И.А. Медиапотребление различных возрастных групп

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 133 СИЗОВА И.Л. Перспективы воспроизводства научно-педагогических кадров в российских университетах
- 139 ШИРОКАЛОВА Г.С., САВЧЕНКО И.А. Городские исследования в фокусе социогуманитарной аналитики
- 141 ЛЯЛИКОВА С.В., НАЗАРОВА И.Б. Социальная динамика населения и человеческий потенциал

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ

- 144 РОМАНОВСКИЙ Н.В. Историческое сознание россиян – книга и ее проблемное поле

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

- 151 ДОКТОРОВ Б.З. Не возрождение, но второе рождение
- 157 ФАТЕНКОВ А.Н. Современный капитализм в ракурсе критической теории общества

IN MEMORIAM

- 162 Бузгалин А.В.
- 164 БУЗГАЛИН А.В. После «конца истории»: прогрессивные альтернативы рефеодализации и «техносоциализму»
- 173 Кондрашов П.Н.
- 175 CONTENTS

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или в № 1 журнала. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc и обязательно три печатных экземпляра на адрес редакции. Авторы **несут ответственность** за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода печатной версии.

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

© 2023 г.

Л.Г. ТИТАРЕНКО

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ: УТОЧНЕНИЕ ОЦЕНОЧНОЙ ОПТИКИ

ТИТАРЕНКО Лариса Григорьевна – доктор социологических наук, профессор Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь; ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия (larissa@bsu.by).

Аннотация. В статье дан обзор становления и функционирования социологии в России. Показано, что на каждом историческом этапе создавались инновационные теории, которые имели самостоятельную ценность и которые могли бы послужить дальнейшему развитию российской социологии. Раскрываются взаимоотношения и связи российской социологии с социологией мейнстрима стран Западной Европы и Северной Америки. С учетом переосмысления социологического наследия на фоне мониторинга развития современной мировой социологии делается вывод о направлениях поиска теоретических инноваций, способствующих пониманию главных проблем сегодняшней России и перспектив возможного развития отечественного социологического знания.

Ключевые слова: российская социология • советская и мировая социология • социологическое наследие • культура отмены • мейнстрим • европоцентризм

DOI: 10.31857/S013216250028528-3

Так сложилось, что советские и российские социологи с большим уважением относились к социологии стран западного мейнстрима. Последние определяли основные направления развития социологии, какой она была на протяжении XIX и XX вв., так или иначе игнорируя или преуменьшая вклад ученых других стран, а иногда и своих соотечественников, которые по тем или иным критериям не вписывались в общую концепцию, насаждавшуюся мэтрами западной социологии на протяжении десятков лет [Тернер, 2023: 18]. То, что можно назвать двойной негативной детерминацией российских социологов, можно свести к тому, что они не только признавали незыблемость авторитета западных авторов – Вебера, Дюркгейма, Зиммеля, но и весьма критически при этом оценивали собственное национальное социальное знание прошлого и настоящего. Например, недооценивались теоретические идеи М.М. Ковалевского, как и работа Н. Данилевского [2008], которая заложила основы развития цивилизационного подхода в России. П.А. Сорокин стал исключением из правила, но в столь поздние времена, когда он воспринимался в отрыве от российской социологической почвы и тех работ, которые создал в начале XX в. [Сорокин, 2006; 2008], – то есть как классик мировой социологии.

Напомним: социология XIX в. была полностью признана в России только с окончанием советского периода истории страны, а до этого была либо забыта, либо считалась достойной внимания лишь как «буржуазная». Не на пустом месте при праздновании 100-летия Российского социологического общества имени Максима Ковалевского было сказано, что история российской социологии есть «история борьбы» с собственным прошлым

[Бороньев, 2016: 13]. Творческое наследие досоветского периода не было достойно оценено дома, тогда как в культурно-историческом контексте своего времени оно занимало значимое место (хотя и скромное в сравнении с социологией Франции или Германии ввиду вынужденной паузы в развитии более чем на 30 лет) в социологии Европы¹.

Иное отношение к соотечественникам в среде социологов западных стран. Если не считать пренебрежения вкладом публичных социологов, афроамериканцев и феминисток (таких как У. Дюбуа, Ф. Фанон, Ш.П. Гилман), то большинство «своих» классиков социологии там было принято считать гениями, гигантами мысли и т.п. Российским социологам тоже надо отказаться от недооценки своего прошлого и по достоинству ценить вклад российских и советских социологов в науку – отечественную и мировую.

Дореволюционная социология. Исследование раннего периода развития российской социологии показывает, что авторы начинали свое профессиональное становление с изучения зарубежных достижений социологии, чтобы затем на этой основе разрабатывать собственные идеи и теории. При поверхностном ретроспективном взгляде на наследие социологов XIX в. не всегда можно заметить их инновации, поскольку многие из их идей затем повторялись в западной социологии (или заново «открывались» там) и поэтому воспринимаются сегодня как западные. Например, Н.К. Михайловский раньше Г. Тарда разработал идеи теории подражания и изложил их в статье «Герой и толпа» [Михайловский, 1885]. Однако ввиду того, что его работа была опубликована в России, Тард никогда ее не читал и вообще не знал о существовании российского социолога вплоть до начала XX в. Заслуги Н.К. Михайловского – основателя субъективной социологии, которая существовала в России более полувека (дольше любой другой школы XIX в.), – бесспорны. Он оставался практически неизвестен на Западе при жизни, хотя сам Михайловский знакомил российскую общественность с западной социологией, освещал ее идеи в российских журналах и газетах своего времени. Он много писал о социальной солидарности, счастье, вывел формулу прогресса, связав ее с личностью, критиковал органицизм и социал-дарвинизм, отстаивая свободу личности. Субъективная социология была одним из ведущих направлений в российской социологии того периода и представляла ее публицистическую ветвь, к которой можно отнести П. Лаврова, Н. Кареева, С. Южакова и др. Их идеи стали частью широкого культурного процесса, отражая традиционные российские идеалы социальной справедливости, равенства и общественного блага.

Вклад социологов дореволюционного периода требует переоценки. Так, Ковалевский, признанный главной фигурой в становлении российской социологии [Кукушкина, 2000: 105], дал определение социологии как науки об общественных организациях и социальных изменениях. Он отстаивал принципы плюралистической методологии и теорию многофакторности, согласно которым социальную эволюцию детерминируют несколько социальных причин. Ковалевский считал, что есть главные, наиболее важные факторы. Для него таким фактором стал рост народонаселения как импульс экономическому развитию страны [Ковалевский, 1910]. Ковалевский понимал, что «демографический фактор никогда не действует сам по себе»: он может усиливать или уменьшать действие других факторов социальной эволюции. Современная социология также считает, что каузальные объяснения проблематичны, многофакторность, за которую Ковалевский подвергался критике, признана нормой, а детерминизм – устаревшим типом объяснения. Ковалевский выполнил важную просветительскую функцию для российской публики, когда опубликовал работу, где описал известных западных социологов того времени [Ковалевский, 1905]. Популяризации идей западных ученых были посвящены четыре тома «Новых идей в социологии», опубликованных М.М. Ковалевским вместе с Де Роберти

¹ Эта же судьба постигла советскую социологию, особенно тех ее мэтров, которые давно умерли: их книги почти неизвестны молодому поколению социологов, среднее поколение также предпочитает на них не ссылаться, даже если там высказывались неординарные мысли и разрабатывались актуальные и сегодня концепции.

в 1913–1914 гг., где нашлось место и статьям российских авторов – Н. Кондратьева, Н. Погодина, Я. Новикова, П. Сорокина.

Примеров недооценки классиков российской дореволюционной социологии немало. Сегодня трудно определить, какие конкретные работы российских авторов, часть которых была издана только за рубежом, давали наиболее существенное приращение научного знания по сравнению с трудами их современников. Можно лишь сказать, что большинство российских авторов развивали социологию в русле универсальных социологических традиций, сложившихся в ту историческую эпоху, но с учетом национального опыта и проблем своего общества.

Наш тезис состоит в утверждении, что российские социологические теории первого этапа были национально укоренены (базировались на российских проблемах общества и объясняли их в контексте российской истории). Вместе с тем они были гармонично встроены в мировую (в тех условиях – западноевропейскую) социологию, которую российские авторы считали своим долгом изучать и в рамках которой некоторые из них профессионально работали долгие годы жизни за рубежом. Одновременно с «укорененностью» в социальные проблемы российского общества социология в России – в отличие от социологии в Западной Европе – изначально находилась в значительно большей зависимости от института государственной власти, которая сохранялась и в последующие периоды. Только в 1917 г. в Петроградском университете было официально разрешено читать курсы социологии, а в 1919 г. стараниями П.А. Сорокина там же были открыты кафедра и отделение социологии. Этот факт позволил (на короткое время) заняться подготовкой профессиональных социологов. Если бы эта подготовка и исследования были продолжены, возможно, советская социология достигла бы мирового признания к середине XX в. В то же время если западноевропейская социология этого периода, по мнению американского социолога Дж. Гоу, призывающего покончить с европоцентризмом в социологии, имела «имперскую точку зрения» на общество в целом [Гоу, 2016: 75], то российской социологии это не было присуще.

В некоторых современных источниках утверждается, что «отечественная социология дореволюционного периода развивалась в рамках общемирового процесса наравне с ведущими национальными социологическими школами Европы и США» [Осипов, 2010: 7]. Другие авторы отмечают, что многие российские социологи (Лиленфельд, Ковалевский, Кареев, Де Роберти) имели международную известность и влияние на социологию за пределами России [Голенкова, Гридчин, 1998: 40]. К этим (запоздалым) высоким оценкам можно относиться по-разному, однако, прежде всего, социологов досоветской России надо оценивать по вкладу, который был ими сделан в российскую социологию, чему не помешали ни политические препоны, ни во многом неустроенная жизнь (без постоянной работы) многих выдающихся социологов этого периода. Утверждение такой оценки как общепринятой на практике более проблематично, чем оценка их вклада в мировую социологию. Причины этого связаны с **разрывами** исторической преемственности в развитии отечественной социологии. Драматизм проблемы в том, что, во-первых, ни дома, ни за рубежом российские ученые не были признаны столь же важными фигурами в социологии, как Дюркгейм, Тард или Спенсер. Во-вторых, наследие досоветской социологии в начале 1920-х гг. было фактически вычеркнуто из отечественной социальной науки, да и сама она вскоре была опять запрещена почти на 40 лет. В-третьих, даже после возвращения дореволюционного социологического наследия в сферу научной коммуникации оно редко используется в целях уточнения национального облика социологии России, который, будучи сформирован ее культурой и историей, учитывая специфику духовного и социального развития страны, отличал бы российскую социологию от социологий других стран и определял ее нынешнее место в мировой социологии².

² Очевидно, представления о социальной реальности сегодня существенно изменились, поэтому прямой перенос идей прошлого невозможен, однако они могут стимулировать научную мысль, наталкивать на поиск инновационных междисциплинарных связей, что в условиях новых вызовов необходимо.

Задача точности и валидности оценок инновационности досоветской социологии усложняется тем, что многие оценки давались ей советскими и российскими авторами постсоветского периода, исходя из инструментальной ценности идей раннего периода социологии. Как показал С. Тернер на примере американской социологии, подобные оценки инструментальны, поскольку связаны с практическими интересами тех, кто и когда выносил эти оценки. «Инструментальная ценность идей – путь, на котором они важны для наших карьер – часть системы престижа, результат множества рычагов, используемых участниками для продвижения/подавления соперников» [Тернер, 2023: 17]. Поэтому, как только социология в постсоветский период официально отреклась от марксизма, признав неадекватность его для объяснения современного общества, потеряла инструментальную ценность и оценка важных и инновационных для своего времени идей Г.В. Плеханова (о классовости психологии в классовом обществе, об исторической конкретности идеалов, о роли личности в истории, о роли случайности) и В.И. Ленина (оценка развития капитализма в России, метод соединения статистического и исторического сравнительного анализа, использованный в работе «Развитие капитализма в России») и др. Работы мирового уровня П.А. Сорокина стали получать признание на родине только с изменением политической обстановки в стране. Тогда же увеличился интерес общественности к религиозным идеям российских дореволюционных мыслителей (включая неоднозначную фигуру Е. Блаватской), трудам М. Бакунина и П. Кропоткина и др., которые искали подходы к решению важных проблем общества и личности посредством включения их в социальный и культурный контекст³. Российскими социологами того периода сделано немало. Сегодня надо по достоинству оценить это наследие и по возможности использовать в новых условиях.

Советский период. В условиях забвения дореволюционного социологического наследия «второе рождение» социологии в период «хрущевской оттепели» проходило под значительным (открыто не декларируемым) влиянием западной социологии. При официальном доминировании марксизма-ленинизма это кажется невероятным. Но западные социологи, получив возможность приезжать в СССР, навещали советских социологов, привозили им свои книги, выступали с лекциями. Поскольку адекватного комплекса источников социологического знания у советских социологов не было, трудно было ожидать иных результатов: советская «социология воспроизводила (с запозданием) почти все положения американской социологии 1950–1960-х гг.» [Щербина, 2019: 36], прежде всего – фокус на социальной стабильности, сделанный Т. Парсонсом [1998]. Однако и в этих условиях советская социология отличалась от западной: она «дополняла базовые (присущие тогдашней американской социологии) функционалистские представления положениями марксистской социальной философии», т.е. идеями об изменении социального порядка [Щербина, 2019: 36]. Этот дуализм составлял специфику советской социологии вплоть до перестройки, когда был дан «зеленый свет» западным влияниям.

Зарубежное влияние способствовало созданию дуалистической основы советской версии социологии, ее выходу на международный уровень, налаживанию научной коммуникации. Фактически, по мнению ряда авторов [Shalin, 1979; Shlapentokh, 1987], западная социология оказала значительное влияние на всех, кто известен сегодня как шестидесятники. Исследования В.А. Ядова и А.Г. Здравомыслова [1967], связанные с изучением отношения к труду молодых рабочих Ленинграда, были представлены на международном конгрессе и получили одобрение зарубежных социологов. Работы других шестидесятников, включая И. Кона, В. Шубкина, Б. Грушина, показали, что советская социология исследует темы, которыми занимаются и западные социологи, и что между ними нет непреодолимых разрывов. В стране развивалось то направление советской социологии,

---

³ Необходимость рефлексии проблемы переоценки российской социологии уже отмечалась нами [Титаренко, 2023], в данной статье эта проблема непосредственно связана с историческим наследием социологии и его переоценкой.

которое встроилось в универсальные тенденции, доминировавшие в этот период в мировой социологии (изучение труда, личности, коммуникаций). Когда в 1960 г. Б.А. Грушин создал в газете «Комсомольская правда» социологическую группу и стал изучать общественное мнение, он шел по стопам Дж. Гэллапа. Но ему приходилось разрабатывать свои методики изучения массового сознания советских людей: создавать собственную теорию общественного мнения как проявления массового сознания [Грушин, 1967]. Несмотря на понятные ограничения в тематике, Грушин стал социологом мирового уровня, что подтверждено позднее его работой во ВЦИОМе вместе с Т. Заславской и Ю. Левадой, а на постсоветском этапе – созданием истории изучения общественного мнения в СССР и России. Б. Докторов справедливо назвал его «российским Гэллапом» [Докторов, 2005]. Работы советских социологов публиковались за рубежом. Так, под редакцией Г.В. Осипова вышла работа об индустриальном труде в СССР [1966], под редакцией А.Г. Здравомыслова – книга о марксистской социологии [1986].

Такой дуализм способствовал тому, что советская социология имела как теоретические, так и прикладные достижения. Поэтому нельзя согласиться с огульным отрицанием вклада советских социологов в науку: они сумели раскрыть важные черты развития советского общества, значительно расширив роль «верного слуги партии», которая ей отводилась партийными органами [Осипов, 2010: 11]. В.Н. Шубкин прав, что в советское время миссия социологии состояла не в служении власти, а в том, чтобы «служить народу» [Шубкин, 1996: 12].

Инновационный вклад в советскую социологию вносили разные авторы, взгляды которых различались политической злободневностью, что не мешало им быть профессионалами высокого уровня. Так, А.Г. Харчев, первый главный редактор журнала «Социологические исследования», сделал журнал полем профессионального обсуждения актуальных проблем социологии. Его сфера научных интересов – семья, казалось бы, была далека от политики. Тем не менее Харчев показал проблемы советской семьи, связанные с развитием всего общества, и обосновал необходимость тщательного изучения этой сферы [Харчев, 1964]. В отечественной науке полученные им результаты стимулировали последующие исследования брака, семьи, распределения гендерных ролей (С.И. Голод, М.С. Мацковский и др.). В XXI в. проблемы семьи и демографии находятся в центре внимания российских ученых ввиду резкого падения рождаемости, так что преемственность идей и тематики разных этапов развития отечественной социологии сохраняется. Эти примеры показывают, что многие советские социологи внесли вклад в отечественную социологию, став достойными ее классиками. Необходимо ценить роль наших предшественников и современников в развитии социологии в СССР и России, выявлять новаторские стороны идей, которые они разработали.

Годы перестройки усилили западное влияние и разорванность советской социологии. Появились негосударственные социологические организации, работающие по западным образцам. Эти организации собирали эмпирический материал, важный для понимания России, внесли в практику новые подходы и методы. Не все их результаты сегодня представляются актуальными, но социология стала известна народу, результаты опросов публикуются в печати и привлекают внимание общественности. Не только история страны, но и история социологии стали критически пересматриваться. Социология разделилась на тех, кто активно поддерживал курс на перемены, и тех, кто был против быстрого слома советской политической системы, отказа от устоявшихся традиций. Ее внутренние «разломы» не преодолены и поныне. В полной мере переоценка ценностей продолжается.

Постсоветский период. Какими достижениями отмечена постсоветская эпоха? Вследствие диверсификации и фрагментации социологии она потеряла даже видимость единства. Каждый «берег» занялся своими темами, методами, публикациями в «своих» журналах. У всех были бесспорные достижения. Появились монографии о коррумпированном российском бизнесе [Волков, 2020], российском крестьянстве, которое не может следовать западным путем развития [Shanin, 2016], о сословной структуре новой России

[Кордонский, 2008], растущем социальном неравенстве [Шкаратан, 2012], национальных конфликтах [Здравомыслов, 1999], власти [Тощенко, 2002], разных аспектах трансформации [Россия..., 2001], социальных движениях в России [Яницкий, 2013], не преодоленном состоянии социальной травмы [Тощенко, 2020]. Назвать все труды высокого уровня, вышедшие в постсоветское время, не берусь. В этих работах много новых идей – о противоречиях становления российского рынка, социальных институтов, углублении старых и появлении новых проблем.

Стали популярными работы, посвященные переосмыслению советской истории отечественного социума, среди которых были не просто критические, но и предлагающие новый взгляд на прошлое. Б.М. Фирсов внес вклад в понимание непростого и неоднозначного развития советского общества в разные периоды его существования, опубликовав работу «Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы» [Фирсов, 2008]. Хотя данное исследование появилось на постсоветском этапе развития России, утверждения о наличии разномыслия, начиная с послевоенных лет, т.е. при жизни Сталина, произвели огромный эффект на российских и зарубежных социологов, вызвали полемику в обоих «лагерях». Вся концепция развития советского общества менялась, становилась более сложной и требующей детального подхода к пониманию причин подобного развития. Книга вызвала большой интерес у зарубежных социологов и инициировала организацию международной конференции на эту тему.

На постсоветском этапе развития социологии сторонники прозападного универсализма заимствовали и адаптировали гендерные исследования и феминизм, теорию модернизации и теорию транзита к демократии и рынку. В самом признании прозападной ориентации не было негативной оценки. Напротив, как показано в исследовании под руководством В.А. Ядова, западные социокультурные образцы имели сильное влияние на всю постсоветскую социологию [Ядов, 2009], в частности стимулировали развитие публичной социологии. Однако некоторые некритические заимствования, связанные с осмыслением трансформации, косвенным образом с течением времени стали нести негативные результаты, вели к эпилгонству и дезориентировали общественность. Как утверждает сегодня американский социолог П. Рутланд, в 1990-е гг. либерально-ориентированные социологи базировали свои аргументы по скорому включению России в орбиту Запада на теориях транзитологии [Rutland, 2023] и модернизации, американской по происхождению и объявившей США образцом для всех стран мира. Данная теория внедрялась в российскую социологию много лет в разных вариантах. Использовались сравнения России с базовой моделью – США, что всегда создавало впечатление недоразвития России, хотя и стимулировало российских ученых на поиски своего пути. Многие годы работавший с теорией модернизации применительно к России Н.И. Лапин изначально видел в ней противоречия. Постепенно, изучив опыт китайской модернизации, он пришел к выводу, что Россия не сможет успешно развиваться по чужим образцам, ей нужна своя теоретическая основа развития [Лапин, 2018]. На эти поиски у автора ушло почти 30 лет. Сегодня у российских социологов нет в запасе такого времени для переосмысления зарубежных теорий. Необходимо осознать их эпистемологическую ограниченность для России, уйти от навязываемых образцов. Это означает не «отворот» от западной социологии, а пересмотр отношения к ней в условиях, когда формируется новая глобальная конфигурация.

Независимо от противоположности политических оценок российских и зарубежных теорий, иногда и от собственных ожиданий, социологи показали, что Россия еще находится в поисках идентичности, окончательный выбор пути развития не сделан [Тощенко, 2020]. Поиски этого пути предлагались в рамках разных теорий: институциональных матриц [Кирдина, 2001], модернизации [Лапин, 2015]. Не решены важнейшие социальные проблемы: экологические [Яницкий, 2013], этнонациональные [Дробижина, 2013], экономические и т.д. Цивилизационные теории [Россия..., 2015] предлагают перспективу развития, ориентированную на поддержание российской идентичности. В целом, однако, критический подход

возобладал над креативным, творческим: анализ острых проблем, борьба со стереотипами уводили от решения главного вопроса – куда и как стране идти дальше.

Парадокс, на мой взгляд, в том, что российским социологам не нужно «отказываться» от западной или глобальной социологии: сегодня они могут продолжать черпать оттуда идеи, занимаясь решением собственных социально-культурных проблем. Важен отказ от гегемонии западного концептуального производства знания и навязанных схем оценки тех или иных процессов социального развития с позиций европоцентризма, не адекватных российскому региону (и другим регионам за пределами Северной Атлантики). Эта тенденция становится все более популярной, о ней много пишут и «критические» социологи Запада, Востока, Юга [Терборн, 2022; Тернер, 2023; Gutiérrez-Rodríguez, Costa, Boatca, 2010; Connell, 2007]. Радикальные критики западного доминирования предлагают сделать деколонизированную социологию своего рода новым «мейнстримом, а не маргинальным подходом, как на глобальном Севере, так и в большинстве стран мира» [Connell, 2023: 158]. Термины девестернизация, деколонизация, связанные с бывшими странами-колониями, сегодня применяются и для широкой характеристики социологий всех стран, не желающих подчиняться доминированию западного мейнстрима. Идеи продвижения «научного суверенитета» и отказа от европоцентризма становятся повесткой дня социологии за пределами западного мира [Beigel, 2023: 38].

На наш взгляд, новые глобальные условия обуславливают потребность в активизации поворота российской социологии к утверждению себя в качестве активного участника пересмотра прежней социологической иерархии, для чего необходимы усилия по уточнению своего места в мире и собственной теоретической позиции с учетом российского наследия и новых вызовов. Эта задача назревала, но после того, как против России была начата кампания «отмены», она стала определяющей. И хотя сам феномен «отмены» не нов (отмена существовала в форме вызова или неприятия и раньше), в нынешних условиях отмена приобрела расширенный характер. Возможно, если успехи самостоятельного развития российской социологии будут очевидны, большинство социологов разных стран мира будут активнее поддерживать с ней научную коммуникацию и включать российские теории в научный дискурс.

Что может сделать российская социология, чтобы стимулировать собственное развитие в этом направлении?

Во-первых, расширить пантеон российской социологии за счет наследия авторов, которые по тем или иным причинам остались недооценены или забыты, как и их работы, которые внесли вклад в социологию. Как утверждает У. Аутвейт, признание почти ко всем классикам мировой социологии приходит спустя десятки лет после их смерти [Outhwaite, 2021: 289]. Можно допустить, что и российские социологи всех периодов ее истории могут быть признаны классиками науки. Этот процесс не может протекать спонтанно; его надо осуществлять целенаправленно и поддерживать академическим дискурсом (по типу Харчевских чтений).

Во-вторых, провести «инвентаризацию» зарубежных теорий и определить, какие из них могут быть задействованы в арсенале российской социологии при их адаптации к реалиям, а какие стали или становятся нерелевантны. В этом направлении большая работа проделана в последние годы. Н.И. Лапин отказался от коннотаций своей теории модернизации регионов России с парсоновской теорией модернизации. В отношении цивилизационного подхода, который приобрел популярность в российской социологии, идет процесс определения, чьи идеи могут быть вовлечены в российские дискурсы, независимо от национальной принадлежности, пола и престижа их авторов.

В-третьих, насколько возможно, активно участвовать в процессах мировой социологии, которая радикально перестраивается, совершая поворот от европоцентризма к созданию «альтернативного канона» и постимперского социального мышления, в рамках которых социологии разных стран и регионов будут равноправными участниками процесса обновления дисциплины [Pleyers, 2023]. Социология каждого региона, включая

российский, будет вносить свою часть знания «как потенциально истинного», укорененного в своих особых точках зрения, и «тем не менее, возможно, объективного» [Go, 2016: 162–173]. Возможно, молодому поколению социологов необходима помощь в наращивании теоретической «агентности», чтобы «на старте нового этапа развития социального мира и социального знания шансы нашей социологии и социологий других стран выровнялись» [Демиденко, Романовский, 2023: 119]. Этот шанс нельзя упустить – иначе можно оказаться на задворках мировой науки и потерять доверие к научным результатам наших ученых и их практической значимости даже в своей стране.

Особую актуальность в условиях нарастания цивилизационного разлома вновь обретает цивилизационная идентичность России, анализ этого круга проблем с учетом коллективной социокультурной самоидентификации населения и поддержки/отвержения традиционных российских ценностей. Требуется переосмысления принятие этой идентичности и «общественного договора» разными социальными группами, т.е. проблема совпадения/несовпадения представлений граждан и власти «по поводу существующего и будущего жизнеустройства его участников» [Тощенко, 2023: 12]. Социология может внести вклад в понимание этих проблем, опираясь на свое наследие и не забывая уроков западной социологии, разрушившей свое внутреннее единство, отказавшись от синтеза проблем выживания и сохранения социального порядка с проблемой изменения и развития [Щербина, 2019: 37].

Выводы. (1) Российская социология изначально развивала социологические теории, релевантные историческому периоду её зарождения. Надо шире представлять себе весь объем и разнообразие отечественного наследия всех периодов её развития.

(2) Взаимоотношения между отечественной и зарубежной социологией – диалектическое взаимодополнение и переплетение, в рамках которого отечественная социология внесла вклад в области знания, которые были актуальны для России и попадали в сферу интересов российских авторов (социальная справедливость, роль личности, власть и народ). Многие из этих идей и сегодня актуальны для российской и мировой социологии.

(3) В отечественной социологии ее взаимосвязи с западной социологией проявлялись в разной степени. Интерес к изучению мирового наследия был всегда выше со стороны российских социологов, нежели обратный интерес, – на любом этапе исторического развития [Therborn, 2017: V]. До настоящего времени паритет и равенство не имели места.

(4) Нынешняя глобальная ситуация делает необходимым критический пересмотр собственной истории социологии и первоочередное развитие социологических теорий, адекватных современному историческому этапу развития России. Целью этого теоретического «поворота» может быть уточнение цивилизационной идентичности России и ее места в многополярном мире [Российское..., 2021], рассмотрение «нового мирового порядка» сквозь теоретическую призму X и Y матриц [Кирдина-Чэндлер, 2018]. Возможно, новые подходы позволят сделать качественный рывок в развитии социологии, в глобальном диалоге, не перенося политических конфронтаций и «культуру отмены» на взаимоотношения социологий разных стран и регионов мира.

(5) В условиях обострения противостояния на мировой арене российские социологи-теоретики могут взять на себя смелость в конструировании новых общих и специальных теорий, которые, представляя вероятностные модели для России, одновременно позиционировались как возможные ориентиры развития стран не-западного мира. Для достижения этих целей необходимо переосмысление российского социологического наследия, из которого можно черпать идеи, адекватные в новых условиях. Со временем этот процесс может быть поддержан и критически мыслящими социологами большинства стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бороноев А.О., Ломоносова М.В., Миронов Д.В., Скворцов Н.Г. Социологическое общество имени М.М. Ковалевского: история и современность. К 100-летию со дня основания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. № 3. С. 5–15.

- Волков В.В. Силовое предпринимательство: XXI век, экономико-социологический анализ. 4-е изд. СПб.: ЕУ в СПб., 2020.
- Голенкова З.Т., Гридчин Ю.В. Историко-социологическая проблематика // Социология в России / Ред. В.А. Ядов. 2-е изд. М.: ИС РАН, 1998. С. 19–39.
- Грушин Б.А. Мир мнений и мнения о мире. М.: Политиздат, 1967.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: ИРЦ, 2008.
- Демиденко С.Ю., Романовский Н.В. Социология в поиске идентичности (интервью с Н.В. Романовским) // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 117–132.
- Докторов Б.З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллага до Грушина. М.: ФОМ, 2005.
- Дробижева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013.
- Здравомыслов А.Г. Международные конфликты в постсоветском пространстве. 2-е изд. М.: Аспект Пресс, 1999.
- Здравомыслов А.Г., Ядов В.А., Рожин В.П. Человек и его работа (социологическое исследование). М.: Мысль, 1967.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. Западные и не-западные институциональные модели во времени и пространстве // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 1. С. 73–88.
- Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. 2-е изд. Новосибирск, 2001.
- Ковалевский М.М. Современные социологи. СПб.: тип. Пантелеева, 1905.
- Ковалевский М.М. Социология. Т. 2. СПб.: тип. Стасюлевича, 1910.
- Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М.: ФОМ, 2008.
- Кукушкина Е.И. Академическая традиция в истории социологии в России // Социологические исследования. 2000. № 4. С. 97–107.
- Лапин Н.И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 5–10.
- Лапин Н.И. Гибридный транзит и потребность в «модернизации для всех» // Вестник Института социологии. 2018. № 27. С. 105–136. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.542.
- Михайловский Н.М. Герой и толпа // Сочинения Н.К. Михайловского: Т. 1–6. СПб.: тип. «Общественная польза», 1885. С. 280–394.
- Осипов Г.В. Как это было на самом деле: о возрождении социологии в России // Вехи российской социологии. 1950–2000 годы / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко, Н.В. Романовский. СПб.: Алетей, 2010. С. 7–17.
- Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1998.
- Российское общество: архитектура цивилизационного развития / Отв. ред. В.В. Козловский. СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021.
- Россия как цивилизация: материалы к размышлению / Под общ. ред. О.И. Шкаратана, В.Н. Лексина, Г.А. Ястребова. М.: Ред. ж-ла «Мир России», 2015.
- Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М., 2001.
- Сорокин П.А. Преступление и кара. Подвиг и награда. М.: Астрел, 2006.
- Сорокин П.А. Система социологии. М.: Астрел, 2008.
- Терборн Й. Знание и власть: социальная наука и социальный мир // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 15–20.
- Тернер С. Эпистемная справедливость к мертвым // Социологические исследования. 2023. № 4. С. 15–27.
- Титаренко Л.Г. Российская социология в поисках ответов на теоретические вызовы // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 15–25.
- Тощенко Ж.Т. Общественный договор как ноумен: опыт социологического осмысления // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 3–15.
- Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между революцией и эволюцией (Опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020.
- Тощенко Ж.Т. Три особенных лика власти: Социологические заметки. М.: РГГУ, 2002.
- Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы. СПб.: ЕУ в СПб., Европ. дом, 2008.
- Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. Опыт социологического исследования. М.: Мысль, 1964 (2-е изд.: М., 1979).
- Шкаратан О.И. Социальное неравенство. Теория и реальность. М.: НИУ ВШЭ, 2012.
- Шубкин В.Н. Социологические мечты // Насилие и свобода. Социологические эссе. М.: На Воробьевых, 1996.
- Щербина В.В. Изменение характеристик социологии как науки (причины, итоги, перспективы) // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 29–39.

- Ядов В.А. (ред.) Воздействие западных социокультурных образцов на социальные практики в России (Теории, наблюдения, биографические интервью, советы студентам). М.: ТАУС, 2009.
- Яницкий О.Н. Социальные движения: теория, практика, перспектива. М.: Новый хронограф, 2013.
- Beigel F. (Re)Opening the Social Sciences: The challenges of open science // *Global Dialogue*. 2023. Vol. 13 (1). P. 36–38.
- Connell R. Beyond Marginality: How We Can Build a New Mainstream World Sociology and What It Might Look like // *Book of Abstracts. XX ISA World Congress of Sociology (Melbourne, Australia, 25 June – 1 July 2023)*. Melbourne, 2023.
- Go J. Postcolonial thought and social theory. Oxford University Press, 2016.
- Gutiérrez-Rodríguez E., Costa S., Boatca M. Decolonizing European Sociology. *Transdisciplinary Approaches*. Aldershot, UK: Ashgate, 2010.
- Industry and Labour in the U.S.S.R. / Ed. by G.V. Osipov. London: Tavistock, 1966.
- Outhwaite W. The heritage of classical sociology // *Journal of Classical Sociology*. 2021. Vol. 21. No. 3–4. P. 289–295.
- Pleyers G. Global Sociology as a Renewed Global Dialogue // *Global Dialogue*. 2023. Vol. 13 (1). P. 13–15.
- Rutland P. Whither Russia and Russian Studies? // *PONARS Eurasia*, May 2023. *Russian Analytical Digest*. 2023. No. 294. DOI: 10.3929/ethz-b-000612492.
- Shalin D. The development of Soviet sociology: 1956–1976 // *Annual Review of Sociology*. 1978. No. 4. P. 171–179.
- Shanin T. Russia as a “Developing Society”. *Roots of otherness – Russia’s turn of century*. London: Palgrave Macmillan, 2016.
- Shlapentokh V. The politics of sociology in the Soviet Union. Boulder: Westview, 1987.
- Sociology and What It Might Look like. *Book of Abstracts. XX ISA World Congress of Sociology*. Melbourne, Australia, 25 June – 1 July 2023.
- Therborn G. Foreword. In: Titarenko L., Zdravomyslova E. *Sociology in Russia*. L.: Palgrave, 2017.
- Zdravomyslov A.G. (ed.) *Developments in Marxist Sociological Theory: Modern Social Problems and Theory*. London: SAGE, 1986.

Статья поступила: 24.07.23. Финальная версия: 10.09.23. Принята к публикации: 19.09.23.

NATIONAL SOCIOLOGICAL HERITAGE: CLARIFYING EVALUATIVE OPTICS

TITARENKO L.G.

Belarusian State University, Belarus; Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia

Larissa G. TITARENKO, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Belarusian State University, Belarus; Associate Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia (larissa@bsu.by).

Abstract. The article offers a brief analysis of the formation of sociology in Russia, different, sometimes contrasting estimates of Russian sociological heritage – from the recognizing its theoretical dependence on the Western liberal mainstream, to a complete denial of the need for relationships with the West, due to the uniqueness of the Russian civilization development. The periods of development of Russian sociology are singled out, as well as the circulation of innovative ideas and theories within each period, which had their own value. Sociologists in each period created original ideas, some of which can still serve the development of Russian sociology and be included in the world sociological heritage. Given the rethinking of the sociological heritage, the conclusion is made about the need to search for theoretical innovations with the goal of providing an adequate understanding of the main problems of today’s Russia and prospects for its future development.

Keywords: Russian, Soviet and world sociology, sociological heritage, cancel culture, mainstream, Eurocentrism.

REFERENCES

- Beigel F. (2023) (Re)Opening the Social Sciences: The challenges of open science. *Global Dialogue*. Vol. 13 (1): 36–38.
- Boronev A.O., Lomonosova M.V., Mironov D.V., Skvortsov N.G. (2016) Sociological society named after M.M. Kovalevsky: History and modernity. To the 100th anniversary since its foundation. *Zhurnal sociologii i socialnoi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. No. 3: 5–15. (In Russ.)
- Connell R. (2023) Beyond Marginality: How We Can Build a New Mainstream World Sociology and What It Might Look like. *Book of Abstracts. XX ISA World Congress of Sociology*. Melbourne, Australia, 25 June – 1 July 2023.
- Danilevsky N.Ya. (2008) *Russia and Europe*. Moscow: IRC. (In Russ.)
- Demidenko S.Yu., Romanovskiy N.V. (2023) Sociology in search for identity (interview with N.V. Romanovskiy). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 117–132. (In Russ.)
- Doktorov B. (2005) *Pioneers of the world of opinions: from Gallup to Grushin*. Moscow: FOM. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2013) *Ethnicity in social and political space of Russian Federation. Twenty years of experience*. Moscow: Novy Chronograph. (In Russ.)
- Firsov B.M. (2008) *Divergence in the USSR. 1940–1960s*. St. Petersburg: EU v Spb., Evrop. dom. (In Russ.)
- Go J. (2016) *Postcolonial thought and social theory*. Oxford University Press.
- Golenkova Z., Gridchin Yu. (1998) Historic-sociological problems. In: *Sociology in Russia*. Ed. by V. Yadov. 2nd ed. Moscow: IS RAN: 19–39. (In Russ.)
- Grushin B. (1967) *Opinions about the World and World of Opinions*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Gutiérrez-Rodríguez E., Costa S., Boatca M. (2010) *Decolonizing European Sociology. Transdisciplinary Approaches*. Aldershot, UK: Ashgate.
- Industry and Labour in the U.S.S.R.* (1966) Ed. by G.V. Osipov. London: Tavistock.
- Kharchev A. (1979) *Marriage and Family in the USSR*. Moscow: Mysl. (In Russ.)
- Kirdina-Chandler S.G. (2018) Western and non-Western institutional models in time and space. *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki* [Questions of Theoretical Economics]. No. 1: 73–88. (In Russ.)
- Kirdina S.G. (2001) *Institutional Matrices and developing of Russia*. 2nd ed. Novosibirsk. (In Russ.)
- Kordonsky S. (2008) *Estate structure of post-Soviet Russia*. Moscow: FOM. (In Russ.)
- Kovalevsky M.M. (1905) *Modern sociologists*. St. Petersburg: tip. Panteleeva. (In Russ.)
- Kovalevsky M.M. (1910) *Sociology*. Vol. 2. St. Petersburg: tip. Stasjulevicha. (In Russ.)
- Kukushkina E.I. (2000) The academic tradition in history of sociology in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 97–107. (In Russ.)
- Lapin N.I. (2015) Current theoretical and methodological aspects of Russian modernization studies. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 5–10. (In Russ.)
- Lapin. N.I. (2018) Hybrid transit and the need for “modernization for all”. *Vestnik instituta sotziologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. No. 27: 105–136. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.542. (In Russ.)
- Mikhailovsky N.K. (1885) The hero and the crowd. In: *Works of N.K. Mikhailovsky*: Vol. 1–6. St. Petersburg: tip. “Obschestvennaya polza”: 280–394. (In Russ.)
- Osipov G.V. (2010) As it really was: about the revival of sociology in Russia. In: *Milestones of Russian sociology. 1950–2000 years* / Ed. by Zh.T. Toshchenko, N.V. Romanovskiy, St. Petersburg: Aletyya: 7–17. (In Russ.)
- Outhwaite W. (2021) The heritage of classical sociology. *Journal of Classical Sociology*. Vol. 21. No. 3–4: 289–295.
- Parsons T. (1998) *System of modern societies*. Moscow: Aspect-Press.
- Pleyers G. (2023) Global Sociology as a Renewed Global Dialogue. *Global Dialogue*. Vol. 13 (1): 13–15.
- Russia as a civilization: materials for reflection*. (2015). Ed. by O.I. Shkaratan, V.N. Leksin, G.A. Yastrebov. Moscow: Mir Rossii. (In Russ.)
- Russia: transforming society*. (2001) Ed. by V. Yadov. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Russian society: architectonics of civilizational development* / ed. V.V. Kozlovsky (2021). St. Petersburg: FNISC RAN. (In Russ.)
- Rutland P. (2023) Whither Russia and Russian Studies? *PONARS Eurasia*, May 2023. Russian Analytical Digest. No. 294. DOI: 10.3929/ethz-b-000612492.
- Shalin D. (1978) The development of Soviet sociology: 1956–1976. *Annual Review of Sociology*. No 4: 171–179.
- Shanin T. (2016) *Russia as a “Developing Society”. Roots of otherness – Russia’s turn of century*. London: Palgrave Macmillan.
- Sherbina V.V. (2019) Change in basic characteristics of sociology as a science (causes, results, outlook). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 29–39. (In Russ.)
- Shkaratan O. (2012) *Social inequality. Theory and reality*. Moscow: HSE. (In Russ.)

- Shlapentokh V. (1987) *The politics of sociology in the Soviet Union*. Boulder: Westview.
- Shubkin V. (1996) Sociological dreams. In: *Violence and Freedom. Sociological essays*. Moscow: Na Vorob'evykh. (In Russ.)
- Therborn G. (2017) Foreword. In: Titarenko L., Zdravomyslova E. *Sociology in Russia*. London: Palgrave: V–VIII.
- Therborn G. (2022) Knowledge and power: social science and the social world. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 15–20. (In Russ.)
- Titarenko L.G. (2023) Russian sociology in search of responses for theoretical challenges. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 15–25. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2002) *Three Special Faces of Power: Sociological Notes*. Moscow: RGGU. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2020) *Trauma Society: Between Revolution and Evolution* (Experience of Theoretical and Empirical Analysis). Moscow: Ves' mir. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2023) Social Contract as a Noumenon: The Experience of Sociological Understanding. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 3–15. (In Russ.)
- Turner S. (2023) Epistemic justice for the dead. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 15–27. (In Russ.)
- Volkov V. (2020) *Power Entrepreneurship: 21st Century, economic-sociological analysis*. St. Petersburg: EU v SPb. (In Russ.)
- Yadov V.A. (ed.) (2009) *The Impact of Western Socio-Cultural Patterns on Social Practices in Russia* (Theories, Observations, Biographical Interviews, Advice to Students). Moscow: TAUS. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2013). *Social movements: Theory, practice, perspective*. Moscow: Novy Hronograf. (In Russ.)
- Zdravomyslov A.G. (1999) *International conflicts in post-soviet society*. 2nd ed. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
- Zdravomyslov A.G. (ed.) (1986) *Developments in Marxist Sociological Theory: Modern Social Problems and Theory*. London: SAGE.
- Zdravomyslov A.G., Yadov V., Rozhin V. (eds) (1967) *The Man and His Work: A Sociological Research*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Received: 24.07.23. Final version: 10.09.23. Accepted: 19.09.23.

Н.Н. ЗАРУБИНА

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ КОНЦЕПЦИИ РАСКОЛДОВЫВАНИЯ МИРА М. ВЕБЕРА В КОНТЕКСТАХ РОСТА МАГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

ЗАРУБИНА Наталья Николаевна – доктор философских наук, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия (n-zarubina@yandex.ru).

Аннотация. В статье рассматривается концепция расколдовывания мира М. Вебера как методологическое основание для понимания трансформаций сознания современных людей в отношении отхода от научной картины мира и восстановления магического мировосприятия. Показано, что процесс расколдовывания мира М. Вебер рассматривал в двух формах: как маргинализации магических практик спасения внутри рационализированных религиозных картин мира и как утверждения представлений о полной познаваемости мира в научном мировоззрении. Фактором расколдовывания мира является рационализация, в результате которой происходит преодоление архаичного синкретизма: человек выделяет ценностные ориентиры «ведения жизни» и принимает на себя ответственность за свою судьбу. Однако это сопровождается формализацией нормативного порядка и постепенной утратой смысловых и ценностных доминант, с которыми она вступает в противоречие. Обосновывается, что в современном расколдованном мире происходят обратные процессы, развивается новейший синкретизм как результат взаимопроникновения цифровых техногенной, природной, социальной реальностей, снятия этических антиномий. Новейшему «заколдовыванию мира» способствуют также усиление отчуждения и стремления переложить ответственность за свою и общую судьбу на внешние силы, отказ от долгосрочных рациональных жизненных стратегий и ориентации на получение быстрого результата при невнимании к механизмам его достижения. Кроме того, отсутствие смысловых и ценностных доминант в современной культуре восполняется за счет архаичной веры в экстраординарные явления, способные быстро и эффективно, по образу и подобию цифровых технологий, решать самые острые проблемы.

Ключевые слова: наследие М. Вебера • расколдовывание мира • рационализация • религиозное видение мира • научная картина мира • синкретизм • цифровизация • магическое сознание • заколдовывание мира • ответственность

DOI: 10.31857/S013216250028529-4

Постановка проблемы. Одной из самых известных научных новаций М. Вебера является концепция расколдовывания мира (Entzauberung der Welt). У Вебера нет работы, специально посвященной этой проблематике, однако предпосылки, формы и последствия процесса расколдовывания мира рассматриваются им в комплексе трудов, входящих главным образом в «Хозяйственную этику мировых религий», по которым и можно представить более или менее целостную концепцию данного феномена. Эта концепция, приводимая и используемая им в статье 1918 г. «Наука как призвание и профессия» [Вебер, 1990в: 713–714], стала предметом рассмотрения многих современных социологов – исследователей наследия Вебера. Ей в разное время уделили внимание Ю. Хабермас, В. Шлюхтер, Ф. Тенбрук, П.П. Гайденко и Ю.Н. Давыдов, Л.Г. Ионин и многие другие социологи, философы, логики.

Современные социологи считают процесс расколдовывания мира одной из важнейших тенденций развития мировоззренческих оснований общества модерна. Однако факты свидетельствуют о том, что этот процесс сегодня не только не доведен до конца, но и постоянно демонстрирует попятные тенденции. Как ни парадоксально, развитие научного знания, распространение основанного на нем образования отнюдь не сопровождаются ни полным

принятием научной картины мира, ни отказом от веры в магию, колдовство и прочие экстраординарные, пользуясь веберовской терминологией, харизматические способности людей. В 2010-х гг., по некоторым данным, в России действовало около 800 тыс. практикующих эзотериков, колдунов и т.п. [Юревич, 2011: 94]. По данным ВЦИОМ, в 2022 г. 25% россиян верили в колдовство и способность некоторых людей наводить порчу. Хотя наблюдается существенное снижение верящих в колдовство по сравнению с 2015 г. (48%), но зато выросло количество сомневающихся (с 8% в 2015 г. до 24% в 2022 г.). Можно предположить, что именно за счет их роста сократилось количество тех, кто не сомневается в магических способностях некоторых людей. Сходные цифры получены по верящим в способности предсказывать судьбу (28% в 2022 г.)¹.

Чем обусловлена устойчивость магического мировоззрения в сциентизированном мире? Опираясь на работы Вебера, выявим предпосылки и формы расколдовывания, а затем проанализируем обратные культурные и ментальные тренды в современности.

Расколдовывание «заколдованного сада»: формы и механизмы. Под расколдовыванием мира Вебер понимал не секуляризацию, а более широкие культурные тренды, связанные с *рационализацией* как самих религиозных картин мира, так и с распространением научной картины мира. Понятие расколдовывания мира появляется у Вебера в «Протестантской этике», затем развивается в «Хозяйственной этике мировых религий», особенно в части «Конфуцианство и даосизм», и в «Социологии религии», т.е. оно изначально связано с рационализацией именно религиозного мировосприятия. Суть расколдовывания состоит в полном *исключении магических и мистических практик достижения спасения*, единственным путем к которому оказывается мирская аскеза – рациональная деятельность, подчиненная религиозному этосу. Наиболее полное и последовательное расколдовывание мира в западной культуре происходит в радикальном протестантизме на основе доведения до абсолюта разрыва между миром и Богом, представления о полной непостижимости Бога и невозможности воздействовать на его волю, в результате которого соблюдение обрядов, поклонение святым и священным предметам, – любые воздействия на посмертную судьбу рассматриваются не только как бессмысленные и бесполезные, но и как греховные [Вебер, 1990а: 143]. Вебер подчеркивает, что пуританизм завершает «великий историко-религиозный процесс расколдовывания мира, начало которого относится ко времени древнеиудейских пророков и который в сочетании с эллинским научным мышлением уничтожил все магические средства спасения, объявив их неверием и кощунством» [там же]. В «Социологии религии» Вебер более подробно анализирует ритуальные и церемониальные способы обретения спасения в католицизме и т.д., при этом подчеркивая, что участие в них дает лишь преходящее ощущение «сопричастности» благодати, но препятствует систематически религиозному «*ведению жизни*»², обеспечивающему рационализацию сотериологических ожиданий и практик [Вебер, 1994б: 191–194]. Таким образом, кроме протестантизма, ни в одной из религий такого уровня расколдовывания путей и практик спасения не отмечается, поэтому можно сказать, что именно с протестантской культуры начинается современный процесс сквозной, тотальной рационализации всего образа жизни человека, из которого, согласно воззрениям XIX–XX вв. на модерн, изгоняется все потустороннее, принципиально не подлежащее рациональному объяснению. В конфуцианстве, как и в древнем иудаизме, несмотря на признание сотериологической значимости исключительно добродетели и закона, все же оставалось достаточно места для обрядов и суеверий, поэтому сквозной рационализации образа жизни они не обосновали [Вебер, 2017: 335].

Вебер отмечает центральное место теодицеи в формировании рационализированных религиозных картин мира. Изначально племенные божества «отвечают» за *общее* благополучие,

¹ О вере и суевериях, или таинственное и загадочное рядом (от 02.11.2022). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-vere-i-sueverijakh-ili-tainstvennoe-i-zagadochnoe-rjadam> (дата обращения: 21.09.2023).

² Этот перевод веберовского термина *Lebensführung* представляется удачным, поскольку передает активную позицию индивида, самостоятельно определяющего свое повседневное практическое поведение.

в то время как избавлением от личного страдания и личной удачей занимались колдуны, маги. После возникновения в традициях разных цивилизаций веры в спасителя – страдающего, умирающего и воскресающего бога, он начинает совмещать функции как общего, так и индивидуального избавления от страданий. По существу, оно состоит не только в утешении, но и в приписывании высшего смысла всему, что происходит с человеком. Саму суть возникших затем религий спасения Вебер описывает как потребность в том, чтобы «структура мира в своей совокупности была так или иначе осмысленным “космосом” или же могла и должна была им стать» [Вебер, 1994а: 55].

Наиболее принципиальное различие между магическим и собственно религиозным сознанием, по Веберу, состоит в том, что любая «высокая» религия предполагает рационализацию как «удвоение мира», т.е. нахождение трансцендентной точки – высшего смысла, или любого внешнего по отношению к конкретной практике смысла, критерия (деньги в рыночной экономике, закон, правило в формальной рационализации), с позиции которого оценивается посюсторонний мир и выстраиваются стратегии взаимодействия с ним [Давыдов, Гайденко, 1991: 242–243; Schluchter, 1980: 13]. Магическое же мировоззрение подобного удвоения не знает, оно синкретично, полагает единство человека и мира, маг способен непосредственно или с помощью измененных состояний сознания «включаться» в действие тайных сил, управляющих природой и людьми.

Маги, колдуны стремятся подчинить себе потусторонние силы или вступить с ними во взаимодействие, в магическом мировоззрении отсутствуют рационализированная метафизика и этика. Высокие религии ориентируют человека на служение личному Богу или высшему началу путем совершения определенных действий этического характера, опирающихся на знание о законе, который существует в мире по воле Бога, и на несение ответственности за свою судьбу [Вебер, 1994б: 105]. При этом повседневные, практические основания «ведения жизни» также должны подчиняться религиозному этосу. На месте характерных для магического мировосприятия представлений о «гневе духов», «одержимости», «нечистоте» в религиозных этических системах формируются представления о грехе как нарушении божественных заповедей и моральных норм, вызывающем Его гнев и соответствующие кары [там же: 110]. Как отмечал немецкий исследователь наследия Вебера В. Шлюхтер, религиозным картинам мира присущ дуализм практической и этической рационализации, что порождает два различных пути развития этики: в основе этики ответственности лежит императив соблюдения абстрактных норм, а этики убеждения – вера в истинность, праведность и т.п. тех или иных оснований этоса [Schluchter, 1980].

Рационализация повседневных практических знаний сопровождает историю человечества с древнейших времен. Вебер отмечает, что в Китае любая рационализация совокупности очень древних эмпирических знаний и умений осуществлялась в направлении магической картины мира [Вебер, 2017: 331], благодаря чему сформировались целые «магические науки», которые сохраняют актуальность по сей день, как, например, фэн-шуй, астрологические, нумерологические, медицинские знания и т.п. В итоге мир даосов, да и простых мирян, насыщенный колдовством и магией, требующий познания таинственных скрытых сущностей и смыслов и активного взаимодействия с ними, превращается в «заколдованный сад» [там же: 334]. Судьбу человека здесь определяет «колдовство, а не ведение жизни», хотя образованные конфуцианцы и утверждают, что колдовство не властно над добродетелью, но все равно не исключают обряды из государственного культа [там же: 335].

Вебер отмечает, что «заколдованный сад» магического мировосприятия обладает специфическим консерватизмом, поскольку видит мир уже завершенным и совершенным, человеку остается только приспособливаться к нему и почитать силы, управляющие им [там же: 340]. Это позволяет Ю. Хабермасу утверждать, что магическое отношение к миру препятствует объективному восприятию экономического прогресса и технических инноваций [Хабермас, 2010: 42]. Причем, отмечает Ю. Хабермас, именно принимающие мир религии не способны до конца преодолеть магию и манипулятивные техники взаимодействия с высшими силами и сформировать этические принципы личной коммуникации с ними [там же: 41–42]. Миротвергающие

религии, такие как христианство, индуизм, ориентируют верующего на поиск рациональных путей взаимодействия с персонифицированным Богом в качестве его «орудия» по преобразованию мира и самого себя, или с безличным Абсолютом в качестве «сосуда», вмещающего высшее знание. Притом Хабермас отмечает, что для Вебера, интересующегося рационализацией повседневного «ведения жизни», практически-этическими установками, преодоление *практической* магии имеет больше значения, чем собственно интеллектуальное преодоление мифологических картин мира, лежащих в ее основе [там же: 42].

Проблема расколдовывания религиозных картин мира с рационализированными практиками спасения состоит в том, что она практически нигде не доводится до конца. Как отмечает Вебер, «реальности внешней и внутренней жизни» приводят к тому, что нуждающийся в практических решениях человек склоняется к релятивизму ценностей и, как следствие, «многочисленные древние боги, лишенные своих чар и принявшие, следовательно, образ безличных сил, выходят из могил, стремятся завладеть нашей жизнью и вновь начинают вести между собой свою вечную борьбу» [Вебер, 1990в: 727].

Последствием расколдовывания мира, в конечном счете, оказалось то обстоятельство, что не только магия, но и вообще любая духовность становятся в этом мире лишними. Ее сделали излишней развитие практической, формальной и теоретической рациональности, ориентированных на господство человека над миром, управляемым универсальными, безличными законами, доступными познанию. Эти идеи Вебер развивает, рассматривая расколдовывание мира в другом, не религиозном контексте – в контексте развития науки.

Развитие современной экспериментальной, «эмпирической» науки в европейской цивилизации Вебер связывает не только с античной логикой и ренессансным экспериментом, но и с протестантской картиной мира, где недоступность Бога и *смыслов* его творения для рационального познания открыли свободный путь к рациональному познанию самого сотворенного мира [там же: 717]. И уже *не религиозное, а научное расколдовывание мира* означает, что «люди знают или верят в то, ... что принципиально нет никаких таинственных, не поддающихся учету сил, которые здесь действуют, что, напротив, всеми вещами можно овладеть путем расчета. Последнее, в свою очередь, означает, что мир расколдован» [там же: 714]. То есть то, что сегодня представляется непознанным, таинственным или аномальным, завтра с помощью усовершенствованных приборов, методов, вновь открытых законов природы будет объяснено и органично включено в научную картину мира.

Однако ориентация на научное знание как технику овладения расколдованным миром таит в себе новые проблемы – проблемы *смысла*, которого лишается «расколдованный» мир. Как отмечает Вебер, естествознание и другие позитивистские науки не отвечают на самый важный, принципиальный вопрос о сущности и назначении этого мира: «Если наука что и может сделать, так это скорее убить веру в то, будто вообще существует нечто такое, как "смысл" мира» [там же: 717]. Так, научная медицина может избавить от страданий и спасти жизнь, но она не может, оставаясь наукой, даже поставить вопрос о том, *нужно ли* это делать. Вебер подчеркивает: «Все естественные науки дают нам ответ на вопрос, что мы должны делать, *если* мы хотим *технически* овладеть жизнью. Но *хотим ли* мы этого и *должны ли* мы это делать и *имеет ли* это в конечном счете какой-нибудь смысл – подобные вопросы они оставляют совершенно нерешенными или принимают их в качестве предпосылки для своих целей» [там же: 720]. Следует обратить внимание на последнее утверждение о том, что естественные науки *принимают* в качестве предпосылки своего существования самоценности именно научного знания, позволяющего овладеть природой, то есть в основе научного рационализма оказывается *иррациональная, «беспредпосылочная» вера* в собственную значимость [там же: 724].

Это позволило В. Шлюхтеру увидеть сходство научной и религиозных картин мира как дуалистических, основанных на противопоставлении практических и этических оснований рационализации. И сама возможность, и потенциал развития современной научной картины расколдованного мира виделись В. Шлюхтеру в диалектике рационального овладения миром и принятия нравственной ответственности за него, и, с другой стороны, этики убеждения в его самоценности [Schluchter, 1980: 37]. При этом, если сам В. Шлюхтер делает выбор в пользу

этики ответственности человека, в особенности ученого, за расколдованный, «обезбоженный» мир, то П.П. Гайденко и Ю.Н. Давыдов ставят вопрос иначе. Вопрос о смысле «формально-технической рационализации» мира может быть не результатом развития научной картины мира, а именно тем, что рационализирующее расколдовывание и «обезбоживание» человеческого мира не дошло до логического конца, а может быть, абсолютное расколдовывание мира невозможно в принципе [Давыдов, Гайденко, 1991: 264–265].

Л.Г. Ионин в научной биографии Вебера подчеркивает, что открытое немецким ученым расколдовывание мира заводит в опасный, даже смертоносный тупик, поскольку не оставляет человеку ничего, кроме «брутального» рационализма. А рационализм расколдованного мира «брутален» потому, что упорядочивает мир и очищает его от всего «лишнего», в разряд которого неизменно попадают и высшие смыслы, и духовность, и даже душевные переживания [Ионин, 2022: 360]. Современные интерпретаторы Вебера нередко связывают расколдовывание мира с формальной рационализацией, где «удвоение» мира предполагает его оценку не с позиций высших смыслов и ценностей, а по отношению к безличным правилам, например, бюрократического господства, юридических норм или денежной экономики. Все, что выходит за рамки формальных норм, рассматривается как избыточное и незначимое.

Какой оказывается судьба расколдованного мира, в котором вместе с иррациональными началами потеряны смыслы действий и бытия человека, Вебер показывает на последних страницах «Протестантской этики». Из этого мира ушла идея спасения, как и идея Бога и связанная с ней осмысленность человеческого существования. От прежнего упорядоченного высшими ценностями «ведения жизни» остались лишь формальные правила, «стальной панцирь» («*stahlhartes Gehäuse*») привычного образа жизни, позволяющий современным людям действовать и даже господствовать над миром, не задумываясь о смысле [Вебер, 1990: 207].

Однако, поскольку человек не может жить без осознания смысла своего бытия, без ценностей и причастности к высшим, сакральным началам, а в обыденной жизни – без ощущения харизматической власти над миром, процесс расколдовывания мира не завершается. Напротив, и в нем самом, как и в связанном с ним процессе рационализации, заложены предпосылки обратных тенденций «заколдовывания» мира. Можно согласиться с Ф. Тенбруком, что после «Хозяйственной этики мировых религий» Вебер приходит к выводу о приближении «конца тысячелетнего процесса расколдовывания», когда этически обоснованная религиозная унификация «ведения жизни» вновь распадется, возникнет новая социальная и культурная реальность, к анализу которой потребуются новый подход [Тенбрук, 2020: 117].

Предпосылки новейшего «заколдовывания» мира. Используя выявленные теоретические основания анализа процесса расколдовывания мира, исследуем причины и последствия нового «заколдовывания» мира, возникновения нового магического сознания (см.: [Ионин, 2005]).

В процессе расколдовывания религиозных картин мира для Вебера имел значение тот факт, что маги и колдуны занимались *индивидуальным избавлением от страданий*, в то время как религии утверждали *общий путь спасения*, этически обоснованное «ведение жизни» для всех верующих. Потребность получить ответы о личном будущем, об удаче в делах, помощь в решении проблем всегда была и остается у людей, и в большинстве религий оставалось достаточно места для веры именно в магическую силу обрядов, как и для суеверий, и для обращения к магии, несмотря на их формальное осуждение церковью или даже молчаливый компромисс с подобной релятивизацией религиозной картины мира [Вебер, 1990в: 726]. Люди эпохи модерна, мировоззрение которых в значительной степени сциентизировано и «расколдовано», скорее всего, не могут отличить религиозное спасение от магической помощи и, нуждаясь в решении личных жизненных проблем, совершают церковные обряды как магические действия или обращаются за помощью к экстрасенсам, гадалкам и т.п. Общие бедствия и потрясения, например пандемию, экономический кризис, военные конфликты и т.п., современный человек относит к компетенции политических и социальных институтов, а не карающего за грехи Бога. Неспособность понять их природу апеллирует не к магическому, а к конспирологическому знанию (см.: [Бразертон, 2020]). Но при этом усугубляется состояние

отчужденности, сопряженное с желанием «бежать от свободы», т.е. от необходимости принимать решения и самостоятельно нести ответственность за собственную судьбу (Э. Фромм), которую проще верить в руки не только авторитарных правителей, но и «волшебных помощников». Таким образом, избавление от страдания остается важнейшим мотивом сохранения магического мировосприятия. О том же говорит Ф. Тенбрук, утверждая, что вера в существование таинственного, чудесного, не поддающегося расколдовыванию в этом мире определяется постоянными угрозами неудач, провалов, несчастий, чему необходимо находить объяснения [Тенбрук, 2020: 108]. Стоит отметить, что в *расколдованном рационализированном мире, где не осталось смысловых и ценностных доминант, человека волнует не столько поиск смысла и оправдание страдания (теодицея), сколько конкретная эффективная поддержка.*

Что касается причин разнообразных страданий, то у современного человека их ничуть не меньше, чем было в древности и в средние века, просто они несколько изменились. Прежде всего, необходимость постоянного выбора из многих равно возможных стратегий действий в современном «текущем» (З. Бауман), «ускользающем» (Э. Гидденс) мире, в «обществе риска» (У. Бек) является постоянным источником стресса, с которым человеку трудно оставаться один на один, ему нужна «безусловная» поддержка, которую обещают только экстрасенсы, гадалки, прорицатели. Весьма актуальным для современного человека, приученного везде искать наиболее эффективные способы достижения целей, является то, что избавление от разнообразных страданий в магическом мировосприятии представляется не сложным путем усилий над собой и над внешними обстоятельствами, а воздействием на внешние скрытые силы «волшебными помощниками», которое приводит к мгновенным результатам. Почему помощь не ищут в научных – медицинских, психологических, социальных и т.п., знаниях, а обращаются к архаической магии?

Ответ можно найти в известной ограниченности научного познания, ориентированного на универсальное, типичное, безличное. Ориентация на единичное, фактическое и событийное нередко критикуется как «ненаучное» или даже «лженаучное». Так, объектом критики становятся, например, психоанализ, «социология знания» и феноменология, постмодернистская аналитическая перспектива в социальном знании и т.п. [Ефремов, 2013: 30–36]. Но реальных, живых людей в их повседневной жизни интересуют не общие абстрактные законы, а их собственная судьба, и наука не может дать им конкретные ответы. Их может дать как раз магическое и мифологическое знание, которое говорит не об универсальных механизмах, например, возникновения того или иного заболевания, а о том, почему заболел именно этот конкретный человек, и не о том, как лечить болезнь вообще, а как лечить конкретного пациента. Таким образом, магическое знание заполняет в массовом сознании ниши, которые не может или не считает нужным заполнять знание научное (см.: [Ионин, 2005: 37–39]). Возможно, именно поэтому люди ищут помощи у экстрасенсов и колдунов, не у официальной медицины, других современных наук, современных институтов. Последние также нередко прибегают к помощи магов, эзотериков, привлекая их, негласно и неформально, к расследованиям преступлений, поискам пропавших людей, прогнозированию и планированию и т.п. (что вызывает оправданную критику со стороны профессиональных экспертов-ученых).

Фундаментальной предпосылкой расколдовывания мира в рамках религиозной рационализации Вебер считал преодоление синкретизма, присущего магическому мировосприятию. Представляется, что специфика цифрового общества вызывает к жизни и *новый синкретизм*. Его основой становится переплетение, неразрывная связь биологического, технического, эпистемического, социального, открывающая новые возможности и представляющая новые вызовы для человечества. К ним можно отнести стирание границ между человеческими и нечеловеческими объектами, вовлечение последних в социальные отношения и становление качественно новой социальности, предполагающей взаимодействия и отношения с нечеловеческими, не имеющими субъектности в традиционном смысле, но формирующими социальные процессы и отношения наряду с людьми, акантами [Катерный, 2021: 29]. Новый синкретизм сопряжен, на мой взгляд, с «плоской онтологией», в которой снимаются фундаментальные противопоставления познающего субъекта и познаваемого объекта; человека,

культуры и природы; живого и неживого, физического и нефизического, и т.п. Особенно значимой представляется неразличимость искусственного, созданного человеком, обусловленного его деятельностью, и естественного во внутренней структуре объектов и процессов [там же: 30]. Представляется, что это роднит восприятие реальности цифрового общества 5.0 с архаичным синкретизмом и позволяет говорить о новейшей его форме, когда человек вновь стал воспринимать мир как целостность, жизнь которой обеспечивается *непостижимым* и все возрастающим множеством действующих сил, среди которых невозможно достоверно различить «реальные» и «нереальные».

В результате научная картина мира, несмотря на столетия доминирования, по крайней мере в западной цивилизации, в сознании современных людей причудливо переплетается с магической. Они более не противостоят друг другу, а дополняют. Роднит их и то, что обе предполагают, отмечал Вебер, господство над природой, ее подчинение и использование в своих целях, которое достигается, однако, разными средствами. В случае магии – это харизматическое господство и принуждение скрытых сил к нужным человеку действиям, для науки это рациональное господство на основе знаний, определяющих технические возможности получения требуемого результата. В обоих случаях, в восприятии непосвященных, результат достигается мгновенно при не очевидных промежуточных механизмах и процессах: нажал кнопку – заработал интернет, принял таблетку – получил облегчение и т.п. Последовательное выполнение определенных действий с цифровыми и т.п. устройствами для достижения ожидаемого результата даже специалисты называют «*автоматическими*» [Ионин, 2005: 25].

Органичным новейшему синкретизму представляется интеллектуальный тренд трансгуманизма, также связанный с «плоской онтологией», утверждающий императив трансформации человека при помощи современных технологий и ратующий за беспрецедентное расширение его возможностей [Катерный, 2021]. В ожиданиях трансгуманистов киборгизированный человек гипотетически обретает супервозможности просто в силу научных и технологических достижений, как в магическом сознании он их обретает в силу колдовской харизмы. В мире «плоской онтологии» утрачивается важнейшее социокультурное качество, присущее расколдованному миру, – его удвоение, *нахождение трансцендентной точки, по отношению к которой возможна сквозная рационализация «ведения жизни»*. В этом мире нет как эпистемологических, так и смысловых и ценностных доминант, ориентируясь на которые человек мог бы строить свою повседневную жизнь и быть уверенным в ее праведности. Трансгуманизм, ратая за беспрецедентное расширение возможностей человека, не связывает их с нравственным и духовным совершенствованием. Такая связь устанавливалась во всех предшествующих, религиозных и светских, моделях развития личности. Однако в «расколдованном» мире новейшего синкретизма она не только не нужна, но и невозможна, поскольку здесь становятся относительными и все нравственные и духовные доминанты, исчезает грань между добром и злом, праведностью и грехом, истиной и ложью (см.: [Bauman, Donskis, 2016]). Даже веберовский «стальной панцирь» как жесткая форма без внутреннего содержания перестал поддерживать единую систему нормативных стандартов, которая стала настолько инклюзивной, что местами лишилась смысла (см. новейшие гендерные, расовые и т.п. процессы на Западе).

В то же время современный человек в расколдованном, т.е. лишенном высших смыслов, «разочарованном» мире все же нуждается в моральной и духовной поддержке и стремится обрести ценностные ориентиры, нередко находя их в актуальных идеологиях. Можно согласиться с Л.Г. Иониным, что глобализация актуализирует локальные идейные и духовные традиции и местный национализм. А национализм, как он утверждает, всегда «магичен», поскольку нация становится «одной из могущественных потенций», позволяющей решать проблемы и добиваться результата, минуя рациональные процедуры в сфере политической демократии и экономики [Ионин, 2005: 25]. Однако стоит заметить, что либерализм бывает не менее «магичен», поскольку вызывает у массы сторонников столь же *иррациональные ожидания быстрых и не требующих затрат времени и сил результатов*, – стоит вспомнить постсоветские реформы 1990-х и эйфорические ожидания от введения рыночной экономики за «500 дней», приватизации, предпринимательства, цифровизации и т.п. По сути, к оживлению магического сознания

ведет принятие любой идеи, политического курса, стратегии развития как мгновенной панацеи от всех бед, не требующей рациональных долгосрочных усилий. Не случайно, я думаю, известные тоталитарные режимы в XX в. на разных этапах своего развития обращались к языческим и магическим тайным учениям, при этом более или менее жестко преследуя церковь. Возможно, одной из важнейших социокультурных проблем, обуславливающих новейшее «заколдовывание» мира, является *потеря интереса и способности к длительным рациональным усилиям*, выстраиванию долгосрочных поведенческих стратегий. Результат нужен сразу, здесь и сейчас, как это позволяют обеспечить цифровые технологии, благодаря которым архаичная магия вновь обретает жизнь, в том числе в облике кибермагии.

Нельзя не отметить, что столь же «магичны» и деньги. Несмотря на то, что они стимулируют и воплощают развитие формальной рациональности, исключают из человеческих отношений все личное, эмоциональное, они являются «могущественной потенцией» (Л.Г. Ионин), поскольку представляют собой средство достижения любых целей, ресурс для мгновенного решения любых проблем (К. Маркс, Г. Зиммель). Наверное, именно поэтому денежная магия остается одним из актуальнейших и постоянно развивающихся видов современных магических практик (см.: [Фетиш и табу..., 2013]).

А как развивались культуры, в которых не произошло расколдовывание «волшебного сада»? М. Вебер в связи с этим анализировал хозяйственную этику Китая, сложившуюся под влиянием конфуцианства и даосизма. Он отметил, что там не сформировалась сквозная рационализация «ведения жизни», однако принимающая мир религиозность обусловила высокую степень практической рационализации и, как следствие, адаптивности. Повседневный рационализм китайцев, ответственное отношение к делу, их огромное трудолюбие и профессиональное мастерство, по мнению Вебера, не вышли за рамки традиционных представлений о профессиональном долге и правилах поведения. Однако именно высокая приспособляемость при слабой озабоченности высшими смыслами и ценностями, как представляется, позволяет им гибко менять стратегии развития при незначительных изменениях политических институтов и идеологии. В современной науке и развитии технологий китайцы также преуспевают, и для этого им не понадобился отказ от традиционного знания. А для «ренессанса» магического мировосприятия на Западе китайские традиции становятся источником обновления, как, например, китайская денежная магия, фэн-шуй, здравоохранительные практики и боевые искусства, и т.д. Таким образом, расколдовывание мира можно считать одной из особенностей становления эндогенного капитализма и общества модерна в некоторых обществах на Западе, но не общей предпосылкой современности и постсовременности. *«Расколдованный», лишенный причастности к высшим ценностям и смыслом мир оказался некомфортным для человека, и в цифровом обществе возникли как потребности в новейшем «заколдовывании» мира, так и условия для него.*

Основные выводы. Концепция расколдовывания мира описывает его как процесс, происходящий в сферах религиозного и научного мировоззрения, основным итогом которого становится формирование этики ответственности человека за собственную судьбу. Важнейшими факторами расколдовывания мира является преодоление архаичного синкретизма и рационализация как познавательных, так и практических и этических действий, которая сначала является ценностной, ориентированной на высшие смыслы, а затем приобретает формальный характер. В современном мире начинается обратный процесс «заколдовывания мира», проявляющийся в росте магического сознания и распространении магических практик. Причиной становится не снижение уровня образования и утрата доверия к науке, а распространение новейшего синкретизма под влиянием цифровых технологий, утрата четких границ между виртуальной, природной, техногенной реальностью, снятие ценностных и нравственных антиномий, т.е. процессы, противоположные расколдовыванию мира. Кроме того, на распространение новейшего магического сознания влияет рост отчуждения и установок на перекалывание ответственности за индивидуальную и общую судьбу на внешние силы. Магическое сознание – простейший, архаичный путь к новому осмысливанию мира и судьбы человека в нем, но именно для него складываются условия в цифровом обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бразертон Р. Недоверчивые умы. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.
- Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990в. С. 707–735.
- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990а. С. 61–272.
- Вебер М. Социология религии (типы религиозных сообществ) // Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994б. С. 78–308.
- Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990б. С. 307–343.
- Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий. Попытка сравнительного исследования в области социологии религии. Введение // Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994а. С. 43–73.
- Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий: Опыт сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм. СПб.: В. Даль, 2017.
- Давыдов Ю.Н., Гайденок П.П. История и рациональность: Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М.: Политиздат, 1991.
- Ефремов Ю.Н. Лженаука, псевдонаука и гипотеза // Лженаука в современном мире: медиасфера, высшее образование, школа. СПб.: ВВМ, 2013. С. 30–41.
- Ионин Л.Г. Драма жизни Макса Вебера. М.: Дело, 2022.
- Ионин Л.Г. Новая магическая эпоха // Логос. 2005. № 5 (50). С. 23–40.
- Катерный И.В. Постгуманизм. Человек в эпоху новой социальности: метаморфозы, нарративы, дилеммы. М.: ЛЕНАНД, 2021.
- Тенбрук Ф. Главный труд Макса Вебера // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 2. С. 76–121.
- Фетиш и табу: Антропология денег в России. М.: ОГИ, 2013.
- Хабермас Ю. Расколдовывание религиозно-метафизических картин мира и возникновение современных структур сознания // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 1. С. 27–52.
- Юревич А.В. Экономика эзотерических знаний // В защиту науки. 2011. № 8. С. 94.
- Bauman Z., Donskis L. Liquid Evil. Cambridge: Polity Press, 2016.
- Schluchter W. Die Paradoxie der Rationalisierung: Zum Verhältnis von "Ethik" und "Welt" bei Max Weber // Rationalismus der Weltbeherrschung: Studien über Max Weber. Frankfurt/M., 1980. S. 9–40.

Статья поступила: 28.08.23. Принята к публикации: 03.10.23.

EXPLANATORY POSSIBILITIES OF M. WEBER'S CONCEPT OF DISENCHANTMENT OF THE WORLD IN THE CONTEXT OF GROWING MAGICAL CONSCIOUSNESS

ZARUBINA N.N.

MGIMO University, Russia

Natalia N. ZARUBINA, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Department of Sociology, MGIMO University, Moscow, Russia (n-zarubina@yandex.ru).

Abstract. The article deals with the concept of the world's disenchantment by M. Weber as a methodological basis for understanding modern transformations of consciousness, first of all, the deviation from the scientific picture of the world and the restoration of the magical worldviews. It is shown that M. Weber considered the process of disenchanting the world in two forms: as marginalization of magical salvation practices within rationalized religious worldviews and as the assertion of ideas about the full cognizability of the world in the scientific worldview. The factor of the world's disenchantment is rationalization, as a result of which archaic syncretism is overcome, a person highlights the value orientations of "leading a life" and takes responsibility for one's fate. However, this is accompanied by the formalizing of the normative order and gradual loss of semantic and value dominants, with which it comes into conflict. It is proved that reverse processes occur in the modern disenchanted world, first of all, the newest syncretism develops as a result of the interpenetration of technogenic, natural, social realities, the removal of ethical antinomies. The newest "enchantment of the world" is also promoted by a stronger alienation and the desire to shift responsibility for one's own and common destiny onto external forces, the rejection of long-term rational life strategies and orientation to getting a quick result while paying no attention to mechanisms for achieving it. In addition, the absence of semantic and value dominants in modern culture is made up for by an archaic belief in extraordinary phenomena capable of solving the most acute problems quickly and efficiently, in the image and likeness of modern technologies.

Keywords: work of M. Weber, disenchantment of the world, rationalization, religious pictures of the world, "leading a life", scientific picture of the world, digitalization, syncretism, magical consciousness, "bewitching the world", responsibility.

REFERENCES

- Bauman Z., Donskis L. (2016) *Liquid Evil*. Cambridge: Polity Press.
- Brotherton R. (2021). *Suspicious Minds: Why We Believe Conspiracy Theories*. Moscow: Alpina non-fiction. (In Russ.)
- Davydov Yu.N., Gajdenko P.P. (1991) *History and Rationality. The Max Weber Sociology and the Weberian Renaissance*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Efremov Yu.N. (2013) False science, pseudoscience and hypothesis. In: *Pseudoscience in the Modern World: The Media Sphere, Higher Education, School*. S.-Petersburg: VVM: 30–41. (In Russ.)
- Fetish and Taboo: An Anthropology of Money in Russia*. (2013) Moscow: OGI. (In Russ.)
- Habermas Y. (2010) The disenchantment of religious and metaphysical pictures of the world and the emergence of modern structures of consciousness. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. Vol. 9. No. 1: 27–52. (In Russ.)
- Ionin L.G. (2005) The New Magical Epoch. *Logos*. No. 5 (50): 23–40. (In Russ.)
- Ionin L.G. (2022) *The drama of Max Weber's life*. Moscow: Delo. (In Russ.)
- Katerniy I.V. (2021) *Posthumanism. Man in the era of new sociality: metamorphoses, narratives, dilemmas*. Moscow: LENAND. (In Russ.)
- Schluchter W. (1980) Die Paradoxie der Rationalisierung: Zum Verhältnis von "Ethik" und "Welt" bei Max Weber. In: *Rationalismus der Weltbeherrschung: Studien über Max Weber*. Frankfurt am Main: 9–40. (In Germ.)
- Tenbrook F. (2020) The work of Max Weber. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. Vol. 19. No. 2: 76–121.
- Weber M. (1990a) The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. In: *Selected works*. Moscow: Progress: 61–272. (In Russ.)
- Weber M. (1990b) The theory of steps and directions of religious rejection of the world. In: *Selected Works*. Moscow: Progress: 307–343. (In Russ.)
- Weber M. (1990в) Science as a vocation and profession. In: *Selected works*. Moscow: Progress: 707–735. (In Russ.)
- Weber M. (1994b) Sociology of Religion (Types of Religious Communities). In: *Selected works. Image of society*. Moscow: Yurist: 78–308. (In Russ.)
- Weber M. (1994a) Economic ethics of world religions. An attempt at comparative research in the field of sociology of religion. Introduction. In: *Selected works. Image of society*. Moscow: Yurist: 43–73. (In Russ.)
- Weber M. (2017) *Economic Ethics of World Religions. An attempt at comparative research in the field of sociology of religion. Confucianism and Taoism*. St. Petersburg: Vladimir Dal. (In Russ.)

Received: 28.08.23. Accepted: 03.10.23.

К 150-летию А.А. Богданова

© 2023 г.

Г.Д. ГЛОВЕЛИ

А.А. БОГДАНОВ КАК СОЦИОЛОГ И УТОПИСТ: ПРОБЛЕМА «КЛАССА ДЛЯ СЕБЯ»

ГЛОВЕЛИ Георгий Джемалович – доктор экономических наук, профессор НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия (glovelig@mail.ru).

Аннотация. Статья эксплицирует социологическую и социально-утопическую стороны всеобщей организационной концепции русского ученого-энциклопедиста А.А. Богданова (1873–1928), относившего себя к социологической школе Маркса. Показана богдановская модификация марксистского подхода к социальной структуре капиталистического общества, акцентировавшая проблему превращения в «класс для себя» («*klasse für sich*»), с одной стороны, для индустриального пролетариата, с другой – для социальной группы технической интеллигенции. Анализ Богдановым технической интеллигенции как социологической категории рассматривается в контексте русских дебатов начала XX в. о классовой природе интеллигенции, американской утопии технократии и утопии «пролетарской культуры» самого Богданова.

Ключевые слова: А.А. Богданов • марксистская социология в России • «класс для себя» • пролетариат • техническая интеллигенция • социальный идеал • технократия • социализм

DOI: 10.31857/S013216250028530-6

Известно, что при своем возникновении и самоопределении социология получила сильные импульсы от утопического социализма [Давыдов, 1994: 17–21]. «Научный социализм» К. Маркса – Ф. Энгельса дистанцировался от первой, не приемля «дрянного позитивизма» [Маркс и Энгельс, 1955–1981, т. 31: 197] ее основателя О. Конта, и решительно противопоставил себя второму. Но уже к рубежу XIX–XX вв. распространилась оценка материалистического понимания истории как «социологического учения» Маркса [Филлиппов, 1897], несущего, как и контовская социология, явственный отпечаток философии истории искрометного утописта К.А. Сен-Симона [Барт, 1902]. Впрочем, в России марксизм тогда снискал репутацию «экономического материализма», обрушившегося на русскую социологическую школу, имевшую собственные утопические корни [Кареев, 1996: 49, 187–240]. Она же воспринимала марксистскую социологию как сведение всей общественной культуры исключительно к экономической основе [Кареев, 1996: 203].

Именно в это время в русскую общественную мысль стремительно вошел Александр Александрович Богданов (Малиновский). Прославившийся (особенно в кругах молодой российской социал-демократии) «Кратким курсом экономической науки» (1897), он решительно заявил о себе как о стороннике «современной школы социологии» [Богданов, 1899: 213], выражавшей классовые интересы пролетариата. Богданов занял особое и до сих пор недооцененное место в истории марксизма в том числе и благодаря тому, что, в отличие от основоположников и их эпигонов (и критиков тоже!), не отождествлял

«научный социализм» с принципиальным отказом от описания грядущего социалистического строя. Напротив, он не преминул обратиться к жанровой утопии [Богданов, 1990: 104–283], чтобы наполнить элементами «научного предвидения» намек в первой главе первого тома «Капитала» Маркса на нефетишистские «отношения практической повседневной жизни людей», выраженные в «прозрачных и разумных связях их между собой и природой» [Маркс и Энгельс, 1955–1981, т. 23: 90, 88].

В воспоминаниях о детстве Богданов описал, как им сызмальства завладела «утопия разумных человеческих отношений» [Богданов, 1995: 27]. В молодости она была ограничена «научным откровением» марксизма, усвоенного лектором-студентом в процессе кружковых занятий с рабочими заводов Тулы. Эти кружки остались для Богданова «конкретным образом практических идеалов нашего времени и в то же время зародышевой формой их осуществления» [Богданов, 1906: 200]. «Широкие запросы наших рабочих в области общего мировоззрения» [Богданов, 1995: 18] не только направили его к учению о пролетариате как «классе для себя» [Маркс и Энгельс, 1955–1981, т. 4: 183], но и придали социологическую определенность «стремлению познающего ума к цельности» [Богданов, 1899: 211]: «соединять, как звенья одной сложной цепи развития, явления технические и экономические с вытекающими из них формами духовной культуры» [Богданов, 1924: 240].

Итогом стала «методология миропонимания», заявленная сначала как «гносеологический социал-демократизм» [Богданов, 2003: 226], а затем – как постановка «культурных задач нашего времени» в контексте мировых процессов «организации – дезорганизации» [Богданов, 1911: 22]. Убежденность в полном соответствии «организационной» методологии идеалам познания («монизм науки» [Богданов, 1990: 118]) и социального преобразования («планомерное строительство социальной жизни» [Богданов, 1995: 115]) сделала Богданова чрезвычайно ярким примером той «амбивалентности» глубокого и разностороннего взаимодействия теоретической социологии с социальной утопией [Давыдов, 1994: 21], которая уходит корнями в модернистский дискурс: осознание социального порядка как изменчивого и несовершенного и рационализированное стремление перестроить его. Утопия включает в себя, «с одной стороны, опыт реального города, в котором живут люди, с другой – страстный порыв к идеальному граду, олицетворяющему более или менее энергичную жажду перемен» [Маравалль, 1991: 210]. Социология стремилась «развести» «сущее» и «должное» и эволюционировала к дистанцированному и скрупулезному изучению опыта реального города (и не только города), но ее истоки – в порыве к идеальному граду под «секуляризованными небесами» [там же: 217].

Для Богданова тульские рабочие кружки послужили главным «опытом реального города», вдохновляющим на тернистый путь, на котором социологическое структурирование реальности нередко пронизывалось социальным утопизмом [Гловели, 2016: 279, 291].

«Организационно-социологический» подход наметился уже в первой книге Богданова. Проследившая смену экономических формаций, он акцентировал роли господствующих классов и в хозяйственном прогрессе, и в эксплуатации трудовых низов [Богданов, 1897: 78, 66–67]. Еще более он подчеркивал роль буржуазии не только в организации предприятий, но и в накоплении знаний. Обращал особое внимание на то, что на достигнутой «синдикатской» стадии промышленного капитализма стремление буржуазии к постоянно повышению производительности труда вызвало значительный рост слоя ученых специалистов, способствующих прогрессу технических и тесно с ними связанных естественных наук [Богданов, 1897: 158, 231].

В последующих изданиях учебников политэкономии и в «социологическом» третьем томе философского трактата «Эмпириомонизм» (1906) Богданов развернул свое понимание эволюции господствующих классов в антагонистических формациях: сначала выполняют «организаторские» функции, но затем оставляют их и вырождаются в потребительско-паразитические слои, эксплуатирующие производителей. Однако буржуазия не только выжимает прибавочный труд рабочих-исполнителей, но и нанимает специалистов-инженеров и управляющих, от которых требует технической предприимчивости.

Таким образом, при тенденциях к прогрессу эксплуатации трудовых низов и к паразитической эволюции буржуазных верхов дело технического прогресса «не терпит существенного ущерба» [Богданов, 2003: 316].

Со своей стороны, пролетарии крупного машинного производства (в противоположность древним пролетариям и рабам, деградировавшим вместе с пресыщенными господами) шаг за шагом приобретают опыт сочетания исполнительского и организаторского труда [Богданов, 1990: 40]. Они контролируют машину, что требует «интеллигентности»; в своей экономической и политической борьбе ограничивают организаторскую роль капиталистов на предприятиях и во всей жизни общества. Рабочий класс не остается аморфной социальной массой и вырабатывает собственную нормативную идеологию – с формирующим принципом товарищеской солидарности и подчинения осознанным коллективным интересам общей борьбы – что и делает его «классом в самом полном и строгом значении этого слова» [Богданов, 2003: 322].

При этом пролетариат – «естественный наследник» всего «прогрессивного в материальной и духовной культуре» буржуазных классов, и особенный смысл имеет его учеба у промежуточной социальной группы, которую Богданов называл *технической интеллигенцией*, считая ее идеологией позитивистские школы философии [Богданов, 1909: 62, 96]. По его мнению, понимание практического характера науки и «враждебность метафизике» являются общим в идеологиях технической интеллигенции и рабочего класса, принципиальное отличие состоит в революционности пролетариата. Техническая интеллигенция *динамична*, выполняя организаторские функции в крупном промышленном производстве, но благодаря своему сравнительному экономическому благополучию на службе у капитала *социально консервативна* [Богданов, 1909: 103].

Основоположники русской социологии П. Лавров и Н. Михайловский, как известно, проповедовали особую историческую миссию русской интеллигенции и ее «долга перед народом». По словам Н. Бердяева, они «внесли чисто социальную струю в движение интеллигенции», тогда как выступившие с их резкой критикой марксисты 1890-х выдвинули на первый план «экономическую сторону социальных требований» [Бердяев 1999: 88, 89]. С начала XX в. русские дебаты об интеллигенции развернулись с новой силой, причем в них было заметно стремление точнее определить место интеллигенции в социальной структуре и в системе производственных отношений, хотя понятие «интеллигенция» и сохраняло «расплывчатость» [Дживелегов, 1914: 62].

Бердяев, порвав с марксистским социологическим монизмом и коллективизмом, провозгласил «сверхклассовость» интеллигенции как «аристократии духа», снедаемой «духовным голодом» и преодолевающей ограниченность материального интереса [Бердяев, 1903: 28]. Однако другой экс-марксист и веховец А. Изгоев высмеял «бердяевскую ложь», признав конститутивным признаком интеллигенции «элемент учительства в самом широком смысле слова». Хотя интеллигенция не имеет прямой связи с производством, но поскольку и в производстве, и в жизни в целом неуклонно растет значение научных методов, будет возрастать и роль интеллигенции как «путей сообщения», распространяющих в обществе научные знания [Изгоев, 1904: 86]. Земские деятели определяли интеллигенцию как «идейно-рабочую силу» [Блеклов, 1913: 249], находящую себя в роли «третьего элемента» (небуржуазного и непролетарского) кооперативных и других реформистских учреждений.

Одиозно известный Махайский, фатализируя противоположность между интеллектуальным и физическим трудом, отождествил интеллигенцию с частью буржуазии, владеющей особой формой собственности – научно-техническим знанием, а марксизму инкриминировал скрытую заинтересованность интеллигенции в дальнейшей эксплуатации рабочего класса под видом возмещения все более растущей доли общественного постоянного капитала [Вольский, 1904: 18]. Диаметрально противоположную «махаевщине» позицию выразил выдающийся физик Н.А. Умов, провозгласивший историческую миссию не «пролетариата физического труда», а «пролетариата мысли и воли, несущего знамя научного творчества» [Умов, 1906: 36].

А.А. Богданов, внимательно следивший за «научно-технической революцией, которая разворачивается на наших глазах» [Богданов, 1908: 66], прогнозировал, что в ходе прогресса крупнопромышленного производства «работа мысли получает все большее преобладание над работой мускулов» [Богданов, 1990: 91]. Но акцентировал проблему «недоступно-цеховой формы» специализированных знаний, которая делает науку привилегией технической интеллигенции, извлекающей из этого свою долю прибавочной стоимости, а несведущих работников физического труда обрекает «не знать, а только верить» [там же: 241]. Однако, в противоположность Махайскому, Богданов не считал это противоречие безысходным, а в отличие от Умова полагал, что «пролетариат мысли и воли» – новая интеллигенция – выйдет из рядов пролетариата физического труда [Богданов, 1911: 69] и сможет разрешить задачу «преобразовать науку так, чтобы сделать ее доступной рабочему классу» [Богданов, 1990: 282] благодаря разработке всеобщей организационной науки, которая послужит методологической основой нового образования (в рабочих университетах) и новой – Пролетарской – энциклопедии [Богданов, 1911: 59–69].

В своей последней философской книге Богданов подчеркнул связь идеи универсальной «науки будущего» с совершенствованием машинной техники, которое уменьшает прежнее «резкое различие между исполнительским трудом рабочего и организаторским трудом ученого специалиста-инженера» [Богданов, 1913: 265]. А Пролетарской энциклопедии придавал значение для преобразования общества в социализм («коллективистский строй»), аналогичное роли «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера в подготовке Французской буржуазной революции. Богданов, по-видимому, не знал, что ровно за столетие до его призыва к Пролетарской энциклопедии основатель утопического социализма А. де Сен-Симон (выдававший себя за ученика д'Аламбера) призывал к созданию «позитивной» Новой энциклопедии, соответствующей философии XIX в., которая, в отличие от критической философии просветителей¹, должна быть «изобретательной и организующей» [цит. по: Гладышев, 2003: 439]. Предназначение Новой энциклопедии Сен-Симон, в соответствии со своей философией истории, видел в содействии установлению научно-индустриального общества вместо военно-теократического.

Но если Сен-Симон ограничился краткими «эскизом» и «проспектом» Новой энциклопедии [Гладышев, 2003: 440–441; Гловели, 2003: 63], то Богданов, можно сказать, обосновал проект Новой рабочей энциклопедии. Он не замедлил с попыткой закладки основ новой «науки о планомерных комбинациях мировой практики и познания», ориентированной на реализацию ключевой идеи социализма XIX в. – преодоления разделения труда. 1-й том главной книги Богданова «Тектология. Всеобщая организационная наука» вышел в 1913 г., 2-й – с подзаголовком «Механизм расхождения и дезорганизации» – осенью 1917 г.; между ними были опубликованы две фундаментальные работы, посвященные злободневным приложениям организационного подхода: опыт еще одной новой науки – «идеологической» [Богданов, 1914] – и политическая экономия мирового военного кризиса [Богданов, 1916].

На 2-й том «Тектологии», как и на подготовленную сразу вслед за ним книгу «Вопросы социализма», лег трагический отпечаток разразившейся мировой войны, в которой Богданов участвовал в качестве врача одного из пехотных полков русской армии [Фаддеев, 2014: 27]. Опыт мировой войны, среди прочего, заставил признать «зияющую пропасть» между «минималистским классовым сознанием» пролетариата и «идеалом пролетарского социализма» [Богданов, 1990: 322, 349–350]. Но Богданов не отказался от самого пролетарского «коллективистского идеала», противопоставленного на завершающих страницах 2-го тома «Тектологии» идеалам других классов и социальных групп, в том числе идеалу, выдвигаемому технической интеллигенцией: ее верховодство в рациональной

---

¹ Примечательно также, что уже после смерти Богданова его бывший друг Ст. Вольский (Соколов) написал для возрожденной М. Горьким серии «Жизнь замечательных людей» биографию Сен-Симона, в которой характеризовал сен-симонизм как первую идеологию технической интеллигенции [Вольский, 1935: 213, 239].

организации труда и распределения, с обеспечением своих привилегий, но также и жизненно-удовлетворительных условий для пролетариата, а тем самым – классовой гармонии [Богданов, 2023: 360].

О технической интеллигенции Богданов писал и в книге «Вопросы социализма»², порицая иллюзию захвативших власть большевиков-ленинцев о тождестве буржуазно-юнкерской организации производства с «планомерностью» и проведение ими на деле «военно-коммунистической» революции [Богданов, 1990: 316, 348]. Богданов вполне допускал, что объединенная социалистическими лозунгами рабоче-солдатско-крестьянская масса, тяготеющая к «социализму дележа», сможет выступить как «класс исторического момента», меняющий систему власти [Богданов, 1995: 89]. Но это отнюдь не означает преодоления «классовой стихийности» и перехода к «планомерной организации» хозяйства; нет оснований рассчитывать, что наемная техническая интеллигенция за умеренную плату организует хозяйственный план и, разрушая собственную привилегию, подготовит вооруженный пролетариат «к самостоятельному ведению всего дела» [Богданов, 1990: 319–320].

Но, критикуя большевиков во главе с В. Ульяновым-Лениным и Л. Троцким за военнизированный максимализм – эгалитаристский утопизм ближнего прицела, сам Богданов оставался утопистом дальнего прицела, или, как он сам говорил, «максималистом в вопросах культуры» [Богданов, 1924: 7]. Этот утопизм не означал, как сочинили позднейшие фальсификаторы, отрицания культурного наследия прошлого; он подразумевал отношение к индустриальному пролетариату как к новому социальному типу «с естественной и даже необходимой для него тенденцией» к «всеорганизационной точке зрения» [Богданов, 2023: 133]. Показательна богдановская переписка с экономистом Д. Опариним – преподавателем социологии в Угличском народном университете Ярославской губ. Признаваясь в «очень критическом» отношении к марксизму, Опарин выражал при этом свой восторг от учебников Богданова и его статей (включая «Очерки организационной науки») в журнале «Пролетарская культура» [Опарин, 1919: 1]. Но категорически не соглашался с тектологом в исключительной оценке рабочего класса, указывая на то, что с падением феодального строя дворянство «передало власть» не крестьянству, а «новому социальному образованию» – буржуазии. Аналогичный процесс Опарин усматривал в смене власти в российской республике после Октября 1917 г. – «на смену буржуазии придет не рабочий класс, а чиновничество» [там же: 2].

Богданов уклончиво ответил Опарину, что в «Вопросах социализма» как раз писал о «неподготовленности нынешнего пролетариата, как и нынешней науки, к решению задач планомерной организации общества» и считает очень вероятной «переходную фазу господства "социал-бюрократии"», точнее технической, главным образом, инженерской интеллигенции» [Богданов, 1995: 198]. Но индивидуалистическая ограниченность технической интеллигенции препятствует выполнению задачи «целостной, планомерной организации общества»; пролетариат, хотя стоит ниже технической интеллигенции по степени развития, но «выше» по социальному типу, аналогично тому, как городской ремесленник – зародышевый буржуа – по степени развития был ниже феодального жреца, а по типу – выше [там же: 197].

Этой механистической аналогией не исчерпывается, однако, социологический анализ Богдановым «организаторской интеллигенции, государственно-чиновничьей и технической», применительно к которой, как и применительно к пролетариату, им была поставлена проблема превращения в «класс для себя» [там же: 93].

Описанный Богдановым в «Тектологии» социальный идеал технической интеллигенции отсылал к европейским, особенно французским, реалиям. Но он полностью совпадает с зародившейся в то же время в США социологической «технократической» утопией

---

² Заметим, что Богданов начинал эту книгу с предсказания появившейся угрозы атомного самоуничтожения «раздробленного человечества», а завершал опасениями, что реакция «имеет все шансы перейти в гражданскую войну с громадным расточением лучших сил народа» [Богданов, 1990: 297, 347].

под воздействием американского «научного менеджмента», возникшего в начале XX в. из учения об управлении капиталистическим предприятием, обоснованного Ф.У. Тейлором [Друри, 1924: 11–12].

Богданов одним из первых в России писал о «тейлоризме» как системе повышения производительности, достигаемого за счет «жесткой дрессировки» и «отупляющего напряжения» рабочих, дифференцируемых по способностям к оптимальным движениям и зарплате [Богданов, 1913: 15]. Однако один из выдающихся инженеров-менеджеров нового типа (efficiency engineers) Г. Гантт (1860–1919) обосновал во время мировой войны новый вариант тейлоризма – не только смягченный в интересах рабочих, но и дополненный графическим аппаратом планирования работы предприятия и оперативного управления ею. Кроме того, Гантт призывал инженеров к политической консолидации, чтобы добиваться от федерального правительства переноса правил «научного менеджмента» на промышленность в национальном масштабе, что означало бы переход полномочий по управлению государством к администрации из инженеров-менеджеров – в расчете на их способности обеспечить не только максимум национальной экономической эффективности, но и социальную гармонию [Akin, 1977: 51–57].

Эти призывы уже сразу после смерти Гантта подхватил Т. Веблен, который на протяжении 20 лет критиковал американский капитализм, излив немало желчи на «капитанов индустрии» – инвестиционных банкиров и биржевых дельцов, устранившихся от оперативного управления крупными предприятиями («абсентеистская собственность») и поглощенных акционерными спекуляциями и демонстративным потреблением. Иррациональности мира крупного бизнеса Веблен противопоставлял рациональность крупного машинного производства, считая ее носителями инженеров и технических экспертов. В цикле статей, составивших книгу «Инженеры и ценовая система» (1921), Веблен писал, что индустриальная диктатура корпоративных бизнесменов держится на покорности инженеров, которые могли бы использовать свою квалификацию для обеспечения не только бескризисного промышленного развития, но и роста благосостояния всех членов общества. Веблен призывал инженеров к устранению диктатуры иррационального бизнеса «всеобщей стачкой», чтобы затем провести эффективную реорганизацию промышленности и общества под руководством «Совета технических специалистов и солдатских депутатов» [Veblen, 1921: 82].

В 1920-е гг. проекты Гантта и Веблена получили в Америке название «технократии» [Akin, 1977: 25]. Редактор советского перевода книги Гантта указывал на схожесть его социального проекта с сен-симонизмом [Членов, 1923: 3]. Еще больше схожести было между социологией Веблена и социологией Богданова. Оба были методологами-эволюционистами, считали рационально организованное крупное машинное производство культуротворческим процессом, оценивали буржуазию как класс с тенденцией к потребительски-паразитическому вырождению: в «абсентеистскую собственность» (Веблен), «гипертрофию рантье́рства» [Богданов, 1990: 343].

Но в книге институционалиста-«технократа» Веблена вообще не говорилось об индустриальном пролетариате как классе, а отмеченную Богдановым индивидуалистическую ограниченность технической интеллигенции американские идеологи «технократии» 1920–1930-х испытали на себе сполна [Akin, 1977: 59–65]. Вопреки упованиям Т. Веблена, американские инженеры, привыкшие «переключаться с технического подхода на коммерческий», так и остались глухи к призывам «организоваться в самоуправляемую силу» и «решительно избавиться от абсентеистской собственности» [Veblen, 1921: 71–72, 81]. Впрочем, Веблен и сам не очень-то верил в «проявление классового сознания» инженеров и их способность к «сжатой и всеобъемлющей организованности» и разрыву с «преданностью коммерческой стороне дела» [ibid.: 71, 80, 74].

А.А. Богданов исследовал место и роль технической интеллигенции в социальной системе индустриального общества в контексте обозначенной в заключительном, 3-м томе «Тектологии» (1922) проблемы зависимости судьбы «новой буржуазии» от степени

ее «редуктивного» развития, а капиталистического общества в целом – «от соотношения прогрессивного и регрессивного моментов в развитии его низов» [Богданов, 2023: 563]. Но из-за развязанной с начала 1920-х гг. литературно-политической травли Богданова, спровоцировавшей его арест ГПУ осенью 1923 г., социологические экспликации его идей остались только в рукописных тезисах, опубликованных лишь в 1990-е гг. А прочитанный в Соцакадемии доклад «Общественно-научное значение новейших тенденций естествознания» был напечатан только в XXI в.

В этом докладе первый и единственный раз в трудах Богданова появился только начавший входить в социологический обиход термин «элита» [Богданов, 2004: 13]. Так были названы «лучшие представители французской науки», собранные в государственный комитет для решения проблемы топливообеспечения в национальном масштабе. Данным конкретным примером Богданов иллюстрировал послевоенный феномен возвышения научно-технических задач до государственного коллективно-страхового аспекта, т.е. опасения новой войны и неизбежного при ней разрыва международных экономических связей. Этим были обусловлены тенденции, с одной стороны, к автаркии, с другой стороны, к «сознательной интенсификации производительных сил» в рамках национальных хозяйств – более полного изыскания и освоения национальных природных богатств и внедрения методов лучшего использования наличных рабочих сил. Отсюда – и усиление тенденций к прикладным исследованиям, а в теории – к точному научному выяснению генезиса промышленных ресурсов, а также появление таких, по словам Богданова, «частных организационных наук», как «тейлоризм» и психотехника [там же: 13–14].

Масштабы задач, вставших перед «национально-государственным капитализмом», увеличили спрос на знания и умения технической интеллигенции. И если раньше она, фактически уже организуя крупное производство на службе у капитала, оставалась раздробленной социальной группой без классового самосознания, то в новых условиях Богданов прогнозировал превращение технической интеллигенции в «*klasse für sich*» («класс для себя») и даже в новую форму существования буржуазии как господствующего класса, сменяющую господство финансового (акционерно-рантьевого) капитала [Богданов, 1995: 102–103].

Завершающей работой, в которой рассмотрена техническая интеллигенция как категория, корректирующая марксистскую социологию, стали тезисы Богданова «Линии культуры XIX и XX века» (начало 1928 г.). В них тектолог, до того не отделявший особо техническую интеллигенцию от более широкой категории «организаторской интеллигенции» [Богданов, 2004: 19–20], уже жестко противопоставил инженерно-технических специалистов другой социальной группе наемно-организаторской интеллигенции, имеющей своей непосредственной базой не производство, а колоссально развившийся государственный аппарат с включенным в него милитаристским [Богданов, 1995: 131]. Это противопоставление связано с выделением двух главных «культурных линий новейшего капитализма» – «буржуазно-интеллигентского техницизма» и «норматизма». Первая линия характерна для мирного государственного капитализма, главным идеологом которого Богданов считал германского электропромышленного магната и министра иностранных дел В. Ратенау, убитого правыми националистами после того, как он подписал Рапалльский договор с советской Россией. Эту линию Богданов атрибутировал технической и экономической прогрессивности, парламентским демократизмом и пацифизмом. Вторая же линия политически характеризуется антидемократизмом, национализмом и тенденциями к диктатуре вплоть до фашистской [там же: 132].

Поскольку пролетариат не выработал до конца своих организационных методов, он подчиняется этим основным культурным линиям, проникающим в рабочее сознание и рабочее движение. Первая линия выражается в определении непосредственных интересов пролетариата как повышении квалификации и заработка, приобщении к «общей» культуре, в политическом минимализме и понимании планомерной организации хозяйства в виде частных научно-технических задач. К этой линии тяготеют квалифицированные верхи пролетариата, близкие к технической интеллигенции по характеру своих трудовых

функций, обладающие организационным опытом, приобщившиеся к культуре старого мира и отчасти ассимилированные им, склонные к компромиссам.

Вторая линия характеризуется «пацифизмом государственно-условным, с уклоном в прямой антипацифизм по отношению к гражданской войне», представлением о достижении конечной цели как результате благоприятного соотношения боевых сил, пониманием задачи хозяйственной планомерности в государственно-регулятивном смысле: масштаб максималистский, но без сознания внутренних закономерностей организуемого процесса. «К этой линии тяготеют широкие неквалифицированные слои пролетариата, слабо затронутые научным техницизмом, но сильно чувствующие потребность в твердом руководстве, в простых, ясных и боевых доктринах, дающих выход стихийной революционности» [Богданов, 1995: 134–135].

В своих неопубликованных работах Богданов, не упоминая СССР, отсылал к современной ему реальности «передовых капиталистических стран». Но сам он участвовал в отечественном движении за НОТ – научную организацию труда (с размахом и «советского тейлоризма», который Богданов критиковал, и исследований по психотехнике). И был, несомненно, осведомлен о масштабе поощряемой Советской властью работы по изысканиям и освоению национальных ресурсных богатств (здесь и план ГОЭЛРО, и деятельность легендарной КЕПС – Комиссии Академии наук по естественным производительным силам России). Что же касается характеристики «отражения культурной линии норматизма в рабочем классе», то явно имелись в виду не только западные страны, но и курс на «построение социализма в одной стране», проводимый «дуумвиратом Сталин – Бухарин» [Козн, 1986: 224]. Именно во время «дуумвирата» Бухарин договорился о встрече Сталина с тектологом, на которой было принято решение о создании в Москве первого в мире Института переливания крови во главе с Богдановым. И именно разрыв «дуумвирата» и разгром «правого уклона» Бухарина с последующей его дискредитацией как теоретика-«недиалектика» стали роковыми для судьбы научного наследия Богданова. Ведь «богдановщина» с «теорией равновесия» была объявлена методологическим источником «правого оппортунизма» в политике и «механицизма» в общепризнанном в 1920-е гг. популярном учебнике марксистской социологии – бухаринской «Теории исторического материализма». В стране «победившего социализма» работы Богданова, крупнейшего российского социалистического мыслителя XX в., были подвергнуты забвению либо извратительскому третированию как «махистские».

В начале 1920-х, перед вынужденным уходом из Пролеткульта, Богданов акцентировал, что программа пролетарской культуры – это путь к завоеванию для пролетариата лучших сил организаторской интеллигенции и одновременно к сплочению квалифицированных «верхов» и неквалифицированных «низов», отслоившихся внутри самого рабочего класса. Первым, накопившим немалый опыт на пути повседневной практической борьбы за свои интересы в рамках буржуазного общества, надо переучиваться, чтобы перейти от оппортунистически-организационной точки зрения к революционно-организационной. Вторым, менее ассимилированным капиталистическим строем, надо столь же многому научиться, чтобы перейти к научно-творческой точке зрения от наивно-боевого утопизма, сводящего социальное переустройство к победоносной гражданской войне и захвату власти [Богданов, 1995: 98, 100–101].

В последних социологических тезисах Богданов был уже вынужден признать, что пролетариат не оформил своей собственной культурной линии и потому обречен на подчинение культурным линиям буржуазии и технической интеллигенции – различным формам и оттенкам «техницизма» и «норматизма» [Богданов, 1995: 133–136]. «Всеорганизаторская роль» пролетариата оказалась утопией, как и многие другие элементы «монистичного» научного наследия Богданова.

Не подтвердился и прогноз превращения технической интеллигенции в новую форму буржуазии как господствующего класса: подобно пролетариату, техническая интеллигенция не состоялась как «класс для себя».

Но стоит согласиться с мыслью Богданова о «тектологической пригодности» многих отживших теорий и гипотез [Богданов, 2023: 384], иначе говоря, их эвристической ценности. И это относится к социологическим идеям самого Богданова, сохраняющим интерес не только в качестве «потерянного звена» парадигмы индустриального общества.

Восходящее к идеям Сен-Симона понятие социального «авангарда» обрело новую жизнь в учении Ленина об «авангардной» организации, осуществляющей от имени рабочего класса «диктатуру пролетариата», – партийно-советском аппарате [Ленин, 1967–1975, т. 42: 204]. Новая экономическая политика стала смычкой этого аппарата-«авангарда» не только с крестьянством, но и с технической интеллигенцией, привлекаемой как «спецы» на предприятия, в наркоматы, вузы, НИИ, академические и кооперативные учреждения и пр. Но амбивалентность «смычки» проявилась в оставленных В. Ульяновым-Лениным указаниях, с одной стороны, беречь каждого спеца, «как зеницу ока», с другой стороны, «выработать приемы ловли спецов и наказания их» [Ленин, 1967–1975, т. 44: 351, т. 52: 155]. На неприязненное отношение к «спецам» отреагировал А. Богданов в своем добавлении к пролеткультовским работам: предостерегая против «классовой» мстительности, он напоминал, сколько ученых и техников, сначала враждебных революции, «стали потом незаменимо полезными работниками в ее строительстве» [Богданов, 1924: 341]. Последний прижизненный выпад против самого Богданова был вызван тем, что он как директор пригласил руководить основными подразделениями Института переливания крови выдающихся специалистов в разных разделах медицины, но беспартийных [Богданов, 1995: 139–140].

Гибель ученого совпала с началом в СССР массовой кампании «спецеда» и сфабрикованных судебных процессов против технических специалистов-«вредителей»: инженеров, агрономов, экономистов (включая ближайшего друга Богданова В. Базарова). Одновременно с этим и с реорганизацией Академии наук была проведена масштабная реформа советского образования на всех уровнях, включавшая создание новых многочисленных технических вузов для подготовки новых инженеров и управленцев рабоче-крестьянского происхождения.

И. Сталин, ученик Ленина в яковинской политической стратегии и Богданова в марксистской политэкономии (но не в социологии!), фактически проводил в СССР ту линию «норматизма» в рабочем движении, которую Богданов определил как подчинение пролетариата организационным методам военно-чиновничьей интеллигенции, опирающейся на государственный аппарат с включенным в него милитаристским. Но линию, своеобразно переплетающуюся с линией «технизма». Система, провозглашенная Сталиным «победившим социализмом», была подобна еще одному из социальных идеалов, описанных тектологом в 1917 г.: «бюрократический социализм» с «патриархально-моральной монархической властью во главе» [Богданов, 2023: 360]. Но, во-первых, социальной базой и организационной идеологией этой системы стали не остатки старых сословий и католицизм, а «выдвиженцы» из народной массы и догматизированный марксизм как «религия класса» [Сталин, 1946–2006, т. 17: 636]. Во-вторых, ее необходимой частью стали, по выражению Сталина, «командные и инженерно-технические силы промышленности» – спешно сформированная из выходцев из рабочего класса его «собственная производственно-техническая интеллигенция» [Сталин, 1946–2006, т. 13: 66–67]. А иначе говоря – *режимопослушная технократия*.

Вопреки как «пролетарской» социологии А. Богданова, так и идеям Т. Веблена и его последователей, техническая интеллигенция в XX в. не состоялась как «класс для себя», как господствующая технократия или новая форма господства буржуазии. Хотя ее роль действительно значительно возросла в эпоху, наиболее благополучную и для капиталистической системы, и для СССР (1950-е – начало 1970-х). Это дало «советологам» основания для концепции «разделенного нового класса» в СССР [Parry, 1966], а поствебленовскому институционалисту Дж.К. Гэлбрейту – для выводов о трансформации капитализма в «государство благосостояния» под воздействием «техноструктуры» – институционализированной совокупности большого числа технических специалистов, целью

которой является рост масштабов производства, выгодный и для профсоюзных рабочих [Гэлбрейт, 1976: 114–115]. Отсюда следовал прогноз о «конвергенции» двух противоположных экономических систем в глобальном «новом индустриальном обществе». Он оказался неудачным: в конце XX в. «социалистическая» система была разрушена, а капиталистическая повернула вспять от Welfare State к новым разновидностям частных сверхприбылей и росту экономического неравенства.

В этот поворот сумела включиться и часть бывшей советской технократии, прошедшей путь от послушных исполнителей директив партийного вождя к основному субъекту прокапиталистической трансформации экономического строя России [Николаев, 2018: 88–92]. Причем капиталистическое «линяние» технократического корпуса, который можно рассматривать как одну из «вторичных» (по отношению к партноменклатуре) элит советского общества, имело двоякую особенность. Во-первых, техnobюрократия не выступила как идеологически оформленная социально-политическая сила, довольствовавшись присвоением значительной доли приватизированной госсобственности и сменой директорского статуса на положение части нового капиталистического класса (в терминах А. Богданова – переходом к «буржуазному делячеству»). Во-вторых, эта смена статуса техnobюрократических «верхов» сопровождалась (в отличие от технократических идеалов, выдвигавшихся Г. Ганттом и Т. Вебленом и описанных А. Богдановым) полным пренебрежением к жизненным условиям рабочего класса и вообще трудовых «низов».

* * *

Подытожим особенности постановки вопроса Богдановым о зависимости капиталистической эволюции общества «от соотношения прогрессивного и регрессивного моментов в развитии его низов» и от степени «редуктивного» развития буржуазии. Историческая социология в качестве объяснения причин возникновения капитализма именно в Западной Европе выдвинула наличие только на феодальном Западе уникальной комбинации «первичных» и «вторичных» (выходивших за рамки сословной иерархии) элит [Фурсов, 1990: 28–29]. Техническая интеллигенция, выделенная Богдановым как социологическая категория, была вторичной элитой уже в капиталистическом обществе, не позволившей в нем возобладать тенденциям «редуктивного развития». В советском обществе сформировалась и стала одной из вторичных элит своя техническая интеллигенция, и ее эволюция сыграла значительную роль и в крушении системы, и в особенностях «постсоциалистической» судьбы России. Вероятно, что дальнейшая судьба глобального капитализма зависит от соотношения прогрессивного и регрессивного моментов в развитии не только «верхов» и «низов», но в особенности – вторичных элит.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барт П. *Философия истории как социология*. СПб.: Санкт-Петербургская электропечатня, 1902.
- Бердяев Н.А. *Критика исторического материализма* // Мир Божий. 1903. № 10. С. 1–30.
- Бердяев Н.А. *Субъективизм и индивидуализм в общественной философии*. М.: Канон+, 1999.
- Блеклов С.М. *Земские учреждения* // Энциклопедический словарь «Гранат». Т. 21. М.: РБИ «Гранат», 1913. С. 223–259.
- Богданов А. *Мировые кризисы, мирные и военные* // Летопись. 1916. № 3, 4, 5, 7.
- Богданов А. *Наука об общественном сознании*. М.: Книгоизд-во писателей, 1914.
- Богданов А. *О пролетарской культуре*. Л.– М.: Книга, 1924.
- Богданов А.А. *Вопросы социализма: Работы разных лет*. М.: Политиздат, 1990.
- Богданов А.А. *Из психологии общества*. СПб.: С. Дороватовский и А. Чарушников, 1906.
- Богданов А.А. *Краткий курс экономической науки*. М.: Изд-во А.М. Муриновой, 1897.
- Богданов А.А. *Культурные задачи нашего времени*. М.: С. Дороватовский и А. Чарушников, 1911.
- Богданов А.А. *Между человеком и машиною (о системе Тейлора)*. СПб.: Прибой, 1913.
- Богданов А.А. *Общественно-научное значение новейших тенденций естествознания* // Вестник МИАБ. 2004. № 2(18). С. 5–24.

- Богданов А.А. Основные элементы исторического взгляда на природу. СПб.: АО печатного дела «Издатель», 1899.
- Богданов А.А. Приключения одной философской школы. СПб.: Тов-во «Знание», 1908.
- Богданов А.А. Статьи, доклады, письма и воспоминания. 1901–1928 гг. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. М.: ИЦ «Аиро-XX», 1995.
- Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. 7-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2023.
- Богданов А.А. Философия живого опыта. СПб.: М.И. Семенов, 1913.
- Богданов А.А. Философия современного естествоиспытателя // Очерки философии коллективизма. Сб. 1. СПб.: Тов-во «Знание», 1909. С. 35–142.
- Богданов А.А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. М.: Республика, 2003.
- Вольский А. (Махайский Я.В.). Умственный рабочий. Кн. 2. Научный социализм. Женева, 1904.
- Вольский Ст. Сен-Симон. М.: Молодая гвардия, 1935.
- Гладышев А.В. Миры К.-А. Сен-Симона. От старого порядка к реставрации. Саратов: Саратовск. ун-т, 2003.
- Гловели Г.Д. В поисках «планомерной прогрессивности»: идея Новой энциклопедии у Сен-Симона и Богданова // Вестник МИАБ. 2003. № 1(13). С. 56–73.
- Гловели Г.Д. Просветительское кредо А. Богданова: от тульского кружка к каприйской школе // Альтернативы. 2016. № 2. С. 77–91.
- Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976.
- Давыдов Ю.Н. Введение. Теоретическая социология и ее история // Очерки по истории теоретической социологии XIX – начала XX вв. М.: Наука, 1994.
- Дживелегов А.К. Интеллигенция // Энциклопедический словарь «Гранат». Т. 22. М.: РБИ «Гранат». 1914. С. 59–61.
- Друри Г.Б. История и критика НОТ в Америке. Л.: Известия ЦИК СССР и ВЦИК, 1924.
- Изгоев А. Интеллигенция как социальная группа // Образование. 1904. № 1. С. 72–94.
- Кареев Н.И. Основы русской социологии СПб.: Иван Лимбах, 1996.
- Коэн С. Бухарин и большевистская революция. Michigan: ArdisPublishers, AnnArbor, 1986.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1967–1975.
- Маравалль Х.А. Утопия и реформизм // Утопия и утопическое мышление. М.: Прогресс. 1991. С. 210–232.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955–1981.
- Николаев А.Н. Становление и трансформация советской технократической элиты // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2018. № 2. С. 83–95.
- Опарин Д. Письмо А. Богданову // Личный архив Дж. Биггарта, 1919.
- Сталин И. Сочинения. Т. 1–18. М.: Политиздат; Тверь: НИК «Северная корона», 1946–2006.
- Умов Н.А. Эволюция живого и задачи пролетариата мысли и воли. М.: Творческая мысль, 1906.
- Фаддеев Т.Д. Жизнь на крови. Воспоминания о войне. 1914–1915 годы. М.: Радунница, 2014.
- Филиппов М.М. Социологическое учение Карла Маркса // Научное обозрение. 1897. № 1. С. 64–80; № 2. С. 40–67; № 3. С. 72–100; № 4. С. 16–35.
- Фурсов А.И. Возникновение капитализма и европейская цивилизация; социогенетические интерпретации // Социологические исследования. 1990. № 10. С. 26–42.
- Членов С.Б. Предисловие // Гантт Г.Л. Организация труда. М.: ВСНХ, 1923.
- Akin W.E. Technocracy and the American Dream. 1900–1941. Berkeley, Los Angeles, L.: University California Press, 1977.
- Parry A. The New Class Divided. Science and Technology versus Communism. L., N.Y.: Macmillan, 1966.
- Veblen T.B. The Engineers and the Price System. N.Y.: B.W. Huebsch, Inc., 1921.

Статья поступила: 31.08.23. Финальная версия: 03.10.23. Принята к публикации: 08.10.23.

A.A. BOGDANOV AS A SOCIOLOGIST AND UTOPIAN: THE "KLASS FÜR SICH" PROBLEM

GLOVELI G.D.

HSE University, Russia

Georgy D. GLOVELI, Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the HSE University, Moscow, Russia (glovelig@mail.ru).

Abstract. The article explicates the sociological and socio-utopian aspects of the general organizational concept of the Russian scientist encyclopedist A.A. Bogdanov (1873–1928), who referred himself to the sociological school of Marx. Bogdanov's modification of the Marxist approach to the social structure of capitalist society is shown, emphasizing the problem of becoming a "class for itself" ("Klasse für sich"), on the one hand, for the industrial proletariat, on the other hand, for the social group of technical intelligentsia. Bogdanov's analysis of technical intelligentsia as a sociological category is considered in the context of the Russian debates of the early twentieth century. about the class nature of the intelligentsia, the American utopia of technocracy and the utopia of "proletarian culture" by Bogdanov himself.

Keywords: A.A. Bogdanov, Marxist sociology in Russia, "klasse für sich", proletariat, technical intelligentsia, social ideal, technocracy, socialism.

REFERENCES

- Akin W.E. (1977) *Technocracy and the American Dream. 1900–1941*. Berkeley, Los Angeles, London: University California Press.
- Bart P. (1902) *Philosophy of History as sociology*. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskaya elektropechatnya. (In Russ.)
- Berdyayev N.A. (1903) Criticism of historical materialism. *Mir Bozhij* [God's World]. No. 10: 1–30. (In Russ.)
- Berdyayev N.A. (1999) *Subjectivism and Individualism in Social Philosophy*. Moscow: Kanon+. (In Russ.)
- Bleklov S.M. (1913) Zemstvo institutions. In: *Encyclopedic dictionary "Granat"*. Vol. 21. Moscow: RBI "Granat": 223–259. (In Russ.)
- Bogdanov A. (1914) *The science of public consciousness*. Moscow: Knigoizd-vo pisatelei. (In Russ.)
- Bogdanov A. (1916) World crises, peaceful and military. *Letopis'* [Chronicle]. No. 3, 4, 5, 7. (In Russ.)
- Bogdanov A. (1924) *About proletarian culture*. Leningrad – Moscow: Kniga. (In Russ.)
- Bogdanov A.A. (1995) Articles, reports, letters and memoirs. 1901–1928. In: *Unknown Bogdanov*. Book 1. Moscow: ITS "Airo-KHKH". (In Russ.)
- Bogdanov A.A. (2004) Social and scientific significance of the latest trends in natural science. *Vestnik MIAB*. [Bulletin of the MIAB]. No. 2(18): 5–24. (In Russ.)
- Bogdanov A.A. (1897) *A short course in economic science*. Moscow: Izd-vo A.M. Murinovi. (In Russ.)
- Bogdanov A.A. (1899) *The main elements of the historical view of nature*. St. Petersburg: AO pechatnogo dela "Izdatel'". (In Russ.)
- Bogdanov A.A. (1906) *From the psychology of society*. St. Petersburg: S. Dorovatovsky i A. Charushnikov. (In Russ.)
- Bogdanov A.A. (1908) *The adventures of a philosophical school*. St. Petersburg: Tov-vo "Znanie". (In Russ.)
- Bogdanov A.A. (1909) Philosophy of the modern naturalist. *Ocherki filosofii kollektivizma* [Essays on the philosophy of collectivism]. Sat. 1. St. Petersburg: Tov-vo "Znanie": 35–142. (In Russ.)
- Bogdanov A.A. (1911) *Cultural tasks of our time*. Moscow: S. Dorovatovsky i A. Charushnikov. (In Russ.)
- Bogdanov A.A. (1913) *Philosophy of living experience*. St. Petersburg: M.I. Semenov. (In Russ.)
- Bogdanov A.A. (1913a) *Between man and machine (about Taylor's system)*. St. Petersburg: Priboi. (In Russ.)
- Bogdanov A.A. (1990) *Questions of socialism: Works of different years*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Bogdanov A.A. (2003) *Empirionism. Articles on philosophy*. Moscow: Respublika. (In Russ.)
- Bogdanov A.A. (2023) *Tectology: A universal organizational science*. 7th ed. Moscow: LENAND. (In Russ.)
- Chlenov S.B. (1923) Preface. In: Gantt G.L. *Labor Organization*. Moscow: VSNKH. (In Russ.)
- Cohen S. (1986) *Bukharin and the Bolshevik Revolution*. Michigan: Ardis Publishers, Ann Arbor. (In Russ.)
- Davydov Yu.N. (1994) Introduction. Theoretical sociology and its history. In: *Essays on the history of theoretical sociology of the XIX – early XX*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Drury G.B. (1924) *History and criticism of MUSIC in America*. Leningrad: Izvestia TSIK SSSR i VTSIK. (In Russ.)
- Dzhivelegov A.K. (1914) Intelligentsia. In: *Encyclopedic dictionary "Granat"*. Vol. 22. Moscow: RBI "Granat": 59–61. (In Russ.)

- Faddeev T.D. (2014) Life on blood. Memories of the war. 1914–1915. Moscow: Radunitsa. (In Russ.)
- Filippov M.M. (1897) The sociological teaching of Karl Marx. *Nauchnoye obozreniye* [Scientific Review]. No. 1: 64–80; No. 2: 40–67; No. 3: 72–100; No. 4: 16–35. (In Russ.)
- Fursov A.I. (1990) The emergence of capitalism and European civilization: sociogenetic interpretations. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 1990. No. 10: 26–42. (In Russ.)
- Galbraith J.K. (1976) *Economics and the Public Purpose*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Gladyshev A.V. (2003) *The worlds of K.-A. Saint-Simon*. From the Old Regime to the Restoration. Saratov. Saratovsk. un-t. (In Russ.)
- Gloveli G.D. (2003) In search of “planned progressivity”: the idea of a New Encyclopedia by Saint-Simon and Bogdanov. *Vestnik MIAB* [Bulletin of MIAB]. No. 1(13): 56–73. (In Russ.)
- Gloveli G.D. (2016) Educational credo of A. Bogdanov: from the Tula circle to the Caprian school. *Al'ternativy* [Alternatives]. No. 2: 77–91. (In Russ.)
- Izgoev A. (1904) Intelligentsia as a social group. *Obrazovanie* [Education]. No. 1: 72–94. (In Russ.)
- Kareev N.I. (1996) *Fundamentals of Russian sociology*. St. Petersburg: Ivan Limbach. (In Russ.)
- Lenin V.I. (1967–1975) *The complete works*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Maravall H.A. (1991) Utopia and reformism. In: *Utopia and utopian thinking*. Moscow: Progress: 210–232. (In Russ.)
- Marx K., Engels F. (1955–1981) *Collected works*. 2nd ed. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Nikolaev A.N. (2018) Formation and transformation of the Soviet technocratic elite. *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo* [Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law]. No. 2: 83–95. (In Russ.)
- Oparin D. (1919) *Letter to A. Bogdanov*. Personal archive of J. Biggart. (In Russ.)
- Parry A. (1966) *The New Class Divided. Science and Technology versus Communism*. London, New York: Macmillan.
- Stalin I. (1946–2006) *Works*. Vol. 1–18. Moscow: Politizdat; Tver: NIK “Severnaya Korona”. (In Russ.)
- Umov N.A. (1906) *The evolution of the living and the tasks of the proletariat of thought and will*. Moscow: Tvorcheskaya mysl. (In Russ.)
- Veblen T.B. (1921) *The Engineers and the Price System*. New York: B.W. Huebsch, Inc.
- Volsky A. (Makhaisky Ya.V.) (1904) *Mental worker*. Vol. 2. Scientific Socialism. Geneva. (In Russ.)
- Volsky St. (1935) *Saint-Simon*. Moscow: Molodaja Gvardija. (In Russ.)

Received: 31.08.23. Final version: 03.10.23. Accepted: 08.10.23.

Методология и методы социологических исследований

© 2023 г.

В.Б. ЗВОНОВСКИЙ, А.В. ХОДЫКИН

ВОСПРИЯТИЕ РОССИЯНАМИ КОНФЛИКТА С УКРАИНОЙ: ПРОВЕРКА ГИПОТЕЗЫ «СПИРАЛИ МОЛЧАНИЯ»

ЗВОНОВСКИЙ Владимир Борисович – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и психологии Самарского государственного экономического университета (zvb@socio-fond.com); ХОДЫКИН Александр Владимирович – кандидат социологических наук, социолог Фонда социальных исследований (a.khodykin@socio-fond.com). Оба – Самара, Россия.

Аннотация. Отношение россиян к конфликту с Украиной и сама возможность количественного измерения этого отношения стали предметом острых дискуссий в российском социологическом сообществе. Наиболее популярным аргументом у специалистов, полагающих, что уровень поддержки россиянами военных действий может быть ниже его фиксируемых значений, стала модель «спирали молчания», которой Э. Ноэль-Нойман объясняла неготовность людей высказывать непопулярные мнения из-за опасений столкнуться с социальным неодобрением. Для проверки этой гипотезы авторы методом всероссийского телефонного опроса (N = 1977) повторили проводившийся Ноэль-Нойман «железнодорожный тест» для измерения готовности сторонников/противников специальной военной операции (СВО) обсуждать ее с оппонентами. Результаты исследования показали, что в российском общественном мнении о российско-украинском конфликте действительно существует спираль молчания по Э. Ноэль-Нойман. Она действует на обе стороны дискуссии, но её влияние на противников СВО значительно сильнее: они реже готовы обсуждать с оппонентами тему российско-украинского конфликта (21 против 35% у сторонников). Однако противники военных действий лучше своих оппонентов научились противостоять спирали молчания. Поэтому при возможном изменении климата мнений в России противники военного конфликта будут иметь большие по сравнению с оппонентами возможности продвижения собственного нарратива о российско-украинском конфликте. Авторы дополнили «железнодорожный тест» исследованием оценок конфликта в ближайшем окружении респондентов, в котором доля сторонников военных действий на протяжении всего их периода оказывается значительно ниже, чем среди самих респондентов. Это может быть косвенным признаком смещения выборки в сторону позиции сторонников СВО.

Ключевые слова: российско-украинский конфликт • спираль молчания • железнодорожный тест • демоскопия • специальная военная операция (СВО)

DOI: 10.31857/S013216250028531-7

Проблема выявления мнений россиян о конфликте с Украиной. Задача военной социологии – изучать «не только военную структуру внутри обществ и государств, но и войну как состояние всего социума – как не-мирную, парадоксальную, патологическую социальную реальность, которую нужно детально описывать, анализировать и объяснять» [Крокинская, 2022: 4]. В этой связи важно обратить внимание на восприятие

российским общественным мнением военного конфликта с Украиной, которое измеряется исследовательскими кампаниями на всём его протяжении. Результаты этих измерений и сама возможность их проведения в условиях конфликта вызывают острые дискуссии в профессиональном сообществе российских социологов. Достоверность высокого (более 70%) уровня поддержки специальной военной операции (СВО), выявляемого в массовых опросах россиян, вызывает сомнения у ряда специалистов¹. Среди них наиболее популярен аргумент, что в условиях стигматизации антивоенной позиции многие придерживающиеся её россияне отказываются от участия в опросах, не желая обсуждать с незнакомыми людьми потенциально чреватую негативными последствиями для них тему и высказывать социально неодобряемое мнение [Morris, 2023]. Некоторыми авторами ещё до начала СВО подвергнута сомнению возможность проведения массовых опросов в условиях, когда противники действий власти подвергаются преследованиям [Юдин, 2020]. Высокая чувствительность темы характерна как для сторонников, так и для противников СВО, что подтверждается результатами качественных исследований². Попытки повышения достоверности результатов массовых опросов на военную тематику в условиях чувствительности темы делают двумя способами: 1) проективными формулировками³ или формулировками с возможностью отказа от ответа в тексте вопроса⁴ и 2) списочными экспериментами⁵. Оба этих способа имеют свои достоинства и недостатки⁶, но ни один из них полностью не решает проблему опасений респондентов отвечать на вопросы о СВО. Кроме того, выбор нами прямого вопроса для оценки уровня поддержки военных действий продиктован его большей совместимостью с тестом Ноэль-Нойман для проверки ее гипотезы о спирали молчания.

Давно подмечено, что люди, оказавшись в меньшинстве, сдерживают желание высказать непопулярную точку зрения, испытывая опасения оказаться в изоляции. А. де Токвиль, описывая события Великой французской революции, обращал внимание, что складывавшаяся картина выраженных мнений оказывалась смещенной и вводила в заблуждение: «Люди, придерживавшиеся прежней веры, боялись оказаться в меньшинстве преданных своей религии. А поскольку изоляция страшила их более, чем ошибки, они присоединялись к большинству, не изменяя своих мыслей. Взгляды одной лишь части нации казались мнением всех и именно поэтому вводили в неодолимое заблуждение как раз тех, кто был виной этого обмана» [Tocqueville, 1857: 182].

Наиболее известную объяснительную модель неготовности людей к высказыванию непопулярного мнения предложила Э. Ноэль-Нойман, предполагая, что люди с ограниченной заинтересованностью в политике, прежде чем высказать своё мнение по политически значимому вопросу, оценивают риск столкнуться с социальным неодобрением

¹ См., например, выступления Г.Б. Юдина (<https://www.youtube.com/watch?v=7unNkLovyPg>) и В.С. Вахштайна. URL: <https://www.svoboda.org/a/perevospitanie-pokoleniya-z/32312049.html> (дата обращения: 19.07.2023).

² См. их обзор: Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. Континуум оценок «спецоперации» в российском общественном мнении: обзор результатов качественных исследований // Аналитический обзор. 2023. URL: <https://t.me/TheBellV/139> (дата обращения: 19.07.2023).

³ Russian Field задавали вопрос в гипотетической форме возврата к прошедшим событиям: «Если бы вы у вас была возможность вернуться в прошлое и отменить решение о начале военной операции, вы бы это сделали или не сделали?» URL: <https://russianfield.com> (дата обращения: 07.09.2023).

⁴ Проект «Хроники» использует формулировку: «Скажите, пожалуйста, вы поддерживаете или не поддерживаете военную операцию России на территории Украины, затрудняетесь однозначно ответить или не хотите отвечать на этот вопрос?» URL: <https://www.chronicles.report> (дата обращения: 07.09.2023).

⁵ См.: Chapkovski Ph., Schaub M. Do Russians tell the truth when they say they support the war in Ukraine? Evidence from a list experiment. 2022. URL: <https://inlnc.ru/YAnKLa> (дата обращения: 25.05.2023); Доверие опросам о «спецоперации». Левада-Центр* (*включен в регистр иноагентов РФ). URL: <https://clck.ru/34VejC> (дата обращения: 23.05.2023).

⁶ О достоинствах и недостатках методов повышения достоверности результатов опросов на чувствительную тематику см. [Мягков, 2023].

окружающих, и в случае, если этот риск высок, воздерживаются от артикуляции кажущегося им непопулярным мнения [Ноэль-Нойман, 1996]. Причем она акцентировала внимание на динамике процесса: опасаящиеся остаться в изоляции люди воздерживаются от высказывания непопулярного мнения, соответственно окружающие все реже слышат такое мнение, у них все чаще создается впечатление, что оно не популярно, и они еще реже оказываются готовыми его высказывать. Э. Ноэль-Нойман назвала этот процесс «спиралью молчания», подчеркивая динамический характер этого феномена.

При публичном обсуждении политических позиций, особенно таких, где предполагается поляризация мнений и высокий риск конфликтов, а промежуточные варианты исключены, вероятно наличие больших групп населения, не имеющих собственного мнения, которые, скорее всего, будут высказываться или уклоняться от высказываний, оглядываясь на мнения окружающих по данному вопросу. Слабая представленность позиции меньшинства и активное продвижение позиции большинства заметно смещает точку зрения тех, для кого данная тема внезапно актуализировалась. В первые дни начала СВО в феврале 2022 г. соотношение поддерживающих и не поддерживающих было 58 против 23% при 19% неопределившихся, но через пару недель соотношение стало 79 против 14% при 7% затруднившихся с оценкой⁷. Возможны разные объяснительные модели такому изменению общественного мнения, но не стоит упускать из виду предположение о том, что если человек чувствует, что окружающие не разделяют его мнения и могут осудить его, он с большей вероятностью не будет его высказывать, избегая участия в опросах. Здесь важно понять, кто такие эти «окружающие». Ноэль-Нойман прямо не акцентирует на этом внимания, но, исходя из ее экспериментов и опросников, направленных на исследование публичного поведения, можно утверждать, что окружающие – люди, вступающие во взаимодействия с респондентом или потенциально способные на это. Это не обязательно социальное окружение, в которое входят друзья, родственники, коллеги и т.п., но и не все общество в целом: соотечественник, живущий в другом городе, не знакомый респонденту и не имеющий возможности контактировать с ним, окружающим для него не станет, а попутчик в транспорте – станет, даже если коммуникации с ним у респондента нет, но она потенциально может возникнуть.

Метод исследования. Для исследования публичного поведения людей как показателя оценки ими популярности их позиции Э. Ноэль-Нойман предложила «железнодорожный тест», измеряющий готовность приверженцев той или иной позиции по социально значимому вопросу открыто высказывать её – обсуждать со случайным попутчиком противоположных взглядов при поездке в поезде⁸. Исследования показали, что сторонники более популярной, с их точки зрения, позиции чаще готовы высказывать её, чувствуя, что находятся в более сильном лагере и меньше рискуют подвергнуться осуждению окружающих. Таким образом, спираль молчания заставляет носителей непопулярного мнения реже высказывать его, в результате они реже попадают в поле зрения единомышленников и ещё сильнее убеждаются в непопулярности своей позиции и ещё реже делятся

⁷ Первый опрос был проведён группой российских социологов «Extreme Scan» (<https://www.extremescan.eu/ru/post/исследование-отношения-жителей-россии-к-специальной-военной-операции-рф-в-украине>) с 28 февраля по 1 марта 2022 г. (N = 1640). Второй опрос проводился Фондом социальных исследований 14–17 марта 2022 г. (N = 1600). В обоих исследованиях использовался телефонный опрос (CATI), выборка репрезентировала население России по полу и возрасту.

⁸ Используемая в проведенном авторами тесте формулировка вопроса («Представьте такую ситуацию. Предположим, вам предстоит проехать несколько часов в поезде, и кто-то из попутчиков в вашем купе начинает осуждать спецоперацию/говорить в поддержку спецоперации. Станете ли вы беседовать с этим человеком о ситуации в Украине или не обратите на это внимания?») предполагает обсуждение ситуации не наедине со сторонником противоположных взглядов, а в присутствии других попутчиков. (Обращаем внимание, что в формулировке вопроса используется предлог «в» вместо нормативного (сложившегося в результате языковой традиции) в русском языке «на», что могло также оказать влияние на респондентов, т.к. это в последнее время стало политизированным. – Прим. ред.)

Таблица 1

Распределение итоговых результатов дозвона¹⁰, %

Результат дозвона	Доля результата от общего числа дозвонів
Отказы	6,0
Не подходят	0,5
Перенос	4,2
Прервано	0,1
Успешный	0,3
Автоответчик	18,0
Занято	6,8
Неверный номер	0,4
Несуществующий номер	26,3
Нет операторов	2,0
Нет ответа	9,5
Отклонён	23,4
Ошибка вызова	1,5
Ошибка обработки	1,1

ею. С другой стороны, «лагерь, обнаруживающий большую готовность открыто говорить о своих убеждениях, производит впечатление более сильного и тем самым влияет на других, побуждая последних присоединиться к более сильному или умножающему свои ряды противнику» [Нозль-Нойман, 1996: 58].

Мы применили «железнодорожный тест» Нозль-Нойман для исследования готовности сторонников и противников СВО открыто высказывать свою позицию. Тест был проведён в рамках телефонного опроса (CATI), репрезентирующего взрослое население России по полу, возрасту и федеральным округам ($N = 1977$)⁹. Распределение итоговых результатов дозвона (конечных кодов достижимости) представлено в табл. 1. Минимальный коэффициент ответов, рассчитываемый как отношение числа полных интервью к числу всех номеров, по которым система автоматического набора распознала снятие трубки, составил 2,6%.

В ходе опроса выявлялись три характеристики респондентов: 1) уровень поддержки СВО, 2) готовность обсуждать СВО с незнакомыми сторонниками противоположных взглядов (измерена с помощью «железнодорожного теста») и 3) уровень поддержки СВО социальным окружением респондентов.

Поддержка СВО российским общественным мнением. Для измерения уровня поддержки СВО респондентам задавался вопрос: «Скажите, пожалуйста, а вы сами поддерживаете или не поддерживаете военную операцию России в Украине?» Соотношение

⁹ Опрос проведён 26 июня – 9 июля 2023 г. силами Фонда социальных исследований (Самара). Выборка стратифицирована по федеральным округам. Ошибка выборки не превышает 2,31% при уровне значимости – 95%. Базы контактов сгенерированы случайным образом на основании диапазонов, выдаваемых Минцифры РФ операторам мобильной связи на 2021 г. Опрос проводился только по мобильным номерам. Весовые коэффициенты рассчитаны на основе данных Росстата на 01.01.2022. На каждый номер сделано от трех до пяти попыток контакта (за исключением получивших конечный код достижимости за меньшее число попыток) в разное время суток (с 10:00 до 22:00) с интервалом между звонками не менее 4 часов. Всего было проведено более 500 тыс. автоматических дозвонів. Полученные результаты проанализированы методом дескриптивного двумерного анализа распределений.

¹⁰ Коды результатов дозвона проставлены в соответствии с международными стандартами фиксации результатов звонков при телефонных опросах, закреплёнными в рекомендациях Американской ассоциации изучения общественного мнения (American Association for Public Opinion Research, AAPOR). Подробнее о том, какой код в каких случаях ставится, см. Standard Definitions Report. URL: <https://aapor.org/wp-content/uploads/2023/05/Standards-Definitions-10th-edition.pdf> (дата обращения: 30.09.2023).

Таблица 2

Доля противников СВО в разных группах населения, %¹¹

Группы		Противники СВО
Среди всех россиян		22
По полу	Мужчины	20
	Женщины	24
Возрастные	18–29 лет	38
	30–39 лет	24
	40–49 лет	23
	50–59 лет	17
	60 лет и старше	15
По регионам проживания	Приграничные регионы	14
	Москва	31
	Санкт-Петербург	37
	Остальные регионы	22
Поселенческие	Столицы регионов	24
	Другие города	19
	Сёла	17
Образовательные	С высшим образованием	25
	Без высшего образования	20
Подоходные	Низкий доход	31
	Средний доход	23
	Высокий доход	17
По местам работы	Не работают	17
	Бюджетники	18
	Работающие по найму в частных компаниях	31
	Предприниматели	27
По источникам информации о СВО	Узнающие о СВО из телевидения	10
	Узнающие о СВО из Интернета	27
По отношению социального окружения к СВО	Большинство окружения за СВО	2
	Число сторонников и противников СВО в окружении примерно равно	31
	Большинство окружения против СВО	87

поддерживающих и не поддерживающих оказалось 71 к 20%, ещё 7% затруднились ответить и 2% отказались отвечать. Вопросы «железнодорожного теста» не задавались затруднившимся и отказавшимся отвечать на вопрос о поддержке СВО, поэтому мы исключили эти группы из дальнейшего анализа. В пересчёте на давших определённую оценку соотношение их сторонников и противников составило 78 к 22% (табл. 2).

Как видим, чаще поддерживали СВО россияне старшего возраста (85%), мужчины (80%), жители приграничных регионов¹² (86%), сельчане (83%), люди без высшего образования (80%) и относящие себя к высокодоходным группам (83%). Соответственно, реже поддерживали военные действия женщины (76%), молодёжь до 30 лет (62%), жители

¹¹ Доли во всех таблицах приведены среди давших определённую оценку военным действиям. Заливкой выделены группы, в которых доля противников СВО превышала 30%, т.е. значительно (не менее чем на 8 п.п.) превышала среднероссийский уровень.

¹² К приграничным регионам отнесены Брянская, Курская, Белгородская, Воронежская и Ростовская области, Краснодарский край и Крым. Доля жителей приграничных регионов в выборке составила 13%.

Москвы (69%) и Санкт-Петербурга (63%), люди с высшим образованием (75%) и люди с относительно низкими по их самооценке доходами (69%).

Готовность россиян обсуждать конфликт с Украиной: «железнодорожный тест» по Ноэль-Нойман. Теперь проанализируем измеренную «железнодорожным тестом» готовность сторонников и противников СВО обсуждать её с незнакомыми людьми противоположных взглядов. Чтобы выяснить наличие и направление раскручивания спирали молчания по Ноэль-Нойман, сторонникам военных действий был задан вопрос: «Представьте такую ситуацию. Предположим, вам предстоит проехать несколько часов в поезде, и кто-то из попутчиков в вашем купе начинает осуждать спецоперацию. Станете ли вы беседовать с этим человеком о ситуации в Украине или не обратите на это внимания?» Для противников СВО вопрос звучал зеркально: «Представьте такую ситуацию. Предположим, вам предстоит проехать несколько часов в поезде, и кто-то из попутчиков в вашем купе начинает говорить в поддержку спецоперации. Станете ли вы беседовать с этим человеком о ситуации в Украине или не обратите на это внимания?» Распределения ответов представлены в табл. 3.

Таблица 3

Результаты «железнодорожного теста» среди сторонников и противников СВО, в %

Результаты теста	Сторонники СВО	Противники СВО
Станут беседовать	35	21
Не станут беседовать	55	77
Затруднились или отказались ответить	10	2

Полученные результаты подтверждают выводы качественных исследований¹³ о неготовности россиян говорить о военных действиях: и среди их сторонников, и среди противников большинство не хотят обсуждать острую военно-политическую тему с незнакомыми людьми. При этом противники военного противостояния предпочитают молчать о нём значительно чаще: в 77% случаев против 55% среди сторонников – разница в 22 п.п. Готовых же беседовать среди сторонников военных действий больше на 14 п.п. Как и предсказывала Э. Ноэль-Нойман, представители группы, считающие, что находятся в меньшинстве, реже готовы обсуждать острую политическую тему со своими оппонентами из более многочисленного лагеря. Разрыв между готовностью к диалогу сторонников и противников нельзя назвать непреодолимым, но он достаточно велик, чтобы затруднить приверженцам антивоенной позиции её распространение.

Готовность обсуждать СВО неравномерно распределена в разных социальных группах. Вне зависимости от отношения, мужчины чаще женщин и люди предпенсионного возраста чаще молодёжи готовы высказываться о ней. Видимо, мужчины по сравнению с женщинами более политизированы и чаще готовы спорить из-за различий в оценках военных действий. Это отчасти подтверждается нашими методическими исследованиями¹⁴, показывающими, что мужчины стабильно чаще женщин готовы участвовать в опросах на политическую тематику. И среди сторонников, и среди противников СВО готовность говорить нарастает с возрастом, достигая пика в группе 50–59-летних, а в группе пенсионного возраста падает до средних по выборке показателей. Уровень образования на готовность высказываться не влияет. В остальных

¹³ См. отчёт Лаборатории публичной социологии: «Смириться с неизбежностью: как россияне оправдывают военное вторжение в Украину?» // Аналитический отчет / Под ред. С. Ерпылевой, А. Каппинен. URL: <http://publicsociology.tilda.ws/report2> (дата обращения: 07.09.2023).

¹⁴ Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. Насколько репрезентативны опросы о «спецоперации»? Анализ возможных смещений в измерениях // Аналитический обзор. URL: <https://t.me/TheBellV/121> (дата обращения: 19.07.2023).

Таблица 4

Результаты «железнодорожного теста» по социально-демографическим группам респондентов, в %

Группы		Сторонники СВО		Противники СВО	
		готовы беседовать	не готовы беседовать	готовы беседовать	не готовы беседовать
Среди всех россиян		35	55	21	77
Пол	Мужчины	38	50	27	70
	Женщины	32	58	17	82
Возрастные группы	18–29 лет	22	73	17	83
	30–39 лет	27	63	19	80
	40–49 лет	35	53	22	75
	50–59 лет	45	45	34	60
	60 лет и старше	38	49	20	78
Группы по регионам проживания	Приграничные регионы	36	56	16	82
	Москва	31	55	11	85
	Санкт-Петербург	32	63	31	62
	Остальные регионы	35	54	22	76
Поселенческие группы	Столицы регионов	35	55	20	78
	Другие города	33	56	21	77
	Сёла	38	51	26	74
Образовательные группы	С высшим образованием	33	55	20	77
	Без высшего образования	36	54	22	76
Подходные группы	Низкий доход	32	59	16	83
	Средний доход	36	54	21	77
	Высокий доход	34	56	28	69
По местам работы	Не работают	37	52	16	84
	Бюджетники	32	60	22	76
	Работающие по найму в частных компаниях	33	55	23	75
	Предприниматели	33	54	28	64
По отношению социального окружения к СВО	Большинство окружения за СВО	39	50	10	86
	Число сторонников и противников СВО в окружении примерно равно	26	65	23	76
	Большинство окружения против СВО	9	91	21	77

группах готовность обсуждать тему СВО различна в зависимости от отношения респондентов к ней (табл. 4).

Сторонники СВО из разных регионов и типов населённых пунктов примерно в равной степени готовы обсуждать ее с незнакомыми оппонентами. В то же время среди противников место проживания становится значимым дифференцирующим фактором. В приграничных регионах, где поддержка военных действий наиболее высока, оппоненты преобладающей точки зрения реже готовы их обсуждать. Видимо, на них оказывается большее социальное давление, и они сильнее попадают под действие спирали молчания. Довольно трудно объяснить различия почти в три раза в готовности высказываться между Москвой (11%) и Санкт-Петербургом (31%), при том, что в обеих столицах уровень поддержки военных действий ниже среднего по стране. Противники из сельской местности чаще готовы обсуждать ситуацию с незнакомыми оппонентами, несмотря на более высокий уровень

поддержки СВО в их населённых пунктах. Уровень дохода не влияет на готовность сторонников военных действий высказываться, а у их противников с ростом доходов линейно растёт и готовность говорить с политическими оппонентами. Недовольные СВО предприниматели тоже чаще готовы обсуждать тему со своими политическими противниками.

Сильнее всего на готовность человека высказываться о СВО влияет распределение мнений о ней в его ближайшем социальном окружении¹⁵. Преобладающее влияние на политическую позицию человека мнений его ближайшего окружения выявлено ещё в американских исследованиях середины XX в., известных русскоязычному читателю, например, из крупнейшего труда Р. Мертона [Мертон, 2006]. Собранные данные показали, что те, у кого в окружении доминируют сторонники противоположных взглядов, реже готовы обсуждать СВО с незнакомыми оппонентами. С учётом распространённости межличностных столкновений из-за разных оценок военных действий¹⁶ имеющие в окружении большую долю оппонентов и потому с высокой долей вероятности конфликтовавшие с окружением на этой почве чувствуют себя в изоляции и под социальным давлением, не находя в себе сил riskовать поссориться ещё и с незнакомым человеком. Лишь 9% сторонников и 10% противников СВО, находясь в повседневном окружении своих оппонентов, готовы обсуждать эту тему (против 35 и 21% соответственно в выборке в целом) и в новой временной для себя аудитории (т.е. со случайным попутчиком противоположных взглядов во время поездки на поезде). Эти люди, несмотря ни на что изъявляющие желание говорить на острую тематику, – те самые «крепкие орешки» в терминологии Э. Ноэль-Нойман, готовые влиять на окружающих даже в самых тяжёлых условиях и отстаивать свою позицию, сколь бы непопулярной она ни была. На них спираль молчания не действует.

Если сторонники СВО теряют интерес спорить с противниками по мере увеличения опыта общения с ними (с 39 до 9%), то у противников эта тенденция выражена не столь ярко – с 21% среди находящихся в окружении единомышленников до 10% среди тех, кто находится в среде оппонентов. При этом если у противников военных действий окружение разделяется примерно поровну, вероятность обсуждения ими СВО не сокращается. Но когда окружение сторонников СВО делится пополам, они значительно реже готовы обсуждать военный конфликт с незнакомыми людьми противоположных взглядов. Противники СВО адаптировались к большей популярности позиции их оппонентов: их готовность говорить с приверженцами противоположных взглядов снижается, только когда в их социальном окружении преобладают их оппоненты. Сторонники же военного противостояния, столкнувшись даже с паритетом мнений в своём окружении, значительно теряют в готовности обсуждать его с незнакомыми оппонентами. Возможно, многие из них своей поддержкой присоединились к большинству, воспроизведя эффект «фургона с оркестром», известный многим социологам по знаменитой работе Дж. Гэллапа и С.Ф. Рэя [Гэллап, Рэй, 2017]. Столкнувшись же с отсутствием такого большинства в собственном окружении, многие из них не выражают готовности дискутировать о российско-украинском конфликте с его противниками.

Поддержка СВО социальным окружением респондентов. Исследование уровня поддержки СВО социальным окружением россиян важно по трём основным причинам. Во-первых, позиция окружения всегда сильно влияет на личную позицию респондента. Сама социальная природа человека побуждает стараться не расходиться во мнениях со

¹⁵ Респондентам задавался вопрос: «Как вы думаете, среди ваших близких знакомых, родственников, коллег большинство поддерживает или не поддерживает военную операцию России в Украине?». Таким образом, под социальным окружением здесь и далее понимаются близкие знакомые, родственники и коллеги респондента.

¹⁶ По данным нашего всероссийского телефонного опроса (CATI, N = 1600, методика полностью повторяет методику анализируемого в этой статье опроса), на конец декабря 2022 г. 43% россиян (42% сторонников и 48% противников СВО) имеют опыт конфликтов из-за разных оценок событий. Этот опыт измерен вопросом: «Вспомните, пожалуйста, случались ли у вас ссоры (споры, конфликты) из-за разных мнений о событиях на Украине?»

своим окружением. Исследуя уровень поддержки СВО окружением респондентов, мы измеряем и уровень социального давления, оказываемого на россиян.

Во-вторых, распределение оценок военных действий в окружении респондентов показывает, насколько эффективно поддержка СВО и ее критика распространяются ее сторонниками и противниками. Если носители одной позиции чаще своих оппонентов высказывают её, то их круг общения в большей степени узнает именно об их позиции, чем о позиции предпочитающих молчать. Т.е. разница между распространённостью какой-либо позиции среди респондентов и их восприятием распространённости этой позиции в их окружении может быть следствием действия спирали молчания: если какое-то мнение люди предпочитают не высказывать, то мало в чьём окружении оно будет преобладать.

В-третьих, люди с критическими взглядами могут уклоняться от участия в опросах, опасаясь преследований за такую точку зрения. В разговорах же со своими друзьями и близкими они могут высказаться более открыто, влияя на распределение мнений в своем окружении. Тогда если мы не можем опросить этих людей напрямую, то мы можем узнать их мнение, спросив их близких и друзей о преобладании тех или иных оценок в окружении.

При значительном преобладании сторонников СВО над её противниками (71 против 20%) можно предположить, что доля респондентов, в чьём окружении преобладают сторонники военных действий, будет столь же сильно преобладать. По нашим данным, у 40% всех респондентов в окружении или сложился паритет мнений, или преобладали противники СВО. Хотя 71% поддерживают спецоперацию, преобладает такая позиция в окружении лишь чуть более половины россиян (56%). Могут быть предложены разные объяснения такой ситуации, наиболее вероятными нам кажутся три объяснительные модели: 1) либо сторонники СВО предпочитают молчать значительно чаще, чем их оппоненты; 2) либо 20% противников СВО смогли убедить, что их в разы больше, вдвое превосходящую их по объёму долю россиян; 3) либо противники СВО чаще не желают участвовать в социологических опросах, выборки оказываются смещены в сторону поддерживающих СВО.

Первое предположение опровергается данными «железнодорожного теста»: сторонники военных действий чаще готовы обсуждать их, чем их противники. Второй случай, с одной стороны, маловероятен, поскольку в российском информационном поле доминирует позиция поддержки СВО, но, с другой стороны, как показывают исследования¹⁷, имеет место двойственность восприятия россиянами государственной пропаганды: она хотя и признаётся нужной и полезной для демонстрации твердости намерений российской стороны, но даже сторонники военных действий не считают сообщаемую ею информацию достоверной и корректируют её, насколько это им кажется обоснованным. Удовлетворительных инструментов для достоверной проверки наиболее перспективной, на наш взгляд, третьей гипотезы у нас, к сожалению, пока нет.

По данным девяти проведенных в 2022–2023 г. Фондом социальных исследований (ФСИ) общероссийских опросов¹⁸, преобладание сторонников военных действий среди респондентов над их единомышленниками в их ближайшем окружении отмечается на протяжении всего периода военного противостояния. При этом особенно выраженным оно стало сразу после мобилизации (рис.). Потом оно немного сгладилось, но продолжает держаться на более высоком по сравнению с периодом до мобилизации

¹⁷ Февраль – 2023: Как изменилась жизнь россиян за год // Семинар Ассоциации исследовательских компаний «Группа 789». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5QACVLaDinw>

¹⁸ Опросы проводились методом телефонного интервью (CATI) по всероссийской случайной выборке номеров мобильных телефонов, стратифицированной по федеральным округам. Ошибка выборки не превышает 2,45% при уровне значимости – 95%. Базы контактов сгенерированы случайным образом на основании диапазонов, выдаваемых Минцифры РФ операторам мобильной связи на 2021 г. Опросы репрезентируют взрослое население России по полу, возрасту и федеральным округам. Объём выборки во всех опросах, кроме проведённого в феврале 2022 г. (N = 1640), составил 1600 проживающих на территории России её граждан старше 18 лет.

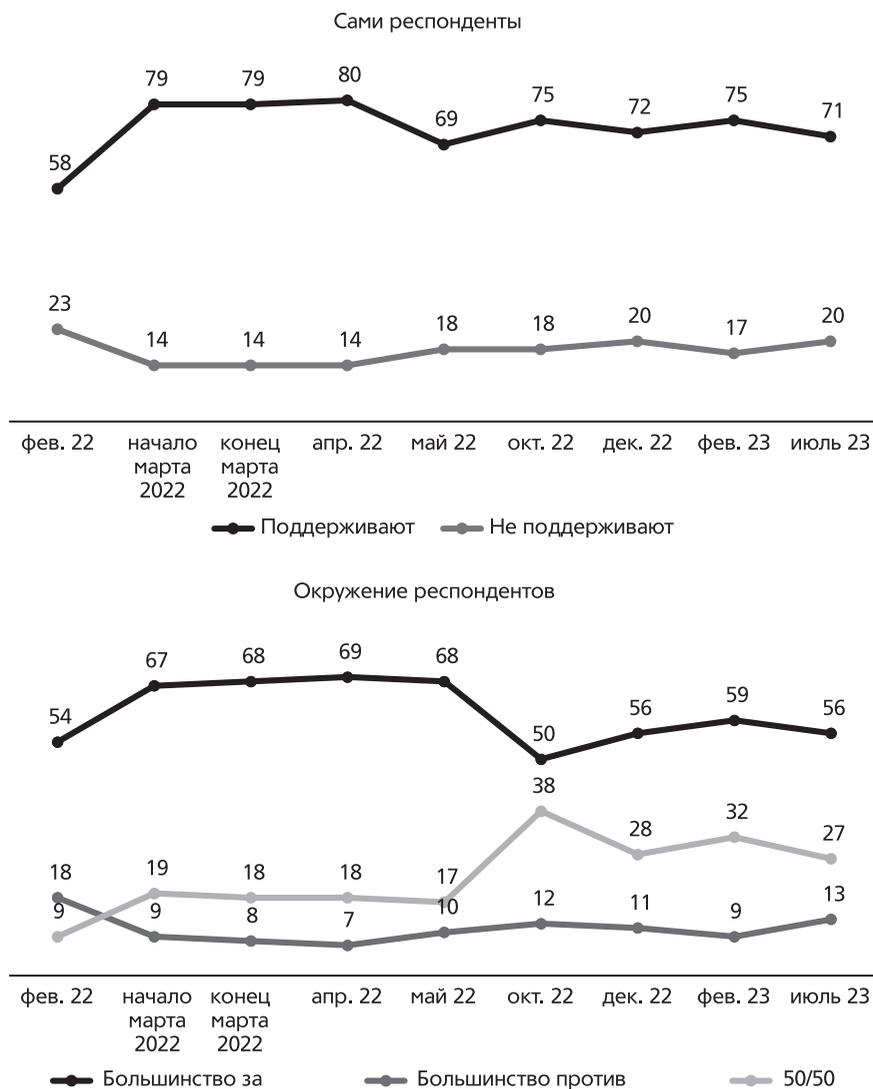

Рис. Динамика поддержки СВО респондентами и их социальным окружением, ФСИ, в %

уровне. Т.е. после мобилизации в окружении респондентов появилось больше противников СВО, но среди участников опросов их больше не стало. Это даёт основания предполагать, что всё большая группа недовольных СВО стала выпадать из поля зрения социологов-поллстеров.

Кластеризация россиян по отношению их окружения к СВО тоже имеет место: так, в некоторых наиболее «антивоенных» группах (молодёжь, жители Санкт-Петербурга, обладатели низких доходов, трудящиеся в частном секторе) люди чаще окружены противниками СВО. Однако представители других групп, где подобные взгляды тоже более популярны, не отличаются от всех остальных по позициям окружения. Это – москвичи, жители региональных центров, люди с высшим образованием, предприниматели и узнающие о военных действиях из Интернета. Преобладание сторонников СВО явно выражено (больше 60%) в окружении только самых «милитаристски» настроенных групп:

Таблица 5

Уровень поддержки СВО социальным окружением респондентов, в %

Группы		Большинство за СВО	Сторонников и противников СВО примерно поровну	Большинство против СВО	Затруднились или отказались ответить
Среди всех россиян		56	27	13	5
По полу	Мужчины	60	24	12	4
	Женщины	52	29	14	5
Возрастные	18–29 лет	39	38	22	1
	30–39 лет	55	25	18	2
	40–49 лет	56	26	15	3
	50–59 лет	61	25	10	4
	60 лет и старше	61	23	7	8
По регионам проживания	Приграничные регионы	65	22	9	5
	Москва	54	23	21	2
	Санкт-Петербург	43	33	21	3
	Остальные регионы	55	28	13	5
Поселенческие	Столицы регионов	55	27	13	4
	Другие города	60	24	12	5
	Сёла	55	29	10	6
Образовательные	С высшим образованием	56	26	14	3
	Без высшего образования	55	27	12	6
Подоходные	Низкий доход	42	30	18	9
	Средний доход	54	29	15	2
	Высокий доход	64	22	9	4
По местам работы	Не работают	58	27	9	6
	Бюджетники	59	27	11	3
	Работают по найму в частных компаниях	49	29	19	3
	Предприниматели	56	19	19	5
По источникам информации о СВО	Узнают о СВО из телевидения	66	23	7	4
	Узнают о СВО из Интернета	56	25	16	3

Примечание. Заливкой выделены группы, в которых доля имеющих в своем окружении большинство сторонников СВО превышала 60%, т.е. значимо (не менее чем на 5 п.п.) превышала среднероссийский уровень.

у телезрителей (66%), жителей приграничных регионов (65%), обладателей высоких доходов (64%) и россиян старшего поколения (61%) (табл. 5). Таким образом, дифференциация респондентов по позициям их ближайшего окружения не столь велика, как по их собственным декларируемым взглядам на российско-украинский конфликт.

Заключение. Полученные данные подтвердили сделанное по результатам прошлогодних фокус-групп [Звоновский, Ходыкин, 2023] предположение о низкой готовности россиян

обсуждать российско-украинский конфликт. Это косвенно свидетельствует в пользу аккламационного и аполитичного характера поддержки многими россиянами СВО, описанного В. Ищенко и О. Журавлёвым по материалам серии проведённых Лабораторией публичной социологии глубинных интервью с россиянами, не являющимися противниками СВО [Ishchenko, Zhuravlev, 2022]. По данным «железнодорожного теста», 35% сторонников и 21% противников военных действий готовы обсуждать их. Разница между этими долями свидетельствует о том, что под действие спирали молчания по Э. Ноэль-Нойман значимо чаще попадают противники СВО, сторонники же чаще готовы обсуждать свою позицию с незнакомыми оппонентами, что неудивительно ввиду большей популярности их точки зрения. Но их готовность к обсуждению резко снижается при отсутствии в их ближайшем окружении преобладания доли единомышленников. Предположим, что хотя на мнения противников спираль молчания воздействует чаще, они лучше научились ей противостоять.

Как в анализируемом нами здесь опросе, так и в предыдущих замерах доля сторонников СВО значительно выше их доли в окружении участников опроса. Разрыв между этими долями значительно увеличился после мобилизации, хотя уровень поддержки в целом не изменился.

Распределение мнений в окружении респондентов сильнее влияет на их готовность обсуждать российско-украинский конфликт с приверженцами противоположной точки зрения. Столкнувшись с преобладанием оппонентов в ближайшем окружении россияне намного реже готовы говорить на эту тему. Такие данные перекликаются с результатами качественных исследований¹⁹, показывающих большую выраженность потребности россиян в сохранении социальных связей по сравнению с потребностью отстаивания и распространения собственных политических взглядов. Кроме того, неудачный опыт политических дискуссий убеждает многих соотечественников в бесперспективности таких дискуссий: когда многочисленные обсуждения заканчиваются конфликтами, не меняющими мнений собеседников, люди теряют силы и желание говорить на данную тематику с оппонентами.

В завершение важно отметить, что наше исследование сознательно ограничено методологией Э. Ноэль-Нойман и результаты интерпретированы в контексте ее объяснительной модели. Вопросы «железнодорожного теста» о готовности беседовать с оппонентами не были дополнены уточняющими вопросами к неготовым разговаривать о причинах их неготовности. Помимо опасений конфликтов и общественного осуждения причинами также могут быть нежелание разговаривать с незнакомыми, нехватка аргументов, нежелание тратить силы и т.п. Однако можно предположить, что доли носителей этих причин в среде сторонников и противников военных действий примерно сопоставимы, поскольку нет свидетельств того, что представители того или иного политического лагеря отличаются большей коммуникабельностью. Поэтому не столь важны сами по себе доли не готовых к диалогу, как их соотношение, которое показывает, что противники СВО готовы говорить о ней в полтора раза реже, чем ее сторонники.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гэллуп Дж., Рэй С. Ф. Пульс демократии. Как работают опросы общественного мнения / Под ред. Н.П. Попова, А.В. Кулешовой. М.: ВЦИОМ, 2017.
- Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. Стратегии адаптации сторонников и противников спецоперации к жизни в её условиях (на примере жителей Самарской области) // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 1. С. 8–35.
- Крокинская О.К. О социологии войны // Палладиум. 2022. № 3. С. 4–13.
- Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006.
- Мягков А.Ю. Нерандомизированные техники для сенситивных опросов: сравнительный анализ // Социологические исследования. 2023. № 4. С. 28–38.
- Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / Общ. ред. и предисл. Н.С. Мансурова. М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996.

¹⁹ См. отчёт Лаборатории публичной социологии: Далекая близкая война: как россияне воспринимают военные действия в Украине? // Аналитический отчет / Под ред. С. Ерпылевой, А. Каппинен. URL: http://publicsociology.tilda.ws/war_report (дата обращения: 07.09.2023).

- Юдин Г.Б. Общественное мнение или власть цифр. СПб.: ЕУ в СПб., 2020.
- Ishchenko V., Zhuravlev O. Imperialist ideology or depoliticization? Why Russian citizens support the invasion of Ukraine // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2022. Vol. 12. No. 3. P. 668–676.
- Morris J. Public Opinion Still Does Not Exist; War in Ukraine and Dictatorship in Russia Can Help Us Acknowledge That // *Russian Analytical Digest*. 2023. No. 292. P. 7–9.
- Tocqueville A. de. *Das Alte Staatswesen und die Revolution*. Leipzig: Mendelssohn, 1857.

Статья поступила: 10.07.23. Финальная версия: 04.10.23. Принята к публикации: 18.10.23.

RUSSIANS' PERCEPTION OF THE CONFLICT WITH UKRAINE: TESTING THE "SPIRAL OF SILENCE" HYPOTHESIS

ZVONOVSKIY V.B.*, KHODYKIN A.V.**

*Samara State University of Economics, Russia; **Social Research Institute, Russia

Vladimir B. ZVONOVSKIY, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. of the Department of Sociology and Psychology of Samara State University of Economics (zvb@socio-fond.com); Alexander V. KHODYKIN, Cand. Sci. (Sociol.), Sociologist of the Social Research Institute (a.khodykin@socio-fond.com). Both – Samara, Russia.

Abstract. Russians' attitude towards the Russian-Ukrainian conflict and the very possibility of its quantitative measurement became a subject of heated debates inside Russian sociological community. The most popular argument among professionals who believe that the level of support for the military actions is lower than the recorded values is the "Spiral of Silence" model used by E. Noelle-Neumann to explain people's unwillingness to express unpopular opinions out of fear of facing social disapproval. To test the hypothesis about the spiral of silence we used the method of all-Russian phone survey ($N = 1977$), repeating the railway test performed by Noelle-Neumann for measuring the willingness of supporters and opponents of the Russian-Ukrainian conflict to discuss it with their political opponents. The results of the research showed that in Russian public opinion about the Russian-Ukrainian conflict there is indeed a spiral of silence, as described by Noelle-Neumann, taking place. It influences both sides of the debate, its effect on the opponents of the conflict being, of course, significantly stronger (21% against 35%). However, opponents of military action have learned better than their opponents to resist the spiral of silence. Therefore, with a possible change in the climate of opinion in Russia, opponents of the military conflict will have greater opportunities than their opponents to promote their own narrative about the Russian-Ukrainian conflict. Along with the railway test, we have conducted research of attitudes towards the Russian-Ukrainian conflict in the respondents' close circle, in which the share of the conflict supporters turns out to be much lower than among the respondents themselves. This may be an indirect sign of a shift in the samples towards the position of Russian-Ukrainian conflict supporters.

Keywords: Russian-Ukrainian conflict, special military operation, spiral of silence, railway test Noelle-Neumann, demoscopy.

REFERENCES

- Gallup G.H., Rae S.F. (1940) *Pulse of democracy. The public-opinion poll and how it works*. New York: Simon and Schuster.
- Ishchenko V., Zhuravlev O. (2022) Imperialist ideology or depoliticization? Why Russian citizens support the invasion of Ukraine. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. Vol. 12. No. 3: 668–676.
- Krokinskaya O.K. (2022) On the sociology of war. *Palladium*. No. 3: 4–13. (In Russ.)
- Merton R.K. (1968) *Social theory and social structure*. New York: The Free Press.
- Morris J. (2023) Public opinion still does not exist; war in Ukraine and dictatorship in Russia can help us acknowledge that. *Russian Analytical Digest*. No. 292: 7–9.
- Myagkov A.Y. (2023) Non-randomized techniques for sensitive surveys: comparative analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 28–38. (In Russ.)
- Noel-Neuman E. (1996) *Public opinion. The discovery of the spiral of silence*: General ed. and preface by N.S. Mansurov. Moscow: Progress-Academiya, Ves' Mir. (In Russ.)
- Yudin G.B. (2020) *Public opinion or the power of figures*. St. Petersburg: EU v SPb. (In Russ.)
- Zvonovsky V.B., Khodykin A.V. (2023) Strategies of adaptation of supporters and opponents of the special operation to life in its conditions (by the example of residents of the Samara region). *Sotsiologicheskii zhurnal* [Russian Sociological Journal]. Vol. 29. No. 1: 8–35. (In Russ.)
- Tocqueville A. de. (1857) *Das Alte Staatswesen und die Revolution*. Leipzig: Mendelssohn.

Received: 10.07.23. Final version: 04.10.23. Accepted: 18.10.23.

Е.В. ПОПОВ

ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕРЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ГРАМОТНОСТИ В РОССИИ

ПОПОВ Евгений Владимирович – младший научный сотрудник Института статистических исследований и экономики знаний НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия (eropov@hse.ru).

Аннотация. Обсуждается новая методология Евростата для оценки уровня цифровых компетенций граждан. Выделены разные подходы к пониманию цифровой грамотности (технический, когнитивный, социальный). На их основании выстраивается расширенное понимание цифровой грамотности как обусловленной предыдущим опытом совокупности регулярно практикуемых прикладных компетенций обращения с программным обеспечением компьютера или смартфона, которые позволяют человеку, группе или сообществу решать возникающие задачи на основе критического поиска, анализа, а также последующего синтеза размещенных в сети данных. Рефлексируется апробация новой методологии Евростата на российской выборке. Делается вывод, что обновленный подход не описывает уровень цифровой грамотности россиян исчерпывающе в связи со специфическими реалиями России, которые важно учитывать при анализе данных.

Ключевые слова: цифровая грамотность • цифровые навыки • цифровой разрыв • мониторинг • Евростат

DOI: 10.31857/S013216250028532-8

С 2021 г. Евростат использует новую методологию расчета уровня цифровой грамотности. В программном документе подробно не рассматриваются концептуальные основания подхода: указывается только операциональное определение грамотности, которое выводится через цифровые компетенции путем указания основных областей¹. В статье анализируются существующие подходы к пониманию цифровой грамотности и проблематизируются результаты апробации новой методологии Евростата в России.

Основания цифровой грамотности. Существует два определения цифровой грамотности: *концептуальное* понимание описывает связь входящих в нее элементов; *операциональное* рассмотрение выявляет то, что соотносится с цифровой грамотностью в терминах определенных задач и навыков [Bawden, 2008]. Первым, кто вводит в научный оборот рассматриваемый термин, является П. Гилстер. Он указывает, что цифровая грамотность – это возможность критического использования информации в различных форматах из разных источников [Gilster, 1997: 10–12]. В понимании Гилстера важен именно акцент на критическом мышлении. Говоря о прикладных (*операциональных*) аспектах, Гилстер указывает на четыре компетенции: (1) поиск в Интернете; (2) навигация в гипертексте; (3) сбор релевантной информации; (4) Оценка обнаруженного контента [ibid.: 25].

Наличие множества исследовательских контекстов привело ученых к выводу, что унифицированное определение цифровой грамотности Гилстера не дает возможности полноценного изучения феномена с какой-то одной перспективы. Плюс ко всему определение Гилстера датируется 1990-ми гг., когда было сложно предвидеть развитие цифровой

Статья выполнена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ 075-15-2022-325).

¹ Vuorikari R., Kluzer S., Punie Y. DigComp 2.2: The Digital Competence Framework for Citizens – With new examples of knowledge, skills and attitudes, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2022.

сферы. Поэтому в современном дискурсе появилось несколько подходов к концептуализации цифровой грамотности. А. Мартин и Дж. Груджецки рассуждают о цифровой грамотности в чисто техническом понимании, как о совокупности компетенций людей определенным образом пользоваться цифровыми инструментами для объединения, анализа и оценки цифровых ресурсов, создания знания, генерации контента и коммуникации с людьми [Martin, Grudziecki, 2007: 255]. В когнитивном ключе определяет цифровую грамотность Э. Йилдиз как способность получать и критически оценивать информацию, искать решение проблем и принимать решения с помощью цифровых инструментов [Yildiz, 2020: 470]. Социальный смысл в концептуализации цифровой грамотности усиливается в трактовке Р. Джонса и К. Хафнера, рассматривающих ее как способность творчески участвовать в социальных практиках, принимать идентичности, формировать социальные отношения [Jones, Hafner, 2012: 224].

В настоящее время в исследовательском поле ученые стали прибегать к попыткам описания цифровой грамотности через компиляцию наиболее релевантных аспектов той или иной перспективы рассмотрения. В этой связи сформировалось определение, сочетающее в себе и технические компетенции, и когнитивные навыки. Так, Л. Панграцио с коллегами указывает, что цифровая грамотность охватывает набор навыков и склонностей, а также критические и творческие отношения к цифровым технологиям [Pangrazio et al., 2020: 454].

Представленные определения демонстрируют, что цифровая грамотность в исследованиях все сильнее ассоциируется с конкретными компетенциями (техническими, когнитивными). Некоторые авторы приходят к выводу, что цифровая грамотность и цифровая компетентность в современных исследованиях могут использоваться как синонимы [Hatlevik, Christophersen, 2013: 240]. Но конвенциональное понимание взаимосвязи этих элементов указывает на то, что цифровая грамотность означает более широкий спектр практик, нежели цифровая компетентность [Pangrazio et al., 2020: 454].

Расширенное понимание цифровой грамотности: эвристический потенциал. Говоря о сильных и слабых сторонах описанных подходов к концептуализации цифровой грамотности, следует отметить, что главной их слабостью является специфика перспективы рассмотрения. Техническая концептуализация делает большой акцент на анализе конкретных навыков работы с информацией, обращая меньше внимания на когнитивную и социальную составляющие. В то же время социальное взаимодействие пользователей в современных условиях мультимедийности и большого количества недостоверной информации может являться одним из способов аутентификации информации, полученной в Интернете [Waruwu et al., 2020]. Упор только на когнитивные аспекты цифровой грамотности изымает из исследовательского фокуса элементы технического характера, например умение пользоваться современными средствами перевода текстов, а также социальную составляющую цифровой грамотности, которая создает новые идентичности и практики общения. Наиболее приемлемым вариантом концептуализации видится расширенное понимание цифровой грамотности, соединяющее в общих чертах техническую, когнитивную и социальную составляющие. В данной статье предлагается следующее концептуальное понимание цифровой грамотности: *это обусловленная предыдущим опытом совокупность регулярно практикуемых прикладных компетенций обращения с программным обеспечением компьютера или смартфона (включающих в себя конкретные навыки), которые позволяют человеку, группе или сообществу решать возникающие задачи на основе критического поиска, анализа, а также последующего синтеза размещенных в сети данных.*

Расширение подхода к концептуальному пониманию привносит в исследовательское поле несколько преимуществ: (1) комплексность: включаются широкие контексты – технические, социальные, когнитивные, – что позволяет придать цифровой грамотности междисциплинарную интенцию, выводящую ее за рамки конкретных дисциплин – психологии (когнитивное понимание), социологии (социальное понимание); (2) определение адаптировано под актуальное состояние цифровизации, когда Интернет больше не рассматривается только в качестве пространства использования существующих инструментов, как

это было в 2000-х гг., когда доминирующим было техническое понимание грамотности. Сейчас это генеративное пространство, которое конструируется через практики синтеза данных акторами [Zittrain, 2008].

В то же время есть ограничения предложенной трактовки: 1) утилитарный характер – в определение не включаются, к примеру, развлекательные практики, которые не могут быть идентифицированы с точки зрения их прямой утилитарной составляющей; 2) определение фокусируется на сугубо функциональных практиках, исключая практики дисфункционального и латентно функционального характера, такие, например, как кибермошенничество.

Операциональное определение цифровой грамотности. Уточним теперь операциональную область цифровой грамотности, которая применяется в обновленном подходе Евростата. Ключевым аспектом в нем являются области компетенций, основанные на конкретных цифровых навыках [Suoranta, Rantala, 2008].

1. *Компетенция информационной грамотности:* поиск информации о товарах или услугах; поиск информации о здоровье; чтение новостных сайтов, газет или журналов; проверка фактов и источников информации в Интернете.

2. *Компетенция коммуникативной грамотности:* отправка/получение электронных писем; использование телефонной связи/видеозвонков; обмен мгновенными сообщениями; участие в социальных сетях; выражение мнений по гражданским или политическим вопросам на веб-сайтах или в соцсетях; участие в онлайн-консультациях или голосованиях.

3. *Компетенция в контексте создания цифрового контента:* использование ПО для обработки текстов и работы с электронными таблицами; редактирование фотографий, видео- или аудиофайлов; копирование или перемещение файлов между папками, устройствами или в облаке; создание файлов, включающих несколько элементов (текст, картинка, таблица, диаграмма и т.п.); использование функций, формул, макросов в работе с электронными документами; написание кода на языке программирования.

4. *Компетенция в области безопасности:* проверка безопасности веб-сайта; чтение соглашений о конфиденциальности перед предоставлением персональных данных; ограничение или отказ в доступе к собственному географическому местоположению; ограничение доступа к профилю или контенту в соцсетях; отказ от использования персональных данных в рекламных целях; ограничения сбора файлов cookies на любом из устройств.

5. *Техническая компетенция:* загрузка или установка ПО, приложений; изменение настроек ПО, приложения или устройства; покупки в Интернете (за последние 12 месяцев); продажа через Интернет; использование учебных ресурсов онлайн; интернет-банкинг; поиск работы или отправка заявления о приеме на работу.

Описание методологии исследования. Замер уровня цифровой грамотности по новой методологии Евростата в России проводился в рамках Мониторинга цифровой трансформации экономики и общества, осуществляемого Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. Анкета мониторинга состоит из двух частей. Первая включает вопросы о домохозяйстве респондента, наличии доступа в Интернет и цифровых устройств, практиках взаимопомощи при использовании цифровых гаджетов. Вторая содержит вопросы об индивидуальном использовании цифровых технологий, отношении к ним, а также личностных и отдельных социально-демографических характеристиках. Вопросы сгруппированы по пяти тематическим блокам.

1. Доступ в Интернет в домохозяйстве и наличие цифровых устройств (**вопросы 1–15**): в рамках блока оценивается уровень цифровизации домохозяйств и индивидов. Ряд вопросов посвящен наличию и типу доступа в Интернет в домохозяйствах, а также мотивации сопротивления цифровой трансформации. Часть вопросов раскрывают тему цифровой технологизации домохозяйств: наличие потребности в обновлении и покупке новых цифровых устройств, роль финансовых ограничений.

2. Цифровизация практик: работа, образование, досуг (**вопросы 16–75**): для оценки степени цифровизации повседневных практик данный блок вопросов разделен на три

части. Работе посвящен широкий спектр вопросов – уточнение характера текущей занятости индивидов; составление «цифровых профилей профессий», а также выявление способов заработка в Интернете. Вторая часть посвящена основному и дополнительному образованию. Для каждого типа образования содержатся вопросы, оценивающие степень и характер вовлеченности в каждое из них, соотношение между используемыми цифровыми и традиционными образовательными инструментами. Третья часть затрагивает иные повседневные практики индивидов вне трудовой и образовательной деятельности.

3. **Цифровые навыки (вопросы 76–77):** для оценки уровня цифровой грамотности индивидов в исследовании используется новая методология Евростата, в соответствии с которой выделяются пять групп цифровых компетенций.

4. **Контроль цифровой активности (вопросы 78–82):** в рамках данного блока респондентам задаются вопросы, выявляющие наличие интернет-зависимости и цифровые практики, применяемые респондентами для ее минимизации.

5. **Цифровые риски (вопросы 83–89):** данный блок вопросов направлен на раскрытие темы информационной безопасности. Вопросы касаются того, с какими цифровыми рисками человек сталкивался, и с помощью каких действий и инструментов предпринимались попытки обеспечения безопасности в Интернете. Особое внимание в данном блоке уделяется проблеме фейковых (фальшивых) новостей.

6. **Социальные установки в отношении цифровых технологий (вопросы 90–93):** для оценки восприятия людьми цифровых технологий в инструментарий включены вопросы индекса технологической готовности и вопросы, описывающие восприятие населением эффектов цифровых технологий.

Данные собирались при помощи очного анкетного опроса, проведенного в период с августа по сентябрь 2022 г. в 69 субъектах РФ. Генеральной совокупностью являются все жители РФ в возрасте от 14 лет и старше. Квотный отбор осуществлялся по полу, возрасту, уровню образования, типу населенного пункта. Взвешивающая переменная рассчитывалась на основе пропорций квот для всей базы. Переменные, влияющие на веса: федеральный округ, регион, пол. Тип выборки: стратифицированная, многоступенчатая, адресная: $N = 10021$ (4455 мужчин и 5566 женщин в возрасте от 14 до 93 лет).

Методология вычисления уровня цифровой грамотности. Полученные данные анализировались в соответствии с новым подходом Евростата. Он предполагает расчет уровня цифровой грамотности в два этапа: на первом этапе выявляется уровень владения навыками в рамках каждой компетенции, на втором – формируется общая оценка. Владение навыками в рамках конкретной компетенции определяется на основе трехуровневой системы: «нет навыков» – отсутствие навыков в рамках компетенции; «базовый» – один или два навыка в рамках компетенции; «выше базового» – три или более навыков в рамках компетенции. Обобщенный уровень цифровой грамотности структурируется следующим образом: «**высокий уровень**» – уровень «выше базового» в рамках всех пяти компетенций; «**базовый**» – все пять компетенций находятся на «базовом» уровне или выше, но не все пять на уровне «выше базового»; «**ниже базового**» – «базовый» или «выше базового» уровень в рамках четырех компетенций и «нет навыков» в рамках одной из компетенций; «**низкий**» – «базовый» или «выше базового» уровень в рамках трех компетенций и «нет навыков» в рамках двух компетенций; «**минимальный**» – «базовый» или «выше базового» уровень в рамках двух компетенций и «нет навыков» в рамках трех компетенций; «**нет навыков**» – «нет навыков» в рамках четырех или всех пяти компетенций.

Вопрос, с помощью которого выяснялось, обладает ли респондент каким-либо навыком, был сформулирован следующим образом: «*Что из этого вам приходилось делать за последние 3 месяца?*»

Уровень цифровой грамотности россиян. Согласно расчету по методике Евростата, в России около половины опрошенных респондентов (43%) обладают цифровой грамотностью на «низком» (30%) и «минимальном» уровне (13%). Среди стран Европы по этому показателю Россия находится на последнем месте (рис. 1). «Низкий» и «минимальный»

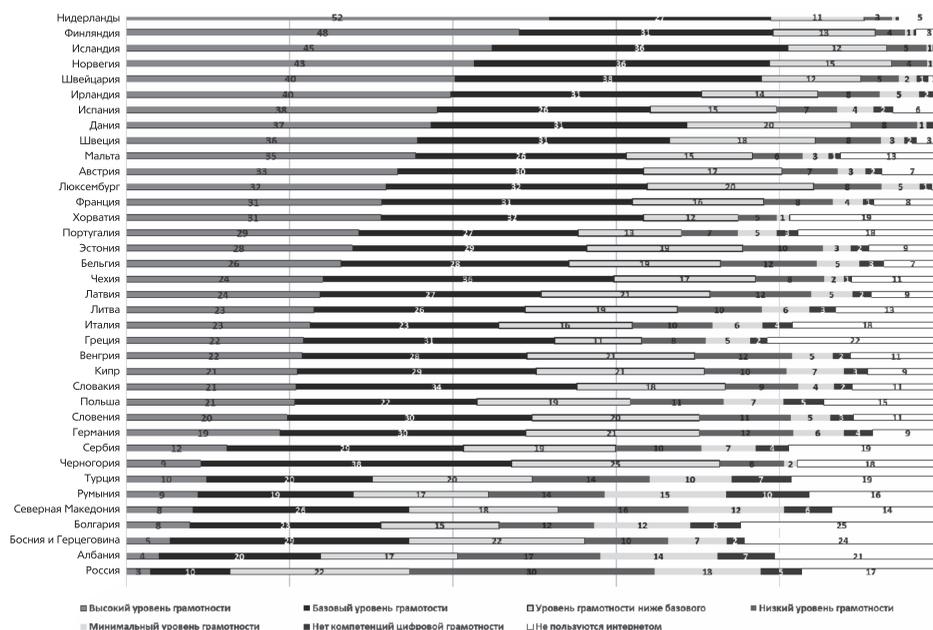

Рис. 1. Уровень цифровой грамотности населения Европы (в %, здесь и далее: в РФ – от всех респондентов; в странах Европы – от респондентов в возрасте 16–74 года)

Источник: здесь и далее: страны Европы – согласно данным Евростата; Россия – данные Мониторинга цифровой трансформации экономики и общества ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2022.

уровни цифровой грамотности подразумевают, что респондент обладает навыками лишь в 2–3 областях компетенций. В России это преимущественно коммуникативная (78,4%), техническая (67,7%) и информационная (74,8%) компетенции. Навыками создания цифрового

Таблица

Уровни цифровой грамотности россиян по возрасту (процент от обладающих определенным уровнем навыков россиян в определенной когорте)

Возраст, лет	Высокий уровень	Базовый уровень	Уровень ниже базового	Низкий уровень	Минимальный уровень	Нет компетенций	Не пользуются Интернетом
14–17	5,4	8,1	6,3	4,3	4,5	3,7	0,2
18–24	33,4	25,2	19,0	13,0	8,1	5,4	1,5
25–29	15,2	15,2	14,7	9,9	5,6	3,7	1,2
30–34	11,6	11,8	12,6	9,4	7,2	5,8	1,9
35–39	12,1	9,8	10,8	11,1	7,2	6,1	1,7
40–44	6,6	8,2	10,3	9,2	9,3	5,8	2,8
45–49	7,2	7,3	8,0	10,0	9,3	7,4	4,3
50–54	4,1	5,9	7,7	9,7	9,4	15,0	8,2
55–59	3,5	5,0	4,9	9,1	12,9	13,6	12,1
60+	0,8	3,4	5,6	14,3	26,4	33,4	66,0

Примечание. Между показателями возраста и уровнем цифровой грамотности имеется значимая заметная корреляционная связь (0,5): чем младше респондент, тем выше его уровень цифровой грамотности.

контента обладают почти треть россиян (30%), и лишь 1/5 опрошенных (20,8%) – навыками обеспечения безопасности.

При этом среди пользователей в России относительно невелика доля тех, кто попал в категорию «нет навыков», – всего 5%. Для сравнения: в Болгарии и Албании таковых 7%, а в Румынии 10%. Интересно, что 61% из этих россиян выходят в Интернет каждый день.

В то же время лишь 13% россиян, согласно методике расчета Евростата, оказались в группе обладателей широкого набора цифровых компетенций – уровень цифровой грамотности «базовый» или выше. В большинстве случаев это молодые люди в возрасте 18–24 лет (табл.), выходящие в сеть несколько раз в день. У них самые высокие среди всех остальных когорты значения компетенций безопасности и создания цифрового контента.

В чем специфика цифровой грамотности россиян? Почему цифровая грамотность россиян находится на низком уровне в соответствии с новой методологией Евростата? Наиболее приемлемым вариантом исследовательского поиска в этой связи видится межстрановая компаративистика, на основании которой и можно будет сделать вывод о наличии или отсутствии специфики цифровой грамотности у пользователей в России. Отмечается, что контексты цифровых навыков имеют разную образовательную, технологическую и политическую истории, которые влияют на освоение и использование технологий [Pangrazio et al., 2020]. Иными словами, в каждой стране существуют свои конъюнктурные особенности, влияющие как на цифровизацию в целом, так и на развитие цифровых компетенций, эти факторы важно учитывать при интерпретации данных. К примеру, в России самая низкая в Европе цена широкополосного подключения к Интернету², но лидерами по цифровизации домохозяйств являются Нидерланды, страны Северной Европы³. Это может объясняться догоняющей стратегией цифровизации в России. Так, к примеру, в Швеции стратегия по включению в цифровую инфраструктуру населения страны предусматривала цифровизацию 95% домохозяйств к 2020 г. [Мельничук, 2019: 266] тогда как в России достижение цифровизации 97% домашних хозяйств планируется только к 2030 г.⁴

Анализ подобных системных факторов может определить специфику цифровой грамотности россиян, подсветить проблемные или, наоборот, выигрышные аспекты, а также оценить адекватность нового подхода Евростата применительно к России.

По доле лиц, обладающих навыками коммуникативной компетенции, РФ не сильно отстает от средних европейских показателей: 78 против 87% в среднем по Европе (рис. 2). Схожая ситуация обнаруживается и в контексте рассмотрения доли лиц, обладающих навыками технической компетенции (68 против 78% в среднем по Европе) (рис. 3), а также лиц с навыками информационной компетенции (75 против 83% соответственно) (рис. 4).

Принципиально иначе ситуация выглядит при анализе компетенций создания цифрового контента и безопасности (рис. 5 и 6). По данным показателям РФ значительно уступает странам Европы. По доле пользователей, обладающих навыками создания цифрового контента, Россия более чем в 2 раза отстает от среднеевропейских показателей – 30 против 66%, а по доле людей, обладающих навыками безопасности, более чем в 3 раза – 21 против 67%.

Если говорить о конкретных навыках создания цифрового контента, только 19% опрошенных работали с текстовым редактором; 16% с электронными таблицами; 10% с программами для редактирования фото/видео; 8% создавали презентации и 2% программировали. Очевидно, что в рамках новой методологии данная область компетенций рассматривается Евростатом как профессиональная, связанная с выполнением рутинных рабочих задач. Однако в России, согласно результатам Мониторинга цифровой трансформации экономики и общества ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, только 56% занятых для выполнения

² ICT Price Baskets (IPB). <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Dashboards/Pages/IPB.aspx> (дата обращения: 30.05.2023).

³ Eurostat. Households – Level of internet access. https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/isoc_ci_in_h/default/table?lang=en (дата обращения: 19.10.2023).

⁴ Федеральный проект «Обеспечение доступа в Интернет за счет развития спутниковой связи». <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1086/> (дата обращения: 19.10.2023).

Рис. 2. Доля жителей Европы, обладающих навыками коммуникативной грамотности, в %

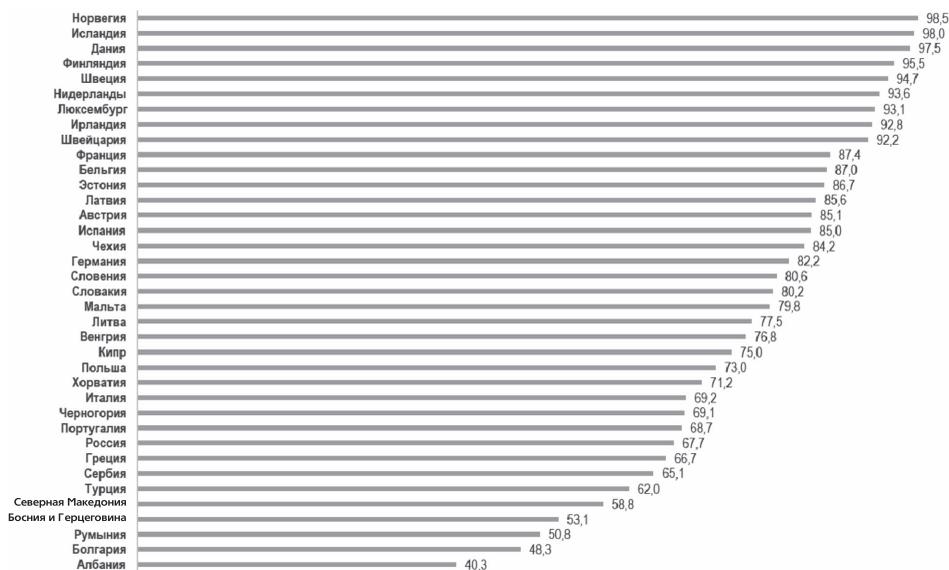

Рис. 3. Доля жителей Европы, обладающих навыками технической грамотности, в %

трудовых задач требуется функционал ПК, причем не все задачи обязательно сопряжены с теми операциональными переменными, которые включены в новую оптику Евростата. К примеру, техническая диагностика автомобиля сейчас производится при использовании компьютеров, но она не связана ни с одним из навыков, которые предлагаются

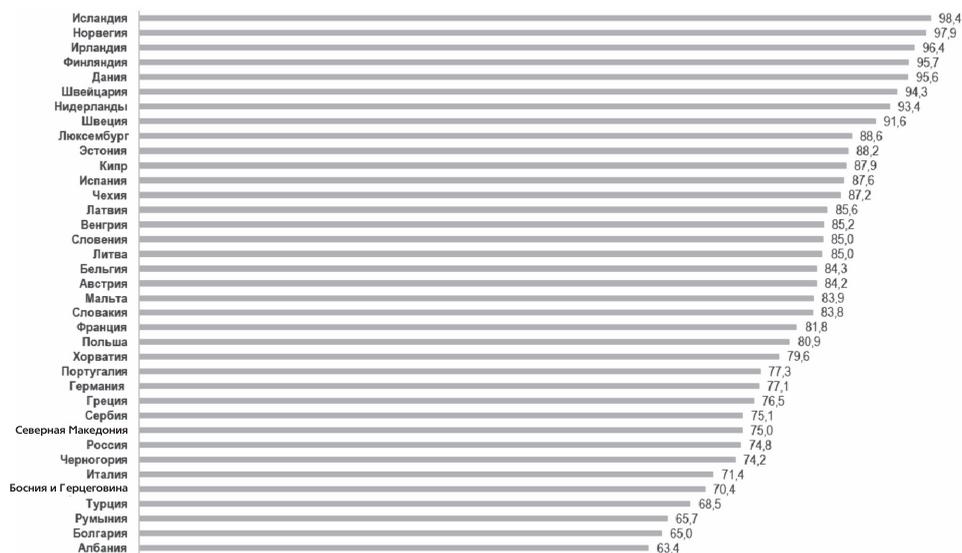

Рис. 4. Доля жителей Европы, обладающих навыками информационной грамотности, в %

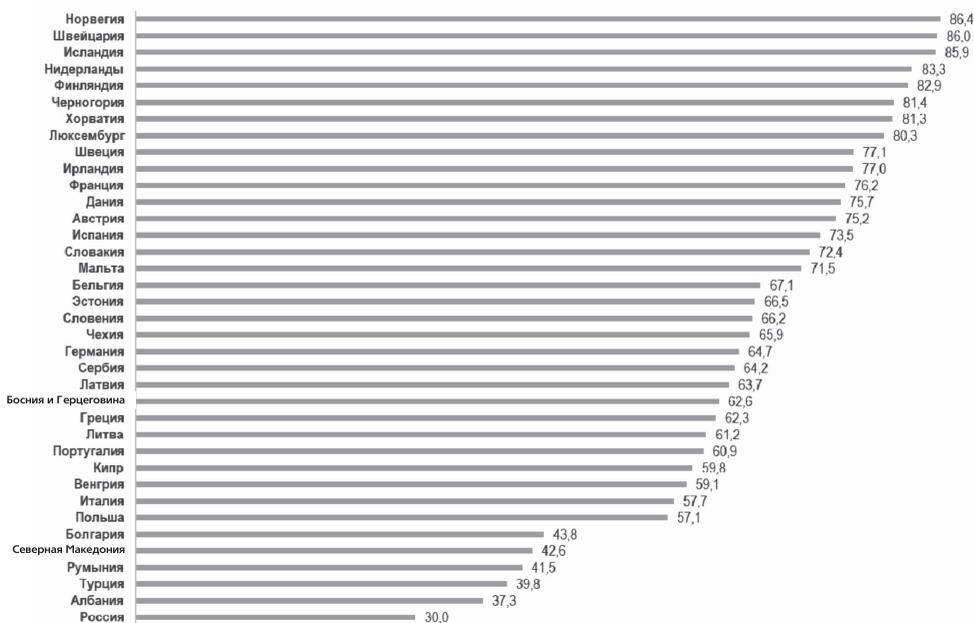

Рис. 5. Доля жителей Европы, обладающих грамотностью в контексте создания цифрового контента, в %

Евростатом. Профессионализация данного типа навыков исключает из анализа, в частности, временно неработающих и неработающих пенсионеров, составляющих 36% выборочной совокупности мониторинга ИСИЭЗ. Указанные методологические лакуны новой методологии делают неизбежным проседание РФ по навыкам создания цифрового контента в сравнении с большинством стран Европы.

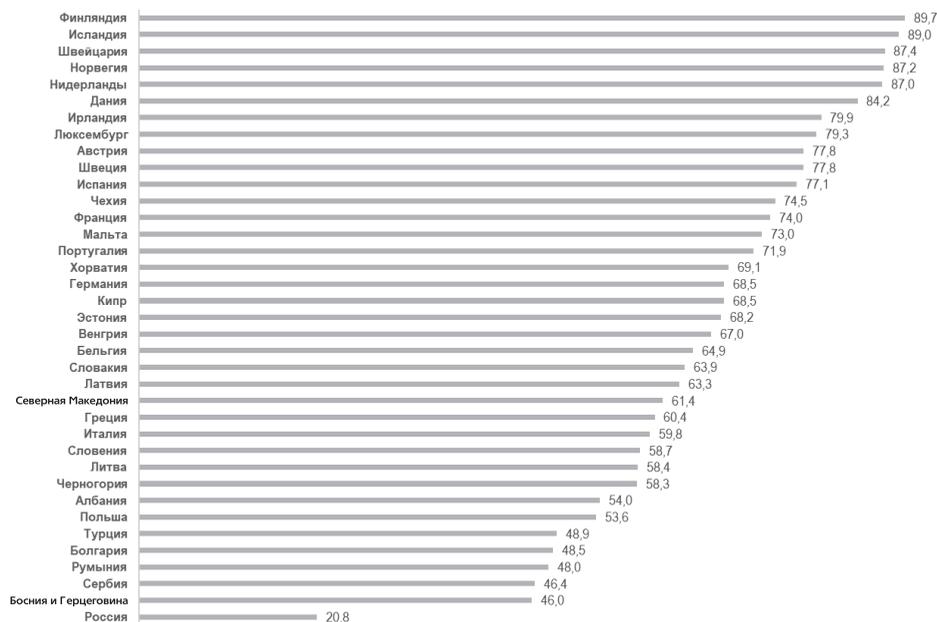

Рис. 6. Доля жителей Европы, обладающих грамотностью в контексте безопасности, в %

Что касается цифровой грамотности в контексте безопасности, анализ соответствующих навыков в рамках новой методологии Евростата показывает, что лишь 3% российских пользователей проверяют достоверность сайта; 4% отключают сохранение файлов cookie; 7% читают соглашение о конфиденциальности; 8% ограничивают доступ к профилю в социальных медиа; 11% отказываются от передачи данных для использования их в рекламных целях; 12% ограничивали сайты или приложения в доступе к местоположению. При этом нельзя сказать, что российские пользователи вообще не задумываются о своей безопасности. Так, 42% россиян используют инструменты защиты информации и устройства. При этом 39% из них применяют более одного инструмента защиты. Самыми популярными являются антивирусы (34%), VPN-сервисы (13%)⁵ и антиспамовые фильтры (9%). В этой связи видится, что проседание уровня цифровой грамотности россиян в плане цифровых компетенций безопасности вновь связывается со спецификой «рынка потенциальных угроз» России и невозможностью их уловить через призму новой оптики Евростата. Так, более половины российских пользователей (56%) не сталкивались с проблемами цифровой безопасности за последние 12 месяцев. Это говорит о том, что российский сегмент Интернета не требует высокого уровня компетенций защиты для минимизации рисков и является относительно безопасным. Остальные 44% пользователей чаще всего получали мошеннические письма по электронной почте, смс или звонки (14%), «ловили» вирусы в Интернете (6%). При этом следует помнить, что большинство банковских приложений, к примеру, обладают встроенным определителем номера, который на основании информации о жалобах клиентов способен распознавать конкретный номер, с которого уже совершались попытки мошеннических действий. Точно так же, как большинство почтовых сервисов по умолчанию оборудовано антиспамовым фильтром, автоматически отсекающим спам-письма, в которых может содержаться мошенническая

⁵ VPN-сервисы исключаются из дальнейшего рассмотрения, так как в российском контексте являются, скорее, инструментами обхода ограничений, а не инструментом защиты данных.

информация. В этой связи видится, что цифровая безопасность россиян при использовании Интернета и цифровых устройств на необходимом уровне обеспечивается автоматически. Более того, большинство современных интернет-браузеров оснащено расширением в виде встроенного антивируса, который помечает потенциально вирусопасные ссылки и файлы. Таким образом, тот уровень цифровой грамотности в контексте цифровой безопасности, который можно наблюдать в России, является адекватным существующим цифровым рискам и «рынку потенциальных угроз».

Место заключения. Говоря о продуктивности использования подхода Евростата в российских реалиях, необходимо отметить следующие контекстуальные моменты. Мониторинг цифровой трансформации экономики и общества, в рамках которого анализировалась цифровая грамотность, носит комплексный характер: в инструментарий включены блоки различной тематики – от занятости до социального самочувствия. В то же время инструментарий Евростата носит узконаправленный характер, включающий в себя несколько тем, напрямую связанных с вопросами цифровизации: доступ к информационным и коммуникационным технологиям (ИКТ); использование Интернета; использование электронных госуслуг; электронная коммерция; интернет вещей; экология ИКТ; социально-демографический блок (всего 50 вопросов)⁶. Большое количество вопросов в мониторинге создавало сложности с удержанием фокуса внимания респондента, зачастую ближе к концу заполнения анкеты интервьюером респонденты теряли интерес и отвечали быстрее, лишь бы скорее закончить. Это могло повлиять на данные в отношении навыков, так как вопросы, замеряющие их, задавались ближе к окончанию интервью.

Следует учитывать общее негативное восприятие опросов общественного мнения в России, что также может влиять на итоговые результаты исследования. Интервьюерами отмечались сложности в процессе опроса людей пожилого возраста. Старшее поколение не понимало, о чем идет речь: «К числу трудно воспринимаемых пожилыми людьми вопросов и вариантов ответов относятся, например, те, которые связаны с проблемами или способами защиты данных. Пожилые люди часто не имеют представления о технической стороне работы с компьютером, мобильным телефоном» (из отчета интервьюера).

Поэтому при анализе данных важно учитывать специфику российской реальности и нечувствительность к ней нового инструментария Евростата. Дальнейшее ее использование должно быть рефлексивным и учитывать локальные контексты исследования, которые должны отражаться также и в концептуальном модуле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Мельничук М.В. Международные тенденции развития цифровой экономики: опыт стран Северной Европы // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 3. С. 265–269 [Melnichuk M.V. International trends in the development of the digital economy: Nordic experience. *Problemy ekonomiki i juridicheskoy praktiki* [Problems of economics and legal practice]. No. 3: 256–269. (In Russ.)]
- Bawden D. (2008) Origins and concepts of digital literacy. *Digital literacies: Concepts, policies and practices*. Vol. 30: 17–32.
- Gilster P. (1997) *Digital Literacy*. New York: Wiley.
- Hatlevik O., Christophersen K.-A. (2013) Digital Competence at the Beginning of Upper Secondary School: Identifying Factors Explaining. *Digital Inclusion. Computers & Education*. Vol. 63: 240–247.
- Jones R., Hafner C. (2012) *Understanding Digital Literacies: A Practical Introduction*. London and New York: Routledge.
- Martin A., Grudziecki J. (2007) DigEuLit: Concepts and Tools for Digital Literacy Development. *Innovation in Teaching and Learning in Information and Computer Sciences*. Vol. 5. No. 4: 1–19.

⁶ Model questionnaire ICT Households (2022). <https://circabc.europa.eu/ui/group/89577311-0f9b-4fc0-b8c2-2aaa7d3ccb91/library/7da944c4-46e0-4d7d-9866-bc9e030c9a32/details> (дата обращения: 22.06.2023).

- Pangrazio L., Godhe A., Ledesma A. (2020) What is digital literacy? A comparative review of publications across three language contexts. *E-Learning and Digital Media*: 1–18.
- Rantala L., Suoranta J. (2008) Digital literacy policies in the EU: Inclusive partnership as the final stage of governmentality. *Digital literacies. Concepts, policies and practices*: 91–117.
- Waruwu B., Tandoc E., Duffy A., Kim N., Ling R. (2020) Telling lies together? Sharing news as a form of social authentication. *New Media & Society*. No. 23: 1–18.
- Yildiz E. (2020) Opinions of academicians on digital literacy: A phenomenology study. *Cypriot Journal of Educational Sciences*. Vol. 15. No. 3: 469–478.
- Zittrain J. *The future of the internet – and how to stop it*. Yale University Press, 2008.

Статья поступила: 11.04.23. Финальная версия: 19.10.23. Принята к публикации: 20.10.23.

FEATURES OF DIGITAL LITERACY MEASUREMENT IN RUSSIA

POPOV E.V.

HSE University, Russia

Evgeniy V. POPOV, Junior Researcher, Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge National Research University "Higher School of Economics", Russia (epopov@hse.ru).

Acknowledgements. The paper was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325).

Abstract. The first part of the article revises existing approaches to theoretical understanding of digital literacy in order to provide a conceptual basis for the new Eurostat methodology for assessing digital literacy level. Four types of theoretical approaches are distinguished in the text: technical, cognitive, social and synthetic. On their basis, an extended understanding of digital literacy is constructed as a set of applied competences to handle computer/smartphone software (including specific skills) substantiated by previous experience which allow an individual, group or community to solve emerging problems based on critical search, analysis as well as subsequent synthesis of network placed data. The second part of the article is devoted to approbation of the new Eurostat methodology for evaluating digital literacy on a Russian sample. The conclusion is made that the updated Eurostat approach does not quite adequately describe the level of Russians' digital literacy due to the specific realities in Russia: a special structure of the labor market and distinctive "market" of digital threats.

Keywords: digital literacy, digital skills, digital gap, monitoring, Eurostat.

Received: 11.04.23. Final version: 19.10.23. Accepted: 20.10.23.

ПОЗДРАВЛЯЕМ НАТАЛЬЮ ЕВГЕНЬЕВНУ ТИХОНОВУ!

17 ноября 2023 г. отмечает юбилей один из ведущих российских социологов, специалист по проблемам социальной структуры современных обществ профессор-исследователь НИУ «Высшая школа экономики» (ВШЭ) и главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, д.социол.н. Наталья Евгеньевна Тихонова.

Наталья Евгеньевна – коренная москвичка из семьи потомственных интеллигентов – принадлежит к тому поколению позднесоветских социологов, которое успело сформироваться в 1960–1970-е гг., когда социология еще не имела официального признания и в профессию часто приходили из философии. В 1975 г. Н.Е. Тихонова окончила философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. После окончания начала работать в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, участвовала в ряде крупных социологических проектов под руководством А.Г. Здравомыслова. Вместе с группой коллег (включая А.Ю. Чепуренко, М.К. Горшкова, В.В. Петухова и др.) Тихонова активно участвовала в «спасении» Института марксизма-ленинизма, в 1991 г. находившегося под угрозой расформирования. Благодаря усилиям активистов-ученых этот институт, не раз меняя названия, функционировал в 1990-х гг. как один из основных центров организации социологических исследований. Кандидатскую диссертацию она защитила в МГУ по философии (1981), докторскую – уже по социологии – в 2000 г. в Институте социологии РАН. Поскольку в 2005 г. Институт комплексных социальных исследований РАН (бывший Институт марксизма-ленинизма) вошел в состав Института социологии РАН, Наталья Евгеньевна фактически всю жизнь работала в одной и той же научной организации.

Наиболее важный вклад в социологическую науку Н.Е. Тихонова сделала в последнее двадцатилетие, совмещая научную работу в институте с преподаванием с 2004 г. в НИУ ВШЭ. Еще в 1990-х гг. она начала специализироваться на анализе социальной структуры переходного российского общества, активно участвуя в организации и анализе материалов сначала эпизодических, а потом все более регулярных общероссийских социологических опросов. Во многом именно благодаря ее научно-методическому руководству (наряду с беспорными заслугами М.К. Горшкова, директора Института социологии РАН, заместителем которого была Тихонова) можно говорить о сформировавшемся в 2010-х гг. ежегодном мониторинге института как об одном из основных (наряду с опросами ВЦИОМ, ФОМ и Левада-центра*) источников корректной и подробной информации о долгосрочных трендах общественного сознания россиян.

Параллельное преподавание Тихоновой в НИУ ВШЭ было нацелено в первую очередь на «точечную» работу с перспективными студентами, чтобы воспитать их как профессионалов, которые бы подхватили эстафету научной работы. В результате на рубеже 2000–2010-х вокруг Н.Е. Тихоновой постепенно объединились примерно десятком ее учеников и близких коллег. Это – неформальный и потому во многом текущий коллектив, члены которого регулярно совместно реализуют грантовые проекты, в соавторстве друг

---

*Включен в реестр иноагентов РФ.

с другом и индивидуально публикуют научные работы, которые дополняют друг друга. Венцом работы Н.Е. Тихоновой стали коллективные монографии – от изданной почти полтора десятилетия назад в соавторстве с С.В. Мареевой книги «Средний класс: теория и реальность» (2009) до недавних монографий «Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения» (2018), «Общество неравных возможностей: социальная структура современной России» (2022) и «Человеческий капитал российских профессионалов» (2023). Всего ей подготовлено около 400 научных работ.

Главным ее выводом можно считать, что советское общество средних слоев, пройдя через «провал» 1990-х, в качественно преобразованном виде возродилось в 2000-х, так что между современной Россией и западными «обществами среднего класса» различия скорее количественные, чем качественные. Этот вывод сделан на основе методологической инновации – комплексного использования в качестве критерия стратификации наличия/отсутствия у людей типичных жизненных шансов и рисков. Такой подход, развивающий идеи М. Вебера и имеющий значение отнюдь не только для России, в современном обществе работает лучше традиционной структурализации «по доходам», поскольку помогает улавливать факторы, которые формируются и реализуются в очень долгосрочном периоде. Тем самым ортодоксально-марксистская идея о первостепенной важности отношения к средствам производства творчески «преодолевается», становясь частью более сложного и более близкого к современным реалиям теоретического концепта. Кроме того, в подходах Н.Е. Тихоновой формационный подход (трактовка современной России как в целом позднеиндустриального общества) органично сочетается с цивилизационным – с подчеркиванием цивилизационной специфики России, существенно определяющей и нормативно-ценностную систему населения, и функционирование основанных на ней институтов, и специфику протекания особенностей процесса модернизации в нашей стране. В результате российская модель социальной структуры осмысливается как одновременно и схожая с западной, и отличная от нее.

Научные, педагогические и организационные заслуги Н.Е. Тихоновой отмечены (упомянем, например, серебряную медаль имени Питирима Сорокина, полученную в 2008 г. от РАН), но главная награда за ее труды – большое уважение коллег, многие из которых понимают, что им выпала честь общаться с «живым классиком».

Наталья Евгеньевна является членом редколлегии нашего журнала не первый год. Редсовет, редколлегия, редакция СоцИса ценят ее помощь в рецензировании рукописей и обсуждении важных тем. Пожелаем юбиляру долгих лет жизни и новых творческих успехов в непрекращающейся научной работе!

© 2023 г.

ШКОЛА Н.Е. ТИХОНОВОЙ (из опыта включенного наблюдения)

Юбилей Натальи Евгеньевны Тихоновой – особенный праздник для ее учеников (а теперь – и коллег), для каждого из которых Наталья Евгеньевна сыграла огромную роль в профессиональной карьере, и не только в ней.

Тем молодым социологам, с которыми Наталья Евгеньевна активно работает с 2000-х гг., повезло получить возможность настоящей (по «гамбургскому счету») коллективной работы над большими и сложными темами. Это особенно ценно в условиях, к сожалению, все большей атомизации общественной науки, ее ориентации на конкретные мелкие задачи. Возможность работать в крупных многолетних проектах, предполагающих комплексные, фундаментальные задачи, сложную концептуализацию,

проверки разных подходов, большое количество привлеченных массивов эмпирических данных и методов, сегодня является для молодого (и не только) ученого настоящей привилегией. Еще большая привилегия – быть при этом частью единого научного коллектива, в котором участники работают в общем предметном поле, но при этом каждый имеет свою специализацию, что в итоге позволяет сложить комплексную «мозаику» из отдельных результатов в рамках единой теоретико-методологической рамки.

Наталья Евгеньевна остается научным руководителем такого неформального коллектива почти 20 лет, с тех пор как возглавила кафедру социально-экономических систем и социальной политики в НИУ ВШЭ. Условным истоком можно считать 2005 г., когда шестеро студентов объединились для работы над своим первым научным проектом под ее руководством. Трое из тех шести студентов остаются в этой «команде» до сих пор (Светлана Мареева, Василий Аникин и Юлия Лежнина). Постепенно к ней присоединились и другие студенты и аспиранты Натальи Евгеньевны – так, с 2010-х постоянными членами этой «команды» стали Екатерина Слободенюк и Анастасия Каравай. Сегодня к нему присоединяются и новые молодые исследователи, а бывшая «молодежь» уже берет новых аспирантов под своё научное руководство. Тем самым заложенное Н.Е. Тихоновой направление изучения трансформаций российского общества через призму социальной структуры и традиции этого анализа начинают развиваться и в следующем поколении исследователей.

Безусловно, ключевую роль в этом процессе сыграла личность Натальи Евгеньевны. К ней притягивались молодые ученики, становившиеся со временем научными единомышленниками, которые, заинтересовавшись ее исследованиями (возможно, на первых порах не столько даже их тематикой, сколько их подачей, глубиной, авторским подходом, реальностью обсуждаемых сюжетов) на лекционных и семинарских занятиях в университете, обращались к ней с просьбой о научном руководстве. Уже на уровне студенческих дипломов и практики начиналась настоящая научная работа, требующая отдачи и усилий как со стороны студента, так и – в еще большей мере – со стороны Натальи Евгеньевны.

Интенсивность, глубина и ценность работы с ней сильно отличались от привычного для студентов университетского опыта. С самого начала типичным форматом стали общие встречи всего коллектива с обсуждениями тематики работ, логики научного подхода и жанра, разбором ошибок, единого теоретического контекста задач каждого молодого исследователя. Наталья Евгеньевна не просто направляла учеников в сторону решения того или иного вопроса, а формировала определенный образ мышления, передавала навыки поиска подходов к решению любых задач, в том числе их корректной постановки. Далеко не все усваивалось с первого раза, но именно первый опыт настоящей научной работы вернул часть ее учеников обратно в науку – после периода «экспериментов» с другими форматами деятельности в коммерческих структурах, через который прошли все.

Работа Натальи Евгеньевны с учениками была ярким исключением из общей практики. Вместо того чтобы брать для дипломных работ конкретные небольшие задачи, ее ученики сразу занимались отдельными, но достаточно серьезными «большими» темами. Объектом изучения всегда выступало российское общество в целом, что позволяло не просто детально исследовать определенную проблему, но видеть ее в более широком контексте, поскольку полученные выводы относились к особенностям всего общества. Это было крайне важно для молодых исследователей: с самого начала понимать, какова значимость полученных ими результатов, как они вписываются в более широкий научный контекст; заниматься самостоятельной темой, а не быть «на подхвате» у руководителя.

Тематика выпускных работ студентов Тихоновой была связана с социальной структурой постсоветского российского общества – со средним классом, бедностью, эксклюзивом, разными типами ресурсов. Часть из них затем трансформировалась в совместные

статьи и монографии. Тихонова много обсуждала с учениками подходы их исследований, но в рамках направления работы каждого оставалась и высокая доля свободы. Так сформировался общий подход – с единым пониманием поля исследований, логикой анализа и, что не менее важно, разделяемыми ценностями научной работы.

Наталье Евгеньевне еще на уровне дипломных работ удалось показать ученикам широкие возможности, которые дает научная деятельность: свобода выбора сюжетов и подходов, минимальное отчуждение труда, возможность внести вклад в развитие больших и значимых тем, самостоятельно планировать рабочий процесс, совместная работа и синергия в коллективе единомышленников, планирование не только на ближайшее время, но и на среднесрочный и долгосрочный периоды, а главное – возможность удовлетворять собственный исследовательский интерес.

Чтобы научиться эффективной совместной работе, потребовались годы – и руководство Натальи Евгеньевны, которая стимулировала учеников пробовать разные виды кооперации в разных составах. В результате сегодня ученики Тихоновой продолжают работать вместе: публикуют совместные статьи, реализуют грантовые проекты в группах разного состава (не всегда под формальным руководством Тихоновой, но всегда под ее неформальной эгидой научного руководителя), работают над совместными инициативными проектами разных форматов, совместно разрабатывают и ведут курсы для студентов. Такое гибкое, но при этом устойчивое микросообщество «тихоновцев» даже вызывает некоторое удивление у коллег. Ведь существующие в современной России институциональные рамки научной деятельности поощряют, к сожалению, иной тип работы – с акцентом на сугубо индивидуальные достижения («личный вклад») и краткосрочным горизонтом планирования, отражающимся в конкретных, небольших задачах.

Общее доверие в коллективе, распределение нагрузки не только в моменте, но и во времени в зависимости от жизненных обстоятельств каждого, возможность неформального распределения ролей параллельно или вопреки формальному – все эти особенности работы сформировались благодаря отбору и самоотбору участников в общий коллектив. В него приходили и оставались только те, с кем, по словам Натальи Евгеньевны, у неё «совпадали представления о порядочности». Отношения, которые сложились в исходно рабочем коллективе, очень быстро вышли далеко за пределы формальных, перейдя в разряд не просто личных, а почти родственных.

Ключевую роль в формировании научного коллектива сыграла совместная работа в огромном количестве научных проектов в течение почти 20 лет. Это были и плановые виды работ (в Институте комплексных социальных исследований, затем Институте социологии ФНИСЦ РАН, а также в Институте социальной политики НИУ ВШЭ), гранты РФФИ и РНФ, специальные проекты, проекты с международным участием. Неизменным оставался принцип – отдельные зоны ответственности каждого, но с обязательным постоянным обсуждением общей теоретико-методологической рамки, подходов и логики. Это позволяло даже в проектах с заданной тематикой работать не атомизировано, а единым коллективом. Большое количество таких проектов (в течение каждого года их шло, как правило, несколько одновременно) «сцементировали» школу, поскольку общий фундамент неоднократно перепроверялся и укреплялся через призму разных задач и сюжетов.

В этой связи надо отметить, что существующая институциональная система поддержки российской науки играет двойственную роль. В целом она ориентирована на поддержку скорее талантливых одиночек, способных в зависимости от конъюнктуры менять темы и работать в разных группах. Но если у научного коллектива есть долгосрочная «рамочная» тема, то появляется возможность создавать сеть параллельных и последовательных грантов, работа над которыми институционализирует неформальную научную школу. Наиболее яркими примерами результатов таких долгосрочных командных проектов со сложной, комплексной тематикой выступают коллективные монографии, посвященные социальной структуре современного российского общества

в разных срезях, вышедшие у коллектива «тихоновцев» в последние годы и получившие широкий отклик в научном сообществе (Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения) / Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.; СПб., 2018; Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Под ред. Н.Е. Тихоновой. М., 2022).

В разговорах с Натальей Евгеньевной ученики иногда возвращаются к вопросу о том, почему на определенном этапе своей жизни она сознательно выбрала такой вектор «воспитания» научной молодёжи, несмотря на огромные усилия, который он требовал (да и требует сегодня). За этим выбором стоит четкая мотивация – сохранение профессионализма в российской науке. Такая мотивация руководителя во многом задавала специфику работы коллектива.

Общая методология научного анализа является ключевой для коллектива, работающего с Тихоновой. Он объединился вокруг работы не просто с единым объектом и предметом анализа, но в единой логике научных исследований. Можно выделить несколько ключевых аспектов методологии, общей для «тихоновцев». Во-первых, это – системный подход, при котором общество рассматривается как единый организм. Во-вторых, это – диалектический подход, изучение перехода количественных различий в качественные, оценки качественной специфики любого явления, выявление внутренних и внешних источников его развития. Такой подход определяет и особенности динамического анализа применительно к ключевому предмету – обществу в целом. Вопрос ставится не просто о количественных изменениях во времени, но о сущностных трансформациях российского общества. В-третьих, рациональное использование разных методологий, в частности (пост)марксистской. При этом методология конкретного исследования всегда зависит от его предмета, а не является исходно заданной: это – набор инструментов, которые можно перебирать, выбирая нужный для конкретной задачи. Именно поэтому в «копилке» коллектива уже есть целый ряд продемонстрировавших высокий эвристический потенциал методологий построения социальной структуры российского общества в целом и выделения отдельных групп (среднего класса, бедных и др.), а также различные инструменты оценки уровня жизни, ресурсообеспеченности и пр. Именно комплексные исследования социальной структуры в разных ее срезях стали для коллектива главным общим направлением исследований. Впрочем, в рамках «команды» продолжается работа и над целым рядом смежных направлений: от взаимоотношения индивида и государства в представлениях россиян до социально-профессиональной структуры.

От имени всех учеников Тихоновой автор желает юбиляру долгой жизни, новых выдающихся научных достижений и гордости за результаты работы школы!

С.В. МАРЕЕВА

МАРЕЕВА Светлана Владимировна – кандидат социологических наук, заведующая Центром стратификационных исследований, НИУ «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (smareeva@hse.ru).

N.E. TIKHONOVA'S SCHOOL (from the experience of included observation)

DOI: 10.31857/S013216250028865-4

Svetlana V. MAREEVA, Cand. Sci. (Sociol.), Head of Centre for Stratification Studies, HSE University, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (smareeva@hse.ru).

Н.Е. ТИХОНОВА

СБЕРЕГАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ РОССИЯН: ДИНАМИКА И ФАКТОРЫ

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; профессор-исследователь НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия (netichon@rambler.ru).

Аннотация. На данных ряда общероссийских исследований Института социологии ФНИСЦ РАН в статье охарактеризованы факторы сберегательного поведения россиян и динамика его изменения в 2003–2023 гг. Протестированы применительно к российским условиям некоторые классические концепции, объясняющие сберегательное поведение населения. Продемонстрировано, что в российском обществе их выводы оправдываются лишь частично. Показано, что на сменяющие друг друга внешние шоки разной природы последних лет представители массовых слоев населения реагировали в зависимости от характера этих шоков, а не только от их тяжести или ожидаемой длительности: на кризисы чисто экономической природы, в соответствии с классическими постулатами, россияне отвечали стремлением поддержать привычный уровень потребления за счет расходования сбережений, в случае же добавления к ним также геополитических рисков и увеличения в силу этого неопределенности будущего распространность сбережений и их размер резко росли даже при стагнации доходов. Готовность к формированию сбережений как таковых и наличие относительно крупных сбережений зависят в российских условиях от разных факторов микроуровня. Если для мелких сбережений не выявлено факторов микроуровня, оказывающих существенное влияние на их наличие, то в формировании сбережений, позволяющих прожить на них не менее двух месяцев, ключевую роль играют субъективные факторы, в частности готовность к долгосрочному планированию своей жизни, а также ощущение своей экономической и социальной успешности. При этом экономические факторы хотя и важны, но играют заметно меньшую роль, сказываясь в основном на размере сбережений.

Ключевые слова: сберегательное поведение населения • сберегательная активность • сберегательные стратегии • финансовое поведение • финансовые стратегии • доходы населения • материальное положение россиян

DOI: 10.31857/S013216250028533-9

Проблема особенностей сберегательного поведения населения и причин доминирования в нем тех или иных установок в отношении своих финансовых ресурсов уже более ста лет находится в фокусе внимания исследователей разных стран мира. В начале XX в. в условиях резкого роста благосостояния населения сберегательное поведение стало наиболее ярким индикатором экономического и социального благополучия граждан, представляя интерес как для акторов финансового рынка, так и для государства.

С тех пор было установлено, что сберегательное поведение представителей массовых слоев прямо зависит от изменяющихся внешних условий, которые, если говорить о российском обществе, неоднократно менялись в последние 15 лет под воздействием внешних шоков самой разной природы. Это и разразившийся в 2008 г. мировой экономический кризис, и вызванный обострением отношений с Западом после воссоединения Крыма с Россией экономический кризис 2014–2016 гг., и пандемия коронавируса 2020–2021 гг. с тяжелыми по своим экономическим и социальным последствиям локдаунами, и специальная военная операция (СВО) на Украине с сопутствующей ей санкционной

войной со стороны коллективного Запада. В этих условиях проблема динамики и факторов сберегательного поведения массовых слоев населения резко актуализировалась, особенно если учесть, что вопросы наличия в стране внутренних источников для инвестиций, а у ее граждан – определенного «запаса прочности», сейчас заметно обострились. Целью нашего исследования в этих условиях выступала не просто проверка того, как в условиях России сейчас «работают» различные концепции, объясняющие сберегательное поведение населения, но и оценка того, как на это поведение повлияли внешние шоки последних лет, в частности СВО на Украине.

Теоретико-методологические основания и эмпирическая база исследования.

Традиция изучения сберегательного поведения сформировалась в своей классической (концепции Дж. Кейнса, Дж. Дьюзенберри, Ф. Модильяни, М. Фридмана) версии к началу 1970-х гг. От характерного для нее набора факторов сберегательного поведения мы и отталкивались в нашем исследовании. Значимости концепций этого периода способствовало также соответствие позднеиндустриальному периоду развития, который переживает в настоящее время и Россия. Учтены и более поздние концепции сберегательного поведения населения. Так, один из основоположников экономической психологии Дж. Катона [Katona, 1975] обратил внимание на то, что настроения и планы людей играют важную роль в формировании их сберегательного поведения, и предложил разделять сбережения на те, которые люди сами считают сбережениями и формируют их именно в качестве таковых, и на средства, оставшиеся после трат на текущее потребление, которые не воспринимаются ими в качестве таковых. Эти виды сбережений отличаются по мотивации их формирования и готовности к их использованию. При ситуационном снижении доходов индивиды и домохозяйства будут стремиться сохранить привычный уровень жизни, в том числе за счет кредитов, но ожидание длительного спада доходов вызовет сокращение потребления при одновременном росте сбережений на «черный день».

Важнейшим открытием последних десятилетий стало обнаружение существенного влияния фактора неопределенности будущих доходов на финансовое поведение домохозяйств: даже при незначительной неопределенности оно начинает заметно изменяться. Семьи в период низких доходов в этом случае предпочитают экономить на текущем потреблении, оставляя по возможности нетронутыми накопления. Таким образом, в условиях неопределенности будущих доходов тезис о сглаживании потребления не работает.

Выделенные классиками закономерности прослеживаются не везде, отчасти это связано с тем, что ряд влияющих на сберегательное поведение факторов по-разному проявляется в бедных и богатых обществах, в странах с сильной и слабой перераспределительной политикой и т.п. Обращалось внимание, что характер расходования денежных средств зависит от источников их получения и личности их получателя [Zelizer, 1997], что формирование сбережений в разных возрастных когортах подчиняется разным закономерностям [Deaton, Paxson, 1994].

Интерес к проблематике сберегательного поведения населения велик и среди российских специалистов. И хотя ими не предлагались альтернативные существовавшим концепции, рядом российских авторов (Е.М. Аврамова, И.В. Задорин, Д.Х. Ибрагимова, П.М. Козырева, О.Е. Кузина, В.В. Радаев, Я.М. Рощина, Д.О. Стребков, А.В. Ярашева и другие) было многое сделано для понимания специфики финансового поведения россиян. Так, уже Д.О. Стребковым были проанализированы факторы сберегательного и кредитного поведения россиян, а также выделены основные типы этого поведения по состоянию на конец 1990-х – начало 2000-х гг. [Стребков, 2001; 2004]. Позже, в 2010-е гг., внимание российских авторов было сконцентрировано на специфике финансового поведения отдельных социальных групп (см., напр.: [Каравай, 2015]); формировании финансовой грамотности населения [Кузина, 2015]; последствия кризиса 2008–2009 гг. для финансового поведения россиян [Козырева, 2012]. В 2020-х гг. начали предприниматься попытки оценить изменения финансового поведения россиян под влиянием событий последних лет [Кузина, 2021; Литвинова, 2020; Макар и др., 2022; Финансовая грамотность..., 2021].

Однако пока что эта работа только начинается, а последствия для финансового поведения россиян событий 2022–2023 гг. еще не стали предметом социологического анализа.

Нельзя не упомянуть, что проблематикой финансового поведения россиян активно занимаются также многие исследовательские центры, например НАФИ, ЦИРКОН и другие. Однако в фокусе их внимания, как и у посвященной сберегательной активности населения аналитической деятельности ЦБ РФ, в основном находятся вопросы, представляющие интерес для бизнеса, а не для понимания специфики социального поведения граждан.

Эмпирической базой проведенного анализа послужили исследования Института социологии ФНИСЦ РАН. Основным из них являлась 14 волна Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН (далее – Мониторинг), проведенная в июне 2023 г. на общероссийской выборке методом анкетирования ($N = 2000$). Выборка репрезентирует население страны по федеральным округам, а внутри них – по типам поселений по месту жительства респондентов, их полу и возрасту. Для динамического анализа использовались также данные других волн Мониторинга за период 2014–2022 гг. (в 2014–2019 гг. $N = 4000$, в 2020–2022 гг. $N = 2000$) и тематических исследований ИС ФНИСЦ РАН за разные годы, но с едиными принципами построения выборки: «Богатые и бедные в современной России» (март 2003 г., общероссийская выборка ($N = 2106$), репрезентировавшая население страны по территориально-экономическим районам согласно районированию Росстата, а внутри них – по типам поселений по месту жительства, полу и возрасту); «Малообеспеченные в современной России» (март 2008 г., $N = 1750$); «Готова ли Россия к модернизации?» (март 2010 г., $N = 1750$) и «Средний класс в современной России: 10 лет спустя» (февраль 2014 г., $N = 1600$).

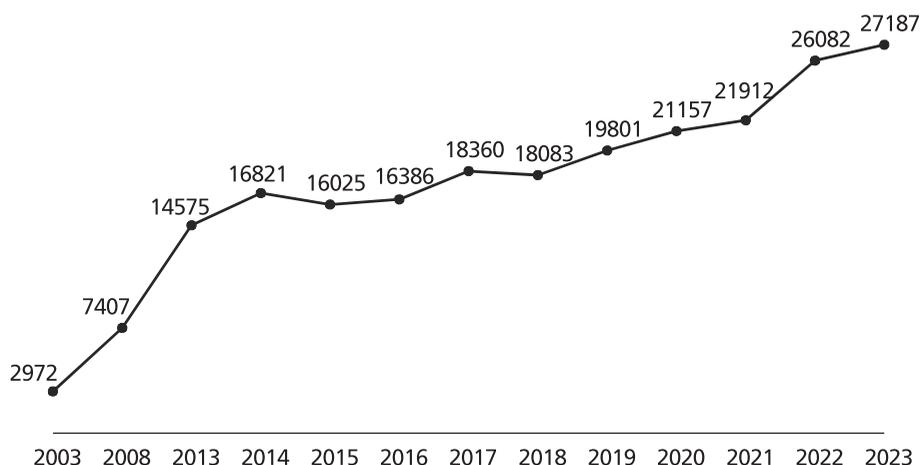
Использованы сравнительный, динамический, корреляционный (с использованием коэффициентов Спирмена и Пирсона) методы анализа, а также построение многомерных индексов и использование программы Chaid¹. Все данные, которые приводятся в статье, проверялись на наличие статистической значимости связей с использованием показателей хи-квадрата.

Динамика доходов и субъективного материального благополучия россиян в 2003–2023 гг. Одним из ключевых факторов сберегательного поведения населения является объективная динамика доходов и ее субъективное восприятие. Поэтому в качестве отправной точки нашего анализа отметим, что, согласно данным ИС ФНИСЦ РАН, медианные среднедушевые доходы в домохозяйствах представителей массовых слоев населения по стране в целом составляли в июне 2023 г. 24 тыс. руб. в месяц, т.е. были более чем в 1,5 раза выше, чем величина прожиточного минимума, официально установленного на 2023 г. (14375 руб., в т.ч. 15669 руб. для трудоспособного населения, составлявшего около трех четвертей выборки 14 волны Мониторинга, и 12363 руб. для пенсионеров)². Это означает что, хотя доходы массовых слоев населения страны традиционно являлись в тот момент достаточно скромными, но теоретическая возможность формирования сбережений была у большинства россиян. Среднедушевые доходы были несколько выше медианных и составляли 27187 руб.

Отметим, что показатели медианных и среднедушевых доходов в наших опросах традиционно заметно ниже, чем их оценивает Росстат, – согласно официальным статистическим данным, среднедушевые доходы населения составляли по состоянию на 1 квартал

¹Программа Chaid (Chi-square automatic interaction detection) обычно применяется для поиска взаимосвязи между большим числом переменных или построения деревьев классификации, позволяющих находить сочетания признаков, в наибольшей степени влияющих на целевую переменную. В нашем исследовании использовалась первая функция данной программы и проверялась связь различных переменных, характеризующих сберегательное поведение, с более чем 500 переменными использованного массива данных 2023 г., включающими характеристики материального положения индивидов, их субъективного восприятия этого положения, занятости, состава домохозяйств, мировоззренческих особенностей, адаптационных стратегий и т.д.

²Федеральный закон от 05.12.2022 г. № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 гг.». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48642> (дата обращения: 05.08.2023).

Рис. 1. Динамика среднедушевых доходов представителей массовых слоев населения в 2003–2023 гг., руб.

Источник: здесь и далее исследования ИС ФНИСЦ РАН, обозначенные ранее.

2023 г. 39652 руб.³, а медианные – 34806 руб.⁴ С одной стороны, такие расхождения связаны с методикой оценки доходов россиян в социологических опросах, предполагающей их прямую самооценку населением, в то время как в расчетах Росстата используется другая методика. С другой – причиной является характерное для нашей страны высокое доходное неравенство, при котором доходы не попадающих в выборки массовых опросов верхних 5%, а особенно верхнего 1%, в сотни раз выше медианных доходов.

Если посмотреть на динамику среднедушевых доходов, то с 2013 г. и до лета 2023 г. номинальные среднедушевые доходы россиян выросли, по данным опросов ИС ФНИСЦ РАН, почти вдвое (рис. 1). При этом за последние 20 лет они выросли почти в девять раз, хотя основной их рост пришелся на период до 2014 г.

Однако если перейти к динамике реальных доходов, т.е. учесть их покупательную способность, изменяющуюся под влиянием инфляции, то представленная выше картина существенно скорректируется. Так, изменение покупательской способности рубля за период с февраля 2014 г. по май 2023 г. включительно составило 89,77% (с марта 2003 г. – 500,95%)⁵. Таким образом, реальные доходы населения летом 2023 г. были либо на том же уровне, что и в 2014 г., либо несколько сократились – в зависимости от того, в частности, к какому доходному децилю принадлежал конкретный человек, поскольку разные децили характеризовались разной динамикой доходов в последние годы. Если в разделяющем относительно благополучную и депривированную части населения 3 дециле, например, рост номинальных доходов составил с 2014 г. всего 78%, то в получающем активную поддержку государства нижнем дециле – 100%. Если же сравнивать ситуацию с 2003 г., то реальные среднедушевые доходы представителей массовых слоев населения выросли за это время примерно вдвое, но в основном этот рост, как и у номинальных

³ Среднедушевые денежные доходы населения по Российской Федерации (новая методология). Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 05.08.2023).

⁴ Медиана среднедушевого денежного дохода (медианный среднедушевой доход) по субъектам Российской Федерации. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 05.08.2023).

⁵ Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации в 1991–2023 гг. Обновлено 08.09.2023. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 30.09.2023).

Рис. 2. Динамика самооценок изменения собственного материального положения, в 2014–2023 гг., в %

Примечание. Ответившие, что в их материальном положении за год ничего не изменилось или что оно в ближайший год не изменится, на рисунке не представлены.

доходов, пришлось на период до 2014 г. Тем не менее эти данные говорят о том, что возможности для формирования сбережений при наличии соответствующих установок у большинства населения страны весь этот период в любом случае были.

Однако поскольку для финансового поведения населения важно соотношение себя с референтными группами и стремление «жить не хуже других», то, оценивая ситуацию с доходами населения, нужно также учитывать, что для разных типов поселений характерны различный образ жизни и разная структура расходов. Соответственно, при анализе доходной стратификации целесообразнее ориентироваться на медиану доходов в определенных типах поселений, а не страновую медиану, и выделять при этом не менее четырех групп⁶: (1) имеющих не более 0,75 медианного уровня среднедушевых доходов в своем типе поселений (по состоянию на июнь 2023 г. численность этой группы, не способной вести обычный для их территориальных сообществ образ жизни, составляла, согласно нашим данным, 29,8% массовых слоев населения); (2) имеющих от 0,75 до 1,25 медианных доходов (эта задающая стандарт типичного для массовых слоев населения образа жизни группа насчитывала тогда 32,6%); (3) имеющих от 1,25 до 2 медиан доходов (численность этой в большинстве своем весьма благополучной группы составляла 28,2% представителей массовых слоев) и (4) имеющих среднедушевые доходы более 2 медиан для своих типов поселений (9,4%).

Если же говорить о самооценках россиянами динамики своего материального положения (как прошлой, так и предстоящей), то после начала экономического кризиса 2014–2016 гг. эти оценки заметно ухудшились, причем более резко, чем объективные показатели доходов. Так, если в феврале 2014 г. только 13,1% говорили о том, что ожидают ухудшения своего материального положения и 15,1% говорили о его ухудшении за прошедший год, то в 2023 г. таких было уже 20,4 и 32,9% соответственно (рис. 2).

⁶ Подробнее о традиции выделения групп при доходной стратификации см. [Модель..., 2018].

Итак, условия для сберегательной активности населения в период 2003–2023 гг. с точки зрения таких факторов, как размер среднедушевых доходов, динамика материального положения и ожидания изменений его на будущее, неоднократно менялись. При этом в 2014–2023 гг. объективная динамика доходов, восприятие их прошлой динамики и ожидания изменения своего материального положения в ближайшем будущем выглядели достаточно пессимистично. Однако весь рассматриваемый период у большинства россиян все же была возможность формировать сбережения при наличии для этого соответствующих установок.

Распространенность сберегательной активности населения и ее факторы. Сберегательная активность населения измеряется различными показателями. Однако для социологов важен прежде всего сам факт их наличия и то, воспринимают ли их как сбережения сами люди, т.е. с экономической точки зрения это не все их «запасы» или не «потоки» средств, но только такие «запасы», которые сознательно формируются ими как сбережения. Важно также понимать, насколько это крупные суммы с точки зрения возможности прожить на них в более-менее привычном для человека режиме существенный период времени в случае утраты всех привычных источников доходов, и почему люди формируют (или не формируют) эти сбережения. Именно такой подход в наибольшей степени помогает понять специфику «социальных действий» сберегательного характера у представителей разных групп.

В этом контексте важно, что большинство (51,7%) представителей массовых слоев населения страны имело в июне 2023 г. хотя бы какие-то средства, которые они рассматривали как свои сбережения. Однако наиболее массовой (24,8% всех россиян или почти половина имевших сбережения) в их составе была группа тех, у кого эти сбережения были невелики и не позволяли «продержаться» в случае потери обычных источников доходов хотя бы 2–3 месяца. В то же время 11,7% имели довольно крупные сбережения, позволяющие прожить на них не менее года. Если же говорить о тех, кто в 2023 г. при потере всех источников доходов мог прожить на свои сбережения от 2 месяцев до года, то таких было 17,8%, причем по их поведенческим стратегиям, а также мировоззренческим и социально-психологическим особенностям они практически не отличались от группы имевших более крупные (в соотношении с их традиционными расходами) сбережения. Эта схожесть позволила объединить их при анализе факторов формирования относительно крупных и крупных сбережений в одну группу.

Роль факторов формирования мелких сбережений, а также наличия относительно крупных и крупных сбережений, которые могут выступать реальной «подушкой безопасности», проверялась сначала с помощью программы Chaid, а затем (в порядке дополнительной проверки) с помощью коэффициентов корреляции для тех переменных, которые продемонстрировали наибольшую значимость при регрессионном анализе. Как показал проведенный анализ, формирование мелких сбережений и наличие относительно крупных и крупных сбережений зависят в российских условиях от разных факторов.

Если говорить о мелких сбережениях, то их формирование носит в значительной степени случайный характер. В то же время факторы формирования сбережений, позволяющих прожить на них не менее 2 месяцев (включая те, которые позволяют прожить на них не менее года), выделились довольно четко (табл. 1).

Ярче всего прослеживалась связь наличия относительно крупных и крупных сбережений с такими субъективными характеристиками респондентов, как самооценки своей социальной и экономической успешности, а также дистанция горизонта планирования жизни, – они оказались намного более значимыми, чем размер и динамика доходов (как реальная, так и ожидаемая) (табл. 1). Что же касается высшего образования и профессионального статуса, то их менее значимая роль определялась во многом тем, что у представителей разных профессиональных групп и людей с высшим образованием или без него эти субъективные характеристики присутствовали в разной степени.

Таблица 1

Связь наличия относительно крупных и крупных сбережений с характеристиками респондентов, на основе коэффициента Спирмена, 2023 г.

Характеристики	Коэффициент Спирмена
Самооценки своего материального положения	0,259*
Самооценки того, насколько реализовались их жизненные планы	0,238*
Планируют собственную жизнь по крайней мере на год вперед	0,199*
Заработная плата относительно поселенческой медианы зарплат	0,191*
Оценки динамики материального положения за последний год	0,187*
Профессиональный статус	0,186*
Среднедушевой ежемесячный доход в домохозяйстве по отношению к поселенческой медиане	0,140*
Наличие высшего образования	0,123*
Оценка динамики своего материального положения на ближайший год	0,102*
Возраст ⁷	0,066*

Примечание. * Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Полученные данные говорят о большей значимости для сберегательной активности россиян на микроуровне прежде всего субъективных факторов социального и социально-психологического, а не экономического характера. Причем это не только уже упоминавшиеся в литературе ожидания изменения своего положения в будущем, но и такие, на которые в литературе пока не обращалось должного внимания, в частности самооценки степени своей успешности и горизонт планирования.

Эти же факторы оказались качественно дифференцирующими группы имеющих и не имеющих относительно крупные и крупные сбережения, с одной стороны, и не имеющих их – с другой, при сравнительном анализе специфики «социальных портретов» данных групп (табл. 2).

Влияние субъективного восприятия своего материального положения также было достаточно сильным, но проявлялось оно только для полярных групп. Что же касается уровня среднедушевых доходов в домохозяйстве, как и динамики этих доходов, то эти факторы были значимы скорее для размера выступающих «подушкой безопасности» сбережений, а не их наличия – во всяком случае, судя по доходной структуре групп с разным размером сбережений (рис. 3). При этом доходные структуры групп, имеющих мелкие сбережения и вообще не имеющих сбережений, были практически идентичны. Важно отметить и то, что хотя люди, имеющие крупные сбережения, позволяющие прожить на них не менее года, были сосредоточены в июне 2023 г. в основном в двух верхних доходных группах (52,5% из них имели среднедушевые доходы в своих домохозяйствах более 1,25 медианных доходов для своего типа поселения), однако, если сравнивать с периодом начала СВО, доля высокодоходных россиян в составе всех имевших столь крупные сбережения снизилась в полтора раза – в марте 2022 г. они составляли почти три четверти данной группы. Это означает, что под влиянием геополитических рисков в составе далеко не самых благополучных в отношении уровня доходов слоев населения заметно выросло число формирующих крупные сбережения, причем произошло это в первую очередь за счет характеризовавшихся наличием относительно длительного горизонта планирования и ощущением своей социальной и экономической успешности. В итоге,

⁷ Низкие показатели связи наличия относительно крупных и крупных сбережений с фактором возраста объяснялись нелинейным характером этой связи, на чем мы остановимся ниже. Тем не менее, несмотря на более низкие показатели коэффициента Спирмена для фактора возраста, чем для ряда других факторов, мы включили эту переменную в таблицу, учитывая ту роль, которая традиционно отводится возрасту в исследованиях финансового поведения.

Таблица 2

Некоторые особенности группы имеющих крупные или относительно крупные сбережения на фоне остальных россиян, 2023 г., в %

Характеристики	Имели сбережения, позволяющие прожить на них 2 месяца и более	Не имели таких сбережений
<i>Самооценки своего материального положения</i>		
Хорошо	32,3	14,9
Удовлетворительно	64,6	65,3
Плохо	3,1	19,8
<i>Самооценки степени самореализации</i>		
Добились всего или практически всего, на что были способны	61,7	33,8
Добились значительно меньше того, на что были способны	21,3	42,6
Рано подводить итоги, еще добьются того, чего пока не удалось	17,0	23,6
<i>Горизонт планирования</i>		
Планируют свою жизнь не менее чем на год вперед	57,8	36,3
Считают, что жизнь невозможно планировать даже на год вперед	42,2	63,7
<i>Среднедушевые ежемесячные доходы по отношению к поселенческой медиане</i>		
От 2 медиан и выше	14,1	7,5
От 1,25 до 2 медиан	34,0	25,7
От 0,75 до 1,25 медиан	28,3	34,4
До 0,75 медианы	23,6	32,4
<i>Динамика материального положения за последний год</i>		
Улучшилось	23,3	11,8
Осталось неизменным	55,3	50,6
Ухудшилось	21,4	37,6
<i>Ожидаемая динамика своего материального положения на ближайший год</i>		
Улучшится	34,2	26,9
Останется неизменным	51,3	50,1
Ухудшится	14,5	22,9

Примечание. Данные, приведенные в этой и следующих таблицах, статистически значимы на уровне α не более 0,05. Темным фоном выделены показатели, разрыв по которым между группами имеет качественный характер. Светлым фоном выделены показатели, различающиеся в сравниваемых группах в 2 и более раз. Жирным шрифтом выделены показатели, превышающие показатели в альтернативной группе не менее чем в 1,5 раза.

даже в составе группы имеющих крупные сбережения, каждый пятый стал относиться в июне 2023 г. к низкодходным слоям населения. Одновременно даже в группе с доходами свыше 2 поселенческих медиан свыше трети (37,1%) не имели в тот момент никаких сбережений. Это еще раз подтверждает значимость наличия сберегательных установок для соответствующей активности.

О роли сберегательных установок говорит и связь наличия сбережений с возрастом, хотя она и проявляется в российских условиях иначе, чем предполагают классические теории. Так, максимальной доля имевших какие бы то ни было сбережения (62,3%) была летом 2023 г. среди россиян старше 65 лет, как и доля имевших относительно крупные и крупные сбережения (36,3%) (табл. 3). При этом в предпенсионном или раннем пенсионном возрасте, когда эти сбережения в случае их накопления к моменту выхода на пенсию могли в соответствии с концепцией жизненного цикла еще сохраниться, соответствующие

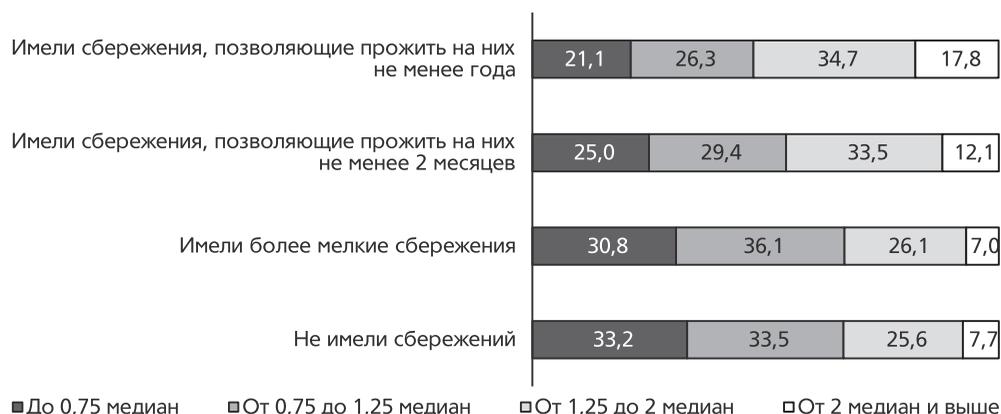

Рис. 3. Доходная структура групп с разным размером сбережений, 2023 г., в %

показатели были хотя и ненамного, но все же меньше. Таким образом, для россиян старше 50 лет характерен не столько страх перед прогнозируемым падением доходов при выходе на пенсию, хотя он, естественно, у них присутствует, сколько страх перед неопределенностью будущего при неспособности повлиять на ситуацию в силу возрастной беспомощности. Конечно, можно было бы предположить, что накопления в группе старше 65 лет – это так называемые «гробовые», а не страховые накопления, но размер их для такого рода целей в основном либо слишком мал, либо слишком велик, зато четко коррелирует со среднедушевыми доходами.

Страх перед неопределенностью будущего при невозможности на него повлиять (в той или иной степени ощущавшийся в июне 2023 г. 78,7% россиян) очень заметно сказывался не только на распространенности установки на формирование сбережений у самых пожилых россиян. Очень заметно влиял он и на остальное население в случае, если речь шла о масштабных геополитических рисках, а не просто экономических кризисах, к которым граждане страны уже отчасти адаптировались. Так, если говорить о сберегательной активности россиян в длительной исторической перспективе (рис. 4), то видно, что чисто экономические проблемы макроуровня (например, экономический кризис 2008–2009 гг., явившийся следствием мирового, или кризис 2020 г., ставший следствием локдаунов в ходе пандемии коронавируса) воспринимались россиянами как временные явления и для нейтрализации их негативных последствий они использовали в ходе таких кризисов свои сбережения, хотя процесс этот имел достаточно ограниченный характер. В то

Таблица 3

Наличие сбережений у представителей разных возрастных групп, 2023 г., в %

Наличие сбережений	18–24 года	25–29 лет	30–35 лет	36–44 года	45–54 года	55–65 лет	66 лет и старше
Имели сбережения, позволяющие прожить на них не менее года	14,4	6,4	7,1	11,0	10,8	15,5	14,0
Имели сбережения, позволяющие прожить на них 2 месяца и более	14,4	17,6	17,0	16,7	17,8	17,3	22,3
Имели более мелкие сбережения	24,5	32,8	16,5	24,1	23,4	29,2	26,0
Не имели сбережений	46,7	43,2	59,4	48,2	48,0	38,0	37,7

Рис. 4. Доля имеющих сбережения, в том числе позволяющие прожить на них при утрате текущих видов доходов не менее года, в массовых слоях населения, в динамике за 2003–2023 гг., в %

Примечание. Вопрос о наличии любых по размеру сбережений в 2010 г. в инструментарию опроса отсутствовал.

же время кризисы, связанные не столько с экономическими, сколько с геополитическими проблемами, т.е. усиливающие неопределенность будущего на длительное время, причем не только экономическую, вызывали рост сберегательной активности россиян вообще и прирост доли имеющих крупные сбережения в частности. Более того – чем выше была такая неопределенность, тем большую сберегательную активность проявляли россияне, о чем говорят различия в масштабе их реакции на последствия обострения отношений с Западом в 2014 и в 2022 гг. Однако проявляют соответствующую активность все же далеко не все, и будет ли она проявляться, зависит прежде всего от тех факторов микроуровня, о которых шла речь выше.

Если же говорить не о факторах сберегательной активности, а о ее распространенности, то, как видно из данных на рис. 4, доля имеющих хотя бы какие-то сбережения, как и доля имеющих крупные сбережения, выросла за последние 20 лет более чем в два раза. Этот рост происходил в условиях сильных колебаний не только реальных доходов населения, но и субъективных оценок своего материального положения, особенно ожиданий его ухудшения. Такие ожидания предопределили на фоне обострения отношений с Западом после начала СВО рост стремления иметь хотя бы какие-то сбережения, рассматриваемые как запас «на черный день»⁸, что привело к двукратному росту распространенности последних в сравнении с 2021 г. (54,3% против 25,7%). В то же время крупные сбережения в составе массовых слоев формируются относительно медленно даже при бурном росте сберегательной активности (ср. рис. 2 и 4) и зависят не только от установок населения, но и от его доходов, поэтому доля имеющих крупные сбережения выросла за это время менее чем в 1,5 раза. Однако, учитывая фактическую стагнацию доходов населения в это время, такой рост также можно оценивать как очень значительный.

Таким образом, динамика сберегательной активности россиян говорит не только о рационализации их сберегательных стратегий в сложившихся после начала СВО

⁸Однако, с учетом падения распространенности негативных ожиданий в 2023 г., можно предположить снижение темпов роста сберегательной активности россиян в ближайшее время. Впрочем, вряд ли она сократится в абсолютном выражении, поскольку негативный геополитический фон и вызванная им неопределенность продолжают сохраняться.

условиях, но и позволяет лучше понять сравнительную значимость при формировании сбережений тех или иных факторов макро- и микроуровней. Демонстрирует она и особую роль среди них факторов нематериального характера (страха перед неопределенностью будущего – в отношении факторов макроуровня и способности планировать свою жизнь или стремления сохранить возможность чувствовать себя экономически и социально успешным – на микроуровне).

Выводы. За последние десятилетия, под влиянием кризисов и внешних шоков разной природы, доходы россиян претерпевали определенные колебания. Однако в целом можно говорить о том, что к лету 2023 г., в сравнении с началом нового этапа в жизни нашей страны после воссоединения России и Крыма и вызванного им усиления конфронтации с Западом, они находились примерно на том же уровне, что и в кризисные 2014–2015 гг., хотя и выросли по отношению к 2003 г. примерно вдвое.

Стагнация реальных доходов на протяжении последнего десятилетия не привела к сокращению числа россиян, имеющих сбережения, в том числе крупные. Напротив, как доля представителей массовых слоев, имеющих любые сбережения, так и доля имеющих сбережения, позволяющие, по их собственным оценкам, прожить на них не менее года, выросли с начала 2014 г. почти вдвое, а за последние 20 лет – более чем вдвое. С учетом динамики ситуации с реальными доходами это означает распространение установки на создание резерва «на черный день» на фоне общего роста неопределенности будущего за это время. Однако краткосрочные тенденции сберегательной активности россиян за два последних десятилетия при этом неоднократно менялись.

Если говорить о факторах выбора финансовых стратегий, то они имеют разноуровневый характер, обуславливающий при их сочетании сложность и неоднозначность сберегательных стратегий представителей массовых слоев. С одной стороны, заметное влияние на сберегательное поведение населения оказывают факторы макроуровня. При этом если речь идет о кризисах чисто экономической природы, которые воспринимаются россиянами как временные явления, то они не оказывают на сберегательную активность стимулирующего влияния – наоборот, можно говорить о частичном использовании населением в ходе них своих сбережений для нейтрализации их негативных последствий. Однако кризисы, усиливающие неопределенность средне- и долгосрочного будущего в силу их обусловленности геополитическими проблемами, вызывают рост сберегательной активности россиян, и чем выше эта неопределенность, тем большую сберегательную активность они проявляют.

С другой стороны, на сберегательную активность россиян действуют факторы микроуровня, в силу чего на одни и те же изменения внешних условий разные люди реагируют по-разному. Будет ли проявляться сберегательная активность конкретным человеком, зависит прежде всего от того, какой у него горизонт планирования, а также ощущает ли он себя благополучным в экономическом и социальном отношении и хочет ли он продолжать ощущать себя таковым в непредсказуемом будущем, даже если это требует от него в данный момент определенных жертв и усилий. При этом уровень доходов оказывает более значимое влияние на размер имеющихся у него сбережений, чем на их наличие.

Эмпирические данные свидетельствуют также о том, что в России подтверждаются как установленные ранее в ходе изучения финансового поведения населения закономерности, так и те, на которые прежде не обращалось должного внимания. Так, подтверждается идея Дж. Кейнса (Keynes, 1936) о роли уровня и динамики доходов, но она оказывается в большей мере верна для размера сбережений, чем для их наличия. Отчасти подтверждается и идея Дж. Дьюзенберри о значимости такой стратегической цели, как жить не хуже, чем раньше (Duesenberry, 1949), в результате чего в ходе экономических кризисов часть сбережений россиянами тратится, но процесс этот имеет очень ограниченный характер. Практически не работает в условиях России концепция жизненных циклов Ф. Модильяни (Modigliani, Ando, 1963) – доходы россиян не столь велики, чтобы перераспределять их между разными этапами жизненного цикла. В то же время его идея о формировании страховых сбережений «на черный день» оказывается очень значима.

Лучше описывают ситуацию с этими стратегиями современные теории финансового поведения населения, учитывающие фактор неопределенности. Так, например, подтвердились идеи Дж. Катона о том, что при ситуационном снижении доходов индивиды будут стремиться сохранить привычный уровень жизни, в том числе за счет кредитов, но ожидание длительного их спада вызовет сокращение потребления при одновременном росте сбережений на «черный день».

Однако главное, что показал проведенный нами анализ, это не просто уточнение особенностей проявления в российских условиях закономерностей сберегательного поведения, выявленных ранее, а установление двух имеющих принципиальное значение новых фактов. Это, во-первых, роль для сберегательной активности населения характера тех внешних шоков, с которыми оно сталкивается в своей повседневной жизни (причем неэкономические шоки с длительной временной перспективой имеют большее значение, чем экономические), а во-вторых, значимость для этой активности таких нематериальных факторов, как горизонт планирования и убежденность в своей экономической и социальной успешности. Кроме того, этот анализ продемонстрировал, что россияне отнеслись к СВО как серьезному и потенциально видоизменяющему всю привычную для них жизнь фактору, который они массово начали учитывать в своих поведенческих стратегиях. Судя по сберегательному поведению, население страны готовится к тяжелым и длительным испытаниям. Это еще раз продемонстрировало значимость сберегательного поведения как одного из важнейших маркеров реального состояния общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Каравай А.В. Российские рабочие: финансовое поведение и установки // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 2(125). С. 83–95.
- Козырева П.М. Финансовое поведение в контексте социально-экономической адаптации населения (социологический анализ) // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 54–66.
- Кузина О.Е. Финансовая грамотность и финансовая компетентность: определение, методики измерения и результаты применения в России // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 129–148.
- Кузина О.Е., Моисеева Д.В. Стратегии финансового поведения россиян: понятие, динамика, факторы // Вопросы экономики. 2021. № 10. С. 71–88. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-10-71-88.
- Литвинова В.В. Финансовое поведение человека и определяющие его факторы // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17. № 1. С. 230–237.
- Макар С.В., Ярашева А.В., Марков Д.И. Финансовое поведение как результат взаимодействия людей в социально-экономическом пространстве // Финансы: теория и практика. 2022. Т. 26. № 3. С. 157–168. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-3-157-168.
- Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под общ. ред. Н.Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018.
- Стребков Д.О. Основные типы и факторы кредитного поведения населения в современной России // Вопросы экономики. 2004. № 2. С. 109–128.
- Стребков Д.О. Трансформация сберегательных стратегий населения России // Вопросы экономики. 2001. № 10. С. 97–111.
- Финансовая грамотность и финансовое просвещение населения: атлас российских практик / Отв. ред. Н.В. Аликлерова. М.: ФНИСЦ РАН, 2021.
- Deaton A., Paxson C. Saving, Aging and Growth in Taiwan // Studies in the Economics of Aging / Ed. by D. Wise. Chicago: The University of Chicago Press, 1994.
- Katona G. Psychological economics. New York: Elsevier Scientific Publishing Company, 1975.
- Zelizer V.A. The Social Meaning of Money: Pin Money, Paychecks, Poor Relief, and Other Currencies. Princeton: Princeton University Press, 1997.

Статья поступила: 07.08.23. Финальная версия: 08.10.23. Принята к публикации: 17.10.23.

SAVINGS ACTIVITY OF RUSSIANS: DYNAMICS AND FACTORS

TIKHONOVA N.E.

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia; HSE University, Russia**Natalia E. TIKHONOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Professor-researcher, HSE University, Moscow, Russia (netichon@rambler.ru).*

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the RNF project № 20-18-00505.

Abstract. Based on the data of a number of all-Russian studies of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, the article characterizes saving behavior factors of Russians and the dynamics of its change in 2003–2023. Some classical concepts explaining the savings behavior of the population are tested in relation to Russian conditions. It is demonstrated that their conclusions are only partially justified in the Russian society. It is shown, in particular, that representatives of mass strata of the population reacted to successive external shocks of different nature in recent years depending on the nature of these shocks, and not only on their severity or expected duration: to crises of purely economic nature, in accordance with the classical postulates, Russians responded by striving to maintain their usual level of consumption at the expense of savings, while in case of adding geopolitical risks and increasing uncertainty of the future, the prevalence of savings was increased. If for small savings no micro-level factors have been identified to have significant impact on their availability, then in the formation of savings that allow you to live on them for at least two months, subjective factors play a key role, in particular, readiness for long-term planning of one's life, as well as a sense of respective economic and social success. At the same time, economic factors, though important, play a noticeably lesser role, affecting mainly amounts of savings.

Keywords: savings behavior of the population, savings activity, savings strategies, financial behavior, financial strategies, income of the population, financial situation of Russians.

REFERENCES

- Deaton A., Paxson C. (1994) Saving, Aging and Growth in Taiwan. In: *Studies in the Economics of Aging*. Ed. by D. Wise. Chicago: The University of Chicago Press.
- Financial literacy and financial education of the population: an atlas of Russian practices.* (2021). Ed. by N.V. Alikperova. Moscow: FNIISZ RAN. (In Russ.)
- Karavay A.V. (2015) Russian workers: financial behavior and attitudes. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal]. No. 2(125): 83–95. (In Russ.)
- Katona G. (1975) *Psychological economics*. New York: Elsevier Scientific Publishing Company.
- Kozyreva P.M. (2012) Financial behavior in the context of socio-economic adaptation of the population (sociological analysis). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 54–66. (In Russ.)
- Kuzina O.E. (2015) Financial literacy and financial competence: definition, measurement methods and results of application in Russia. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economic]. No. 8: 129–148. (In Russ.)
- Kuzina O.E., Moiseeva D.V. (2021) Strategies of financial behavior of Russians: Concept, dynamics, factors. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economic]. No. 10: 71–88. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-10-71-88. (In Russ.)
- Litvinova V.V. (2020) Financial behavior of a person and factors determining it. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Journal of Economic Theory]. No. 1(17): 230–237. (In Russ.)
- Makar S.V., Yarasheva A.V., Markov D.I. (2022) Financial behavior as a result of the interaction of people in the socio-economic space. *Finansy: teoriya i praktika* [Finance: Theory and Practice]. Vol. 26. No. 3: 157–168. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-3-157-168. (In Russ.)
- Model of income stratification of Russian society: dynamics, factors, cross-country comparisons.* (2018) Ed. by N.E. Tikhonova. Moscow: Nestor-History. (In Russ.)
- Strebkov D.O. (2001) Transformation of saving strategies of the Russian population. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economic]. No. 10: 97–111. (In Russ.)
- Strebkov D.O. (2004) Main types and factors of credit behavior of the population in modern Russia. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economic]. No. 2: 109–128. (In Russ.)
- Zelizer V.A. (1997) *The Social Meaning of Money: Pin Money, Paychecks, Poor Relief, and Other Currencies*. Princeton: Princeton University Press.

Received: 07.08.23. Final version: 08.10.23. Accepted: 17.10.23.

© 2023 г.

М.С. ДОБРЯКОВА, О.В. ЮРЧЕНКО

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ И АГЕНТНОСТЬ ШКОЛЬНИКОВ: РАЗЛИЧИЕ ПОНЯТИЙ

ДОБРЯКОВА Мария Сергеевна – кандидат социологических наук, главный эксперт Института образования НИУ «Высшая школа экономики» (mdobryakova@hse.ru); ЮРЧЕНКО Олеся Викторовна – кандидат социологических наук, PhD, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (olesya@mail.ru). Обе – Москва, Россия.

Аннотация. Исследуется концептуальное различие между «самостоятельностью» и «агентностью» в образовании. Хотя понятия часто воспринимают как синонимы, их разграничение продуктивно для практической педагогики. Раскрывая сущность агентного действия в девяти теоретических тезисах на основе социологических и психологических подходов, прослежены его предпосылки и обозначены развилки, в которых агентность и самостоятельность расходятся. Агентность стремится к изменению на основе осознанно сконструированной идентичности и ценностей. Самостоятельность сфокусирована на достижении мастерства в рамках существующих ролей и социальных норм; самостоятельность нацелена на преемственность, агентность – на изменение. Разграничение этих понятий поможет осознанно проектировать учебные ситуации и задавать реалистичные образовательные результаты. Но агентность как измеримый образовательный результат очень сложна, поскольку связана с идентичностью и личным отношением к социальным ситуациям, и очень индивидуальна. Самостоятельность (автономия) как образовательный результат проще, требуя сравнения умений ученика с умениями взрослого человека. Ключевым фактором, дифференцирующим самостоятельность и агентность, является характер идентичности индивида – ее ориентация на воспроизводство существующего или на индивидуальный поиск и изменение.

Ключевые слова: самостоятельность • автономия • агентность • образовательные результаты

DOI: 10.31857/S013216250028534-0

Введение

Международные организации в сфере образования (ОЭСР, ЮНЕСКО) выделяют «агентность» (agency) как качество, необходимое каждому выпускнику школы: «агентность» должна стать для школ не менее ценным образовательным результатом, чем умение читать и считать [UNESCO, 2020]. Это качество, по их мнению, – ключ к разрешению проблем, которые накапливаются и закрепляются в человеческом обществе, препятствуя устойчивому развитию и индивидуальному благополучию. Они признают отсутствие точного определения «агентности» (см., напр.: [OECD, 2021; 2019])¹. В трактовке ЮНЕСКО

---

¹ Речь идет о применении понятия «агент» в сфере образования. Термин происходит от латинского слова «agens» – «действующий». В латыни слово имеет корень «ag-», связанный с активностью и действием. Отсюда «ago» (делать) и «agere» (двигать). Этимология подчеркивает активную

речь идет прежде всего об установке на позитивное социальное изменение, о котором применительно к сфере образования писал П. Фрейре: «Люди, осознав себя, воспринимают мир уже не как статичную реальность, но как реальность в процессе, в постоянной трансформации» [Freire, 2000: 83].

ОЭСР помещает понятие «агентности ученика» в центр проекта «Образовательный компас – 2030» и задает схожие ориентиры: способность и стремление учащихся положительно влиять на собственную жизнь и на мир вокруг. Согласно определению ОЭСР, агентность – это «способность поставить цель, осмыслить ее и, сознавая ответственность, совершить действия, которые приведут к желательному изменению» [OECD, 2019]. ОЭСР подчеркивает собственную активную роль ученика: принимать решения, ощущая ответственность за их последствия, и совершать выбор самостоятельно – вместо того, чтобы слепо соглашаться с чужими решениями [OECD, 2019].

В России попытки операционализировать понятие «агентности» встречаются дополнительные трудности. (1) Проблема перевода – трудно представить себе обычного учителя или родителя, который сходу поймет, что скрывается за словосочетанием «агентность ученика». (2) Наличие отечественной традиции исследования вроде бы схожих явлений – «самостоятельности» и «деятельности».

ФГОС – основной документ, формулирующий цели образования в России, – выделяет самостоятельность как один из метапредметных результатов обучения: «самостоятельно определять цели своего обучения, ставить и формулировать для себя новые задачи в учебе, ... самостоятельно планировать пути достижения целей»². Речь идет о постановке и достижении учебных целей (внутри учебной программы, предлагаемой школой), то есть о саморегулируемом обучении, – не о социальном изменении в малом или большом масштабах.

В личностных результатах, которые можно увязать с тематикой самостоятельности, говорится шире об «ответственном отношении к учению», «освоении социальных норм», «воспитании гражданской идентичности» и «развитии морального сознания». Метапредметные и личностные результаты, перечисляемые в стандарте без уточнений или структурирования, предельно широки – от организации сотрудничества до смыслового чтения. Это заложено во ФГОС пространство для интерпретаций, в сочетании с международной повесткой, в которой настойчиво звучит «агентность», заставляет педагогов, исследователей размышлять об этих понятиях.

В докладе о развитии человеческого потенциала в современном мире коллектив авторов НИУ ВШЭ использует понятие «агентность» как синоним «самостоятельности»: «Развитие самостоятельности (агентности) – один из острых вызовов социально-экономического развития. ... Самостоятельность (агентность) – совокупность индивидуальных характеристик, отражающих способность человека к осознанному инициативному действию в социальном мире, не только воспроизводящему существующие структуры и формы деятельности, но также их совершенствующему и создающему новые в интересах индивидуального и/или общественного блага» [Сорокин и др., 2022: 8, 20].

Специалисты в области психологии и образования связывают появление разных терминов для описания «самостоятельности» и «агентности» с параллельным развитием исследовательских традиций: отечественная линия выделяла одни акценты, закрепляя их терминологически, западная – другие [Поливанова, Бочавер, 2022]. Таким образом, в отечественной традиции в круг релевантных терминов – поскольку все они описывают «надситуативное

природу агента не как пассивного объекта, но субъекта с потенциалом к целенаправленным действиям. В социологии под «агентом» понимается деятельный субъект, способный к осознанным выборам и действиям. Агентность означает способность к инициативной деятельности и влиянию на окружающую среду и людей. Хотя в русском языке слово «агент» имеет другие ассоциации, здесь речь идет о социологическом понимании термина. В марксистских терминах аналогичное понятие часто называется «субъект».

² Федеральный гос. стандарт основного общего образования. Утв. Приказом Минобрнауки от 17 декабря 2010 г. № 1897.

поведение»³ – попадают агентность, инициативность, автономия, самостоятельность, личностная самостоятельность, субъектность [Поливанова, Бочавер, 2022: 8].

Может быть, при пересадке на российскую почву речь идет о пассионарности, о чем писал Л. Гумилев? «Пассионарность – это способность и стремление к изменению окружения, ...не оставляя места бездействию и спокойному равнодушию» [Гумилев, 2016: 175, 178]. Скорее нет: ОЭСР настойчиво отмечает, что агентность – способность, поддающаяся развитию в ходе практики (то есть не что-то наследуемое и врожденное), а у Гумилева «пассионарность ...заразительна. ...важный наследственный признак... биологический признак». Кроме того, Гумилев предостерегает: «Импульс пассионарности бывает столь силен, что носители этого признака – пассионарии не могут заставить себя рассчитать последствия своих поступков» [Гумилев, 2016: 178]. Тогда как ОЭСР включает в агентность рациональное умение сформулировать цель и определить шаги к ней [OECD, 2019].

Быть может, под «агентностью» подразумевается современное «решение задач» (problem-solving)? Ведь компетентность «решения задач» устроена практически так же: движение из нежелательной точки А к желательной точке В, на основе анализа ситуации в обеих точках и выбора последовательных шагов для перемещения из А в В, с учетом имеющихся возможностей и ограничений [Добрякова и др., 2020; Dörner, Funke, 2017]. Возможно, для понимания сути агентности полезно скрестить два конструкта: «агентность – это пассионарность в решении задач»? Вариант этот вряд ли убедителен.

Итак, можно ли считать понятия «агентность» и «самостоятельность» синонимами? Будет ли эта синонимия продуктивной, если наша цель – агентность или самостоятельность выпускника как образовательный результат⁴

Мы не планируем вывести «самое правильное» определение, как не планируем и проследить все корни подходов, что приводят к разным трактовкам. Задача, которую мы ставим перед собой, – разобраться, из каких частей состоят такие образовательные результаты, которые называют «самостоятельностью» или «агентностью», и как они формируются. Понимая, как они устроены, мы можем говорить о том, как их поддерживать и развивать. Мы покажем, что различие понятий «самостоятельность» и «агентность» (даже с поправкой на трудность их однозначного перевода) оказывается более продуктивным для практического применения, чем их смешение. Для этого мы обозначим развилки, которые могут приводить либо к самостоятельности, либо к агентности как образовательному результату.

Агентность – пошаговая развертка: теоретическая рамка

В науках о человеке размышления на тему «агентности» имеют одну отправную точку и схожий сюжет. Отправной точкой всегда является «действие». Сюжет строится вокруг главных вопросов: почему и зачем человек (далее – группа людей) совершает какое-либо действие, почему это действие именно таково, в каких условиях оно происходит и как связаны обстоятельства действия с его характером. Другими словами, что вызывает действие, определяет его или препятствует ему? Эти вопросы проходят сквозной линией по классическим текстам философов, социологов, психологов.

Когда мы переносим этот сюжет в сферу образования, возникает вопрос: как научиться управлять действиями – подталкивать к желательным, удерживать от нежелательных, выбирать из множества вариантов, делать возможными инновационные действия?

³ Имеется в виду поведенческая активность индивида, которая проявляется устойчиво в различных ситуациях. Это поведение не только является реакцией на внешние стимулы в текущей ситуации, но также отражает внутреннюю систему ценностей, убеждения и личные цели этого индивида [Петровский, 2010].

⁴ Уточним: речь идет не о самостоятельности или агентности школьника применительно к учебе (другими словами, речь не о саморегулируемом обучении), но о самостоятельности или агентности как образовательном результате, который применим повсеместно, в разных сферах жизни, без какой-то особой «учебной» специфики.

Формальная система образования в этом смысле тяготеет к классической социальной философии, для которой образование есть синоним социализации, в ходе которой мы усваиваем модели поведения, позволяющие нам жить в обществе [Touraine, 1980: 4]. Из этой трактовки роли образования вырастает «самостоятельность» как важнейший образовательный результат: самостоятельный человек – тот, кто способен без чьей-то помощи функционировать в обществе, то есть усвоил правила и модели поведения, принятые в обществе, способен действовать в соответствии с ними.

Где в системе образования искать точки, «нажатие» на которые изменяет направленность, характер, само возникновение действия – внутри ученика, в руках педагога, в пространстве школы? Или шире, применительно к позитивному социальному изменению: каковы социальные (и настраиваемые) условия поддержки индивидов, способных к социальным изменениям?

Приведем несколько влиятельных трактовок «агентности».

Э. Гидденс определяет агентность как способность индивидов осознанно инициировать определенное действие и линию поведения; при этом индивид не обязательно всегда действует осознанно, акцент – именно на способности к такому осознанию [Giddens, 1984: 9]. М. Эмирбайер и Э. Мише подчеркивают способность акторов действовать осознанно и творчески относительно своей социальной укорененности, не только постигая и воспроизводя культурные модели, но и выдвигая новые [Emirbayer, 1994: 1442–1443; Emirbayer, Mische, 1998; 1994]. Социально-когнитивная теория А. Бандуры описывает агентность как способность индивидов сознательно влиять на свои жизненные обстоятельства – быть не «щепками», покорно плывущими по ручью внешних событий, но воздействовать на эти события [Bandura, 2001: 2]. С. Хитлин и Г. Элдер, развивая тезис о воздействии индивида на его жизненные обстоятельства, подчеркивают относительность «агентности», ее зависимость от социального контекста: «Агентность описывает ту степень, в какой индивиды ...активно выстраивают свои действия внутри социальных структур. ...это не постоянное свойство личности, а скорее отражение той степени, в какой индивид способен мобилизовать когнитивные, эмоциональные и мотивационные ресурсы в ответ на меняющиеся социоструктурные условия» [Hitlin, Elder, 2007: 175]. Эти подходы в качестве ключевых аспектов агентности выделяют наличие осознанного намерения (для его появления – понимание себя и своих желаний) и способность действовать относительно социальных структур.

Сравним приведенные определения с «автономией» – понятием, которое, как и «агентность», в русскоязычных текстах тесно сопровождает «самостоятельность», претендуя на синонимию: автономные индивиды могут адаптироваться к своим представлениям о том, какими они хотят быть и какую жизнь считают достойной, способны выстраивать жизненные планы и соответствовать стандартам действия, которое подразумевают эти планы [Meuser, 1989: 80]. Схоже звучит и трактовка «деятельности»: «единство целенаправленной и целеполагающей активности человека, реализующей и развивающей систему его отношений к миру» [Петровский, 2010: 39].

Просто сравнение этих определений непродуктивно: в разных исследовательских традициях один и тот же тип действия может называться по-разному. Поэтому мы будем фокусироваться на содержательных особенностях действия, выделяя его предпосылки и принцип разворачивания. Мы будем опираться на социологические и психологические подходы, акцентируя внимание на развилках, в которых характер действия может меняться. Наш синтез теоретических концепций обусловлен задачей: наметить точки поддержки «агентности» и «самостоятельности» в школе.

Для ясности, поскольку мы будем ссылаться как на российские, так и на зарубежные работы, далее использован термин «автономия» вместо «самостоятельность», который ближе к международному контексту.

Сформулируем цепочку тезисов, описывающих путь к агентному действию и его предпосылки.

Путь к агентному действию. *Тезис 1. Агентное действие совершается сознательно и намеренно.* Сознательный характер отделяет агентное действие от прочих – неосознаваемых, рефлекторных, вызванных принуждением или привычкой. Агентное действие подразумевает сознательное стремление повлиять на свои жизненные обстоятельства. Этот аспект в понимании агентности разделяют и социологи, и психологи (см., напр.: [Bandura, 2006; 2001: 164; Giddens, 1984: 9]). Жизненные обстоятельства в проявлении такой исходной («экзистенциальной») агентности можно трактовать широко – в пределах своей физической реальности человек свободен выбирать любые доступные пути и сознательно поступает так, а не иначе [Hitlin, Elder, 2007: 175–177]. Наличие намерения подразумевает, что человек прежде всего задается вопросом «почему»: почему он будет это делать? Для практического применения этого тезиса важно, что осознаваемое стремление человека, как правило, способен сформулировать словами.

Тезис 2. Агентное действие направлено на изменение. Этот аспект агентности выделяют и социологи, и психологи. Здесь первая развилка: о какого рода изменении идет речь. Если психологи чаще говорят об изменении себя и личных жизненных обстоятельств, социологи размышляют скорее об изменении социальной ситуации. В социологии агент выходит «за свои границы» – границы социальной группы или социальные нормы сообщества, к которому принадлежит [Hitlin, Elder, 2007: 175]⁵. Если таких индивидов несколько, то их социальная заметность может быть предвестником более масштабных изменений – «пророчеством», показывающим будущее, которое еще не наступило, но уже началось [Melucci, 1996: 1].

Тезис 3. Агентное действие ориентировано на «образ будущего». Индивид визуализирует желанную цель и стремится преодолеть разрыв от настоящего к будущему – весь процесс действия, включая выбор средств и нормативной рамки, на это ориентирован [Parsons, 1949: 44–45]. Если индивид не совершит своего действия, «улучшенное настоящее» может не возникнуть [там же: 732–733]. Симметрично такое субъективное ощущение подразумевает неудовлетворенность настоящим и может объясняться ощущением относительной депривации. Последнюю называют ключевым мотивом, толкающим отделенные социальные группы к коллективному действию с целью позитивного социального изменения [de la Sablonnière, 2013]. Ощущение разрыва между идеальным и текущим воспринимается как «вызов» – встреча «двух независимых потоков воздействий: со стороны индивидуума и со стороны ситуации», которая также «содержит в себе возможность» и «непредрешенность» [Петровский, 2010: 80–81].

Тезис 4. Желанное будущее отделено восприятием границы. На наш взгляд, на уровне индивида предпосылкой агентного поведения становится восприятие в текущей ситуации некоей сдерживающей границы [Петровский, 2010] – препятствия, которое ограничивает достижение к желаемой цели или возможность действовать желаемым способом. Индивид замечает границу⁶; воспринимает и определяет ее как препятствие на пути к желаемому; ощущает намерение перейти эту границу; наконец, совершает действия по преодолению/изменению границы. Восприятие границы, безусловно, прежде всего субъективно и зависит от индивидуального опыта [Heidegger, 1962: 185]. Индивид может ощущать границу внутри себя (какое-либо собственное несовершенство, неумение), в социальных институтах (правила, нормы, практики) и структуре (властные отношения, распределение ресурсов, репертуар социальных ролей).

Главная для нас особенность в восприятии границы, определяющая агентность действия, – ее избыточность «по отношению к целям, продиктованным ситуацией» [Петровский, 2010: 106]. Эта избыточность, как в радикальных социальных движениях, может включать риск – неотъемлемый атрибут действия [Calhoun, 1991: 51].

⁵ Порой социальная агентность начинается с девиантности.

⁶ Мы используем простую трактовку «границы» – ограничение, воспринимаемое как препятствие. Но вопрос о восприятии границы имеет существенно больше смыслов – см., напр.: Куликова Т.В. Философия границы: феноменологический и эпистемологический подходы: дис. ... д. филос. н: 09.00.01 / ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2011. РГБ ОД, 71 12-9/66.

Предпосылки агентного действия. *Тезис 5. Агентность питается верой в результативность усилий.* Предпосылкой агентного действия, делающей его возможным, является «самоэффективность» [Bandura, 2006; 1997], то есть уверенность в своих силах, вера в себя и в возможность достижения поставленной цели. «Если люди не верят в то, что их действия смогут привести к желаемому результату, у них нет стимула действовать или преодолевать трудности. Какие бы факторы ни толкали их к действию, все они коренятся в базовом убеждении: у меня достаточно сил, чтобы своими действиями изменить ситуацию» [Bandura, 2006: 170]. Важность такой установки, в более или менее прямолинейном выражении, подчеркивают и психологи, и социологи [Zimmerman, 2000; Giddens, 1991; Bourdieu, 1977; Wright Mills, 1959]. Более того, в качестве необходимого условия агентности называют надежду – в социальном, не сугубо персональном смысле [Giroux, 2022; Rowe, 2022]. Без надежды нет агентности. «Образ будущего» в сочетании с верой в собственные силы подразумевает воображение и оптимизм [Seligman, 2021].

Тезис 6. Агентное действие отражает ценностную рамку индивида. Эта ценностная рамка может быть любой – агентность не имеет какой-то особой «встроенной» ценностной ориентации [Bandura, 2006: 177; Parsons, 1949: 44–45]. Однако здесь возможна развилка: индивид интериоризирует ценности своей социальной группы (подобно тому, как ребенок, подрастая, усваивает ценности взрослых) [Выготский, 2016 (1934); Erikson, 1968; Давыдов, Варданян, 1981] – или сам просеивает, формулирует свои ценности, которые могут оказаться вне того непосредственного сообщества (реального или виртуального), в которое индивид попал без усилий по факту происхождения [Castells, 2010; Jenkins, 2008; Parsons, 1949: 46].

Тезис 7. Агентность укоренена в идентичности. Агентность и идентичность человека глубоко взаимосвязаны. Осознанное действие не возникает в изоляции, а проистекает из рефлексивной позиции агента [Grünbaum, 2009]. Исходный вопрос «почему я буду это делать» вырастает из понимания «какой я и что для меня важно», то есть идентичности и ценностной ориентации человека.

Идентичность – сложный, лишь относительно стабильный конструкт: это весь набор смысловых оттенков, которые возникают в процессе социальной деятельности и с которыми человек ассоциирует себя, исходя из того, какие социальные роли он выбирает и выполняет, к каким группам принадлежит, какими уникальными чертами обладает [Calhoun, 1991; Burke, Stets, 2009; Hitlin, Elder, 2007; Emirbayer, 1994]. При этом именно идентичность определяет то, какой выбор совершает человек в ситуации, когда у него есть возможность выбрать из двух или более позиций (ролей) в сети социальных отношений [Stryker, 1968; 1980]; именно идентичность указывает на причину действия, которое нельзя объяснить биофизиологическими характеристиками [White, 1992: 6].

Здесь следует четче очертить важное различие между идентичностью и социальной ролью. Изнутри идентичность возникает из саморефлексии, а внешне она формируется социальным восприятием наблюдателей [White, 1992: 6, 312–314]. Первым этапом в понимании себя является отделение себя от других («я – отдельный от других, не сливаюсь с другими») и постепенное формирование своей «символической репрезентации» [Bandura, 2006: 169–170]. Это процесс осмысления себя и окружающих, постоянное реальное или воображаемое взаимодействие: согласие и несогласие, послушание и инновация, коммуникация и переговоры [Jenkins, 2008: 17]. Развитие идентичности продвигается от самоосознания («я») к рассмотрению себя в социальном контексте («кто я такой в социальном смысле?») [Mead, 1934]. Взаимодействие «Я» (спонтанный внутренний опыт) и «Меня» (более стабильная социальная идентичность) формирует самоидентичность, важнейший компонент агентности [Hitlin, Elder, 2007: 174–178].

Идентичность связывает внутреннее «я» с внешними ролями. Разграничение между ними емко описал М. Кастельс [Castells, 2010: 6–7]: роли определяются социокультурными нормами и структурируются социальными институтами, тогда как идентичность – это тот смысл, который акторы конструируют сами в процессе внутреннего «вылепливания» себя.

Тезис 8. Идентичность ярче раскрывается в проблемных ситуациях. Агентные действия часто стимулируются напряжением или конфликтами: ощущая угрозу тем или иным аспектам своей идентичности, человек стремится примирить самовосприятие с внешними обстоятельствами [White, 1992; Hitlin, Elder, 2007]. «Во многих случаях идентичность выковывается и формируется в борьбе» [Calhoun 1991: 52]. В ситуации перелома, когда нет возможности воспроизвести привычную модель поведения и опереться на знакомую рутину, человек вновь обращается к саморефлексии, переосмысливает свою биографию, ценности. Эта остро переживаемая идентичность возникает из трений, ошибок, противоречий [Hitlin, Elder, 2007: 178; White, 1992: 312–314].

Такие действия могут начаться с ощущения нормативного конфликта между тем, как обстоят дела, и тем, как они должны обстоять [Vamberg et al., 2018]. В этом смысле действие – это процесс приведения текущих условий в соответствие с нашими внутренними нормами и ценностями [Parsons, 1949: 732]. Внутреннее нормативное сопротивление или протест помогает избежать ловушки беспомощности («я – жертва обстоятельств») и поэтому продуктивен [Simmel, 1955: 77]. Человеческое общество в целом – не статичная объединяющая сущность, а постоянно развивающийся результат «явных или скрытых конфликтов, переговоров, навязываемого доминирования» и культурных ориентаций [Touraine, 1980: 7].

Вступая в отношения конфликта, человек может бороться не за свои личные интересы, а за идею («правое дело»), действуя как его «представитель» [Simmel, 1955: 87]. Такой активный борец, жертвуя собой, может быть убежден, что имеет право побуждать к жертвенности и других⁷.

Тезис 9. Агентность может иметь социоисторическую специфику. Зарождение современных социальных движений – феминизм, права человека, экоактивизм и др. – отличает иной тип протеста и идентичности, опирающийся на «повышенную саморефлексивность» [Calhoun, 1991: 51]. Вместо перераспределения богатства и власти, как это было в традиционной классовой борьбе, их пионеры отстаивают ценности самореализации и культурной автономии [Offe, 1985: 831–832, 842; Touraine, 1980: 6]. Идентичность формируется через острое личное рефлексивное переживание этих вопросов и борьбу за них, прежде всего, в пространстве горизонтальных отношений и культурных кодов. Такая агентность проявляется в постматериалистических ценностях, встроенных в обыденность, а не всеобъемлющих революционных идеологиях [Melucci, 1996: 8–9].

Агентность и самостоятельность (автономия): различные образовательные результаты

Хотя агентность в целом сосредоточена на активной способности формировать и конструировать свою идентичность, а автономия подчеркивает свободу и самоуправление в выражении и реализации этой идентичности, границы между ними могут быть размытыми. На основе сформулированных тезисов мы можем вывести критерии различения агентности и самостоятельности (табл.). Подчеркнем: в академической и policy-making литературе названия могут перемешиваться, мы же акцентируем смысловое различие, необходимое для понимания образовательных результатов.

Описывая, как родители развивают агентность ребенка, психологи говорят о создании трудностей в зоне ближайшего развития [Bandura, 2006: 170; Выготский, 1934]. Речь идет о постепенном преодолении разрыва между неумелым и умелым выполнением действия, достижении взрослого уровня мастерства. Бандура называет это «агентностью», но скорее, это развитие автономии или, в российском контексте, самостоятельности – когда

⁷ Слова Греты Тунберг служат тому иллюстрацией: «Мы сражаемся за одно дело. Мы сражаемся за справедливость и за устойчивое развитие. <...> Вообще-то я никогда не критиковала авиаперелеты. Я просто сказала, что сама я выбрала не летать». URL: <https://undispatch.com/the-greta-thunberg-interview/>

Таблица

Различение самостоятельности (автономии) и агентности

Критерии различения	Самостоятельность (автономия)	Агентность
Сформулированное намерение	Желательно	Обязательно
Нацеленность на изменение	Возможно	Обязательно
Плоскость изменений	Внутри своей социальной ситуации: в себе (самосовершенствование), в личных жизненных обстоятельствах	Выход за границы своей социальной ситуации
Разрыв между текущим и желаемым	Обязательно; цель задана извне (взрослым, ожидаемыми образовательными результатами, правилами игры и характеристиками конкурентов). Преодоление разрыва сродни преодолению дефицита	Обязательно; цель задана самим индивидом. Преодоление разрыва избыточно по отношению к текущей ситуации
Ощущение конфликта, противоречия в текущей социальной ситуации	Нет	Есть
Самозффективность (вера «я смогу»)	Необходима	Необходима
Ценностная рамка	Предложены ценности авторитетной группы, не требуют переосмысления, достаточно принятия	Отфильтрованы, переосмыслены самим индивидом
Идентичность	Может быть не осознана и не артикулирована	Обязательно осознана и может быть артикулирована
Фокусировка	На приближении к уровню «идеального типа», согласно ценностям авторитетной группы	На понимании себя (что для меня значимо) и восприятии значимой системы социальных отношений
Идеальный уровень достижения	Полноценное выполнение разнообразных социальных ролей, предусмотренных социальными нормами и институтами	Реализация собственной идентичности (совпадение с социальными ролями возможно, но не обязательно)

ребенок способен сам выполнять действия, рутинные для взрослых. Это ключевое различие самостоятельности и агентности: первая направлена на преодоление дефицита мастерства и достижение ожидаемого уровня, а вторая мотивирована избыточностью – выходом за пределы ожидаемого. Для успешности в социальных ролях автономия необходима – агентность избыточна.

Именно здесь мы видим важнейшее дифференцирующее свойство «надситуативного поведения»⁸: «надситуативная мотивация и надситуативные цели индивида избыточны с точки зрения его исходной потребности, вызвавшей такое поведение, и для той непосредственной ситуации, в которой он находится. <...> Подниматься “над” ситуацией – это структурировать ситуацию иначе, чем <...> ситуация “пытается” структурировать самого человека, то есть действовать над порогом ситуативной необходимости, вопреки ситуативным ограничениям деятельности» [Петровский, 2010: 70, 81–82].

Напротив, ситуативное поведение, «ситуативная идентичность» [Hitlin, Elder, 2007: 179] направлены на достижение целей, связанных с выполнением социальных ролей: ученик, внук, покупатель и т.д. В них индивиду не требуется каждый раз переосмысливать

⁸ Петровский сравнивает ситуативность и надситуативность с «задачей» и «сверхзадачей» К.С. Станиславского.

себя – аспекты роли и условия действия не вызывают вопросов, поэтому основное внимание смещается на качество коммуникации [там же]. В рутинных ситуациях индивиды обрастают связными «нарративными идентичностями» – набором историй, сплетенных в более или менее стабильную «биографию», которая и делает возможным повседневное социальное взаимодействие в разных ролях [White, 1992: 312–214].

Заострим главное наблюдение. Ребенок с детства осваивает разные социальные роли, в этом ему помогают близкие и обобщенные (в книгах, учебниках, ожиданиях, образцах поведения) «взрослые», показывающие, как преодолеть разрыв между «пока не научился» и «уже умею, как большой». Таким образом ребенок учится самостоятельности (автономии), постепенно достигая уровня взрослого. Проблемные же ситуации, вызывающие острую личную реакцию и рефлексию идентичности, запускают агентное действие. Изменение (как цель агентности) заложено в мотиве избыточности по отношению к непосредственной ситуации, тогда как воспроизводство существующего порядка, то есть достижение самостоятельности, подразумевает преодоление недостаточности.

Ключ к агентности в понимании своего «социального я»

Агентность всегда социальна [White, 1992: 315]. Для агентного действия нужно осознать собственную идентичность в социальном контексте. Без понимания своего «социального я» агентное действие подменяется все более умелым автономным действием в русле уже сложившихся норм и установленных правил, отраженных в доступных социальных ролях. Автономное и агентное действие внешне могут совпадать, но смысл их для индивида будет разным: в первом случае он успешно наполняет собой доступные социальные роли, во втором – полноценно и осознанно самореализуется в них, при необходимости иницируя изменения.

Это не означает, будто агентное действие лучше автономного или наоборот. Обычно человек сочетает оба варианта действий в зависимости от социальной ситуации и личного отношения к ней. Более того, идентичность человека включает много аспектов, но их вес в разных ситуациях различен. Поэтому, по сути, вопрос об агентности оказывается вопросом о взаимоотношениях между «представлением о себе» и обществом [Stryker, Burke, 1994], а в эмпирическом смысле продуктивным может быть анализ «центральности идентичности», позволяющий выявить наиболее важное для ситуации содержание идентичности индивида [Meca et al., 2015].

Напрашивается вопрос: может ли агентность быть образовательным результатом в общепринятом педагогическом смысле, то есть иметь измеряемые проявления, уровни достижения? Скорее нет, поскольку она завязана на идентичности и личном отношении к социальным ситуациям и поэтому будет очень индивидуальной. Самостоятельность же (автономия) как образовательный результат более проста, ибо, по большому счету, требует сравнения умений ученика с умениями взрослого.

Тем не менее высветленные точки разграничения позволяют сознательно проектировать учебные ситуации, которые могут работать на поддержку агентных установок. Это учебные ситуации, направленные на развитие компетентности «взаимодействия с собой» и компетентности мышления [Добрякова, Фруммин, 2020; Dobryakova et al., 2023; Добрякова, Казакова, 2023], в сочетании с глубоким пониманием социальных процессов и принципов устройства современного общества.

Исходя из проведенного анализа, можно дать следующие определения.

Самостоятельность – это способность индивида автономно действовать в рамках существующих социальных норм и ролей. Самостоятельность направлена на достижение ожидаемого обществом уровня мастерства в выполнении этих ролей. Она связана с интериоризацией групповых ценностей и целей, не подвергаемых сомнению.

Агентность – это способность индивида осознанно выходить за рамки существующих норм и ролей, действовать избыточно по отношению к ожиданиям ситуации. Агентность мотивирована поиском и реализацией индивидуальной идентичности, готовностью к пересмотру устоявшихся ценностей и к изменению социальных условий.

Ключевым фактором, дифференцирующим самостоятельность и агентность, является характер идентичности индивида – ее ориентация на воспроизводство существующего или на индивидуальный поиск и изменение.

Заключение

Самостоятельность (автономия) предполагает достижение уровня мастерства, соответствующего социальным ожиданиям. В сущности, человек может быть самостоятельным, выполняя действия автоматически, без рефлексии. В то время как агентность означает преодоление рамок того, что считается «типичным». Действие агента всегда осмысленно и рефлексивно. На уровне привычек это может проявляться как постоянная осознанная оценка ситуации, когда человек задается вопросом о приемлемости текущего контекста. Со временем такой процесс осмысления может стать автоматическим, но он всегда требует оценки.

Агентность включает в себя две основные способности: (1) способность подвергать сомнению определенные аспекты социального мира и (2) инициативу попытаться изменить его таким образом, чтобы он стал лучше в представлении индивида.

На нашу идентичность влияет понимание того, кто мы, что для нас важно и чего мы желаем. Это понимание помогает нам определить воспринимаемые границы, будь они внутренние или внешние. Если самостоятельность связана с внутренними границами, которые мы ощущаем на пути к мастерству, то агентность относится к внешним границам в нашем социальном мире.

В контексте дихотомии «преемственность и изменение» разграничение самостоятельности (автономии) и агентности тоже оказывается продуктивным.

1. Самостоятельность фокусируется на поддержании существующего порядка (преемственность). Примером может служить ребенок, который учится выполнять действия, принятые в его социальной группе. Агентность стремится к индивидуальному выбору – от индивидуального преобразования ситуации до создания чего-то нового (изменение).

2. При ориентации на самостоятельность акцент делается на групповой идентичности. Человек стремится вписаться в определенную социальную категорию (например, «отличник» или «победитель олимпиады»). Он может принять характерные для группы цели как собственные, но, тем не менее, речь идет о принадлежности к определенной группе. При ориентации на агентность акцентируется внимание на индивидуальном поиске идентичности, на стремлении понять свое «Я», свои желания и мотивы.

3. В самостоятельном (автономном) действии принципы и ценности принимаются без особых сомнений и определяют поведение индивида. В агентности принципы и ценности могут быть подвергнуты пересмотру. Они могут быть изменены или же приняты без изменений, но уже на осознанном уровне.

Реализация «агентности» в образовательных системах действительно может быть сложной задачей. Когда педагоги стремятся интегрировать агентность в образование, они обычно используют широкую концепцию агентности, которая может охватывать как психологическое, так и социологическое толкование этого термина. Поэтому при попытке реализовать эту концепцию на практике может возникать некоторая путаница. С одной стороны, педагоги хотят поощрять индивидуальную агентность учащихся, понимаемую как самоэффективность, автономия и самодетерминированное поведение (что больше соответствует психологическому пониманию агентности). С другой стороны, им также необходимо учитывать социологические аспекты агентности: как социальные нормы, структуры формируют и иногда ограничивают способность учащихся проявлять агентность.

Зафиксируем важные для учителя базовые разграничения в упрощенном виде. Самостоятельность подразумевает движение к заданной цели без посторонней помощи, в определенной сфере, с акцентом на вопросе «как». Агентность же – о постановке собственных целей и совершении выбора, без привязки к какой-либо сфере (универсальна), с акцентом на вопросах «что» и «зачем». Надеемся, что разграничение смысловых различий поможет прояснить путаницу и планировать реалистичные образовательные результаты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Национальное образование, 2016 (1934). [Vygotsky L.S. (2016 (1934)) *Thought and Language*. Moscow: Nacionaie obrazovanie. (In Russ.)]
- Давыдов В.В., Варданян А.У. Учебная деятельность и моделирование. Ереван: Луйс, 1981. [Davydov V., Vardanyan A. (1981) *Learning activity and design*. Yerevan: Luis. (In Russ.)]
- Добрякова М.С., Фрумин И.Д. и др. Универсальные компетентности и новая грамотность: от лозунгов к реальности. М.: ВШЭ, 2020. [Dobryakova M.S., Frumin I.D. et al. (2020) *Key competences and new literacies: from slogans to school reality*. Moscow: HSE University. (In Russ.)]
- Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010. [Petrovsky V. (2010) *Man above the situation*. Moscow: Smysl. (In Russ.)]
- Поддержка и развитие «мягких» навыков в школе: атлас практических решений / Под ред. М.С. Добряковой, Е.И. Казаковой. М.: Мультивейс, 2023. [Fostering Soft Skills at School: A Handbook for Teachers. (2023) Ed. by M. Dobryakova, E. Kazakova. Moscow: Multiveis. (In Russ.)]
- Поливанова К.Н., Бочавер А.А. Возможна ли детская самостоятельность в современной школе? // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27. № 3. С. 6–15. [Polivanova K., Bochaver A. (2022) Is child autonomy possible in the modern school? *Psychologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. Vol. 27. No. 3: 6–15. (In Russ.)]. DOI: 10.17759/pse.2022270301
- Сорокин П.С. и др. Новые требования к человеческому потенциалу: развитие самостоятельности: доклад к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. М.: ВШЭ, 2022. [Sorokin P.S., et al. (2022). *New Requirements for Human Potential: Developing Agency: Report for the XXIII Yasin (April) International Scientific Conference on Economic and Social Development Issues*. Moscow: VSHE. (In Russ.)]
- Archer M. (2003) *Structure, Agency and the Internal Conversation*. Cambridge University Press.
- Bamberg S., Rees J.H., Schulte M. (2018). Environmental protection through societal change: What psychology knows about collective climate action – and what it needs to find out. In: Clayton S., Manning C. (eds) *Psychology and climate change: Human perceptions, impacts, and responses*. Elsevier Academic Press: 185–213.
- Bandura A. (1986) *Social Foundations of Thought and Action: A Social Cognitive Theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Bandura A. (2001) Social cognitive theory: An agentic perspective. *Annual Review of Psychology*. Vol. 52(1): 1–26.
- Bandura A. (2006) Toward a psychology of human agency. *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 1(2): 164–180.
- Bourdieu P. (1977) *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge University Press.
- Calhoun C. (1991) The problem of identity in collective action. In: Huber J. (ed.) *Macro-Micro Linkages in Sociology*. American Sociological Association presidential series: notes on nursing theories Sage Publications. Vol. 6: 51–75.
- Castells M. (2010) *The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society, and Culture*. Vol. II. Malden, MA: Wiley-Blackwell.
- de la Sablonnière R. et al. (2009) Reconceptualizing relative deprivation in the context of dramatic social change: the challenge confronting the people of Kyrgyzstan. *European Journal of Social Psychology*. Vol. 39: 325–345. DOI: 10.1002/ejsp.519.
- de la Sablonnière R. et al. (2012) Social change in South Africa: A historical approach to relative deprivation. *British Journal of Social Psychology*. Vol. 52(4). DOI: 10.1111/bjso.12003.
- de la Sablonnière R. et al. (2013) Dramatic Social Change: A Social Psychological Perspective. *Journal of Social and Political Psychology*. Vol. 1(1): 253–272. DOI: 10.5964/jssp.v1i1.14.
- Dobryakova M. et al. (2023) *Key Competences and New Literacies: From Slogans to School Reality*. UNIPA Springer Series. Springer, Cham.
- Dörner D., Funke J. (2017) Complex Problem Solving: What It Is and What It Is Not. *Frontiers in Psychology*. Vol. 11 (8): 1153. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.01153.
- Emirbayer M., Goodwin J. (1994) Network Analysis, Culture, and the Problem of Agency. *American Journal of Sociology*. Vol. 99 (6): 1411–1415.
- Emirbayer M., Mische A. (1998) What is agency? *American Journal of Sociology*. Vol. 103(4): 962–1023.
- Erikson E.H. (1968) *Identity: Youth and Crisis*. New York: Norton & Co.
- Giddens A. (1984) *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Polity Press.
- Giddens A. (1991) *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford Univ. Press.
- Giroux H. (2022) An Interview with Henry A. Giroux: Cultural Studies and Pandemic Pedagogy. In: *Critical Pedagogy and the Covid-19 Pandemic. Keeping Communities Together in Times of Crisis*. Ed. by F. Mizikaci, E. Ata. Bloomsbury Publishing.

- Grünbaum T. (2009) Action and Agency. In: Gallagher S., Schmicking D. (eds) *Handbook of Phenomenology and Cognitive Science*. Springer: 337–354. DOI: 10.1007/978-90-481-2646-0_19.
- Heidegger M. (1962) *Being and Time*. Harper & Row.
- Hitlin S., Elder G.H. (2007) Time, self, and the curiously abstract concept of agency. *Sociological Theory*. Vol. 25(2): 170–191.
- Jenkins R. (2008) *Social Identity*. 3rd ed. London: Routledge.
- Meca A. et al. (2015) Identity Centrality and Psychosocial Functioning: A Person-Centered Approach. In: *Emerging Adulthood*. Vol. 3 (5): 327–339.
- Melucci A. (1996) *Challenging codes: collective action in the information age*. Cambridge University Press.
- Meyers D.T. (1989) *Self, Society, and Personal Choice*. New York: Columbia University Press.
- OECD. (2019) Student Agency for 2030. URL: https://www.oecd.org/education/2030-project/teaching-and-learning/learning/student-agency/Student_Agency_for_2030_concept_note.pdf (accessed 15.07.2023).
- OECD. (2021) Student Agency for 2030. Conceptual learning framework. OECD Future of Education and Skills 2030. URL: https://www.oecd.org/education/2030-project/teaching-and-learning/learning/student-agency/Student_Agency_for_2030_concept_note.pdf (accessed 15.07.2023).
- Offe C. (1985) New Social Movements: Challenging the Boundaries of Institutional Politics. *Social Research*. Vol. 52: 4.
- Parsons T. (1949 (1937)) *The Structure of Social Action*. 2nd ed. Glencoe: The Free Press.
- Rowe I.V. (2022) *Agency: The Four Point Plan (F.R.E.E.) for All Children to Overcome the Victimhood Narrative and Discover Their Pathway to Power*. Templeton Press.
- Sablin I. (2012) Written Oral History: Dimensions of identity of Chukotka's indigenous people in the works of Rytkheu. *AlterNative: An International Journal of Indigenous Peoples*. Vol. 8(1): 27–41. DOI: 10.1177/117718011200800103.
- Seligman M. (2021) Agency in Greco-Roman philosophy. *The Journal of Positive Psychology*. Vol. 16(1): 1–10. DOI: 10.1080/17439760.2020.1832250.
- Simmel G. (1971) *On Individuality and Social Forms: selected writings*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Stryker S. (1968) Identity salience and role performance: The relevance of symbolic interaction theory for family research. *Journal of Marriage and the Family*. Vol. 30(4): 558–564.
- Stryker S. (1980) *Symbolic interactionism: A social structural version*. Benjamin-Cummings Publishing Company.
- Stryker S., Burke P.J. (1994) The past, present, and future of an identity theory. *Social Psychology Quarterly*. Vol. 63: 284–297.
- Touraine A. (1980) The Voice and the Eye: On the Relationship between Actors and Analysts. *Political Psychology*. Vol. 2(1): 3–14.
- UNESCO. (2020) Schools must prioritize fostering learner agency. In: Bajaj M. *The Blue Dot*. Special Iss.: 53–57. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373713> (accessed 20.05.2023).
- White H. (1992) *Identity and Control: A Structural Theory of Social Action*. Princeton: Princeton University Press.
- Wright Mills C. (1959) *The Sociological Imagination*. Oxford University Press.
- Zimmerman B.J. (2000) Self-efficacy: An essential motive to learn. *Contemporary Educational Psychology*. Vol. 25(1): 82–91.

Статья поступила: 21.08.23. Финальная версия: 02.10.23. Принята к публикации: 25.10.23.

AGENCY AND AUTONOMY AS A LEARNING OUTCOME: DISTINGUISHING THE NOTIONS

DOBRYAKOVA M.S.*, YURCHENKO O.V.**

*HSE University, Russia; **Institute of Sociology of FCTAS, RAS, Russia

---

Maria S. DOBRYAKOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Expert of the Institute of Education of the HSE University (mdobryakova@hse.ru); Olesya V. YURCHENKO, Cand. Sci. (Sociol.), PhD, Senior Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (olesya@mail.ru). Both – Moscow, Russia.

Abstract. The article explores conceptual difference between the notions of “autonomy” and “agency” in relation to students’ learning outcomes. These concepts are often used as synonyms. We argue that distinguishing them is more productive for practical pedagogy. Unfolding the essence of agentive action in 9 theoretical theses based on sociological and psychological approaches, we trace its prerequisites and outline the forks where agency and autonomy diverge. Agency implies a desire for change based on a consciously constructed identity and values. Independence focuses on achieving mastery within existing roles and social norms. In a social sense, in the continuity/change pair, independence aims at continuity, while agency aims at change. Distinguishing these concepts will help consciously design learning situations and set realistic learning outcomes. However, can agency be a realistic measurable learning outcome in the conventional sense? Probably not, since it is tied to identity and personal attitudes towards social situations, and will therefore be very individual. Autonomy as a learning outcome is simpler, for ultimately it requires comparing the student’s skills to those of an adult. The key factor differentiating autonomy and agency is the nature of the individual’s identity – its orientation towards reproducing the existing or towards individual search and change.

Keywords: autonomy, agency, education, distinction, learning outcomes.

Received: 21.08.23. Final version: 02.10.23. Accepted: 25.10.23.

Т.В. ГАВРИЛЮК, В.Ю. БОЧАРОВ, Т.В. ПОГОДАЕВА

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ПЕРВОКУРСНИКОВ ПО ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ СТРАТЕГИЯМ В УСЛОВИЯХ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЙ ОБУЧЕНИЯ

ГАВРИЛЮК Татьяна Владимировна – кандидат социологических наук, руководитель Центра образовательной аналитики, ведущий научный сотрудник (tv_gavrilyuk@mail.ru); БОЧАРОВ Владислав Юрьевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и культурологии Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королёва, Самара, Россия; ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия; аналитик Центра образовательной аналитики (v.y.bocharov@utmn.ru); ПОГОДАЕВА Таисья Владимировна – кандидат экономических наук, советник ректора (t.v.pogodaeva@utmn.ru). Все – Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия.

Аннотация. Статья посвящена типологическому анализу студентов-первокурсников по характеру образовательных стратегий в условиях экспериментального обучения по индивидуальным образовательным траекториям, апробируемого в Тюменском государственном университете. Используя эвристический потенциал типологического подхода применительно к данным массового анкетного опроса студентов-первокурсников, были выделены две части типобразующих признаков и сформированы соответствующие эмпирические индикаторы. С помощью методов факторного и кластерного анализа было выявлено три модальных типологических группы первокурсников, каждой из которых присуща собственная образовательная стратегия в вузе. Делаются выводы о целесообразности построения подобной типологии именно в начале образовательной траектории студента, так как это даёт возможность для принятия своевременных управленческих решений по развитию желательных и коррекции нежелательных для вуза и рынка труда образовательных стратегий.

Ключевые слова: образовательные стратегии • индивидуальные образовательные траектории • реформа высшего образования • индивидуализированное обучение • типологический анализ

DOI: 10.31857/S013216250028535-1

Введение. К наиболее значимым инновациям в сфере высшего образования относится переход ряда российских вузов к персонализированному обучению по индивидуальным образовательным траекториям (далее – ИОТ). Российскому понятию ИОТ по смыслу в большей степени соответствует зарубежное определение «личного учебного пути» («personal learning pathway»), которое предполагает освоение одной или более последовательностей учебных дисциплин («learning sequences»), а также возможность студента ориентироваться в этих последовательностях и в образовательном пространстве в целом [Salinas, Benito, 2020]. Для российских подходов характерно встраивание образовательной траектории в более широкую категорию «жизненной стратегии», которая в зарубежном дискурсе используется редко. На сегодняшний день в отечественной науке представлены исследовательские кейсы, анализирующие эксперименты по построению ИОТ для разных групп обучающихся – людей с ограниченными физическими возможностями, педагогов, инженеров, спортсменов и др. [Куликова и др., 2016; Мартынова, 2017; Pogosyan, 2020; Гасанова, 2021], однако эмпирических социологических исследований результатов

Авторы выражают признательность за консультирование при подготовке этой статьи д.соц.н., проф. Г.Г. Татаровой.

внедрения ИОТ в вузовское пространство пока недостаточно. Авторы отмечают, что студентам в современных реалиях необходимо научиться, прежде всего, действовать в условиях постоянных изменений, обладать цифровой грамотностью и адаптивностью к технологическим инновациям, быть ориентированными на непрерывную индивидуальную мобильность, в том числе в границах профессионального поля деятельности, и, соответственно, непрерывно совершенствовать собственные компетенции [Дробышева, 2018: 7]. Устойчивые требования к компетенциям специалистов сопровождаются необходимостью развивать так называемые «soft skills» – универсальные компетенции и личностные качества, требующиеся для успешной самореализации. Вместе с тем переход вузов к образовательной модели на основе ИОТ на сегодняшний день не до конца завершен. Многие агенты образовательного пространства сохраняют привычные установки, присущие традиционному способу вузовской подготовки, в то время как цели и задачи высшей школы меняются. Понимание стратегий действия студентов в границах нового образовательного пространства, сложившегося в результате внедрения ИОТ, становится актуальной исследовательской задачей в условиях изменения вектора государственной политики в отношении принципов образовательного процесса.

Образовательные стратегии как предмет социологических исследований. Понятие «образовательная стратегия» является устойчивым для российской социологии. Обобщение полувекковой традиции исследования данной проблематики в отечественной науке представлено в коллективной монографии ФНИСЦ РАН «Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования». В книге дается исчерпывающий анализ образовательных стратегий выпускников 11 классов, авторами анализируется динамика мотивации образовательного выбора, характера планирования образовательного пути, связи образования и жизненного успеха в представлениях молодежи, факторов академической успешности [Новые смыслы..., 2015]. Помимо указанного авторского коллектива, следует отметить значимую работу К.С. Фурсова, в которой на основании факторного анализа выделено восемь типов образовательных стратегий студентов российских вузов, описана логика мотивации и действий студентов в их рамках, например: «самореализация в профессиональной сфере», «избегание деятельности (вечный студент)», «направленное развитие» и т.д. [Фурсов, 2006].

Среди недавних эмпирических проектов можно назвать мониторинг образовательных стратегий абитуриентов, проводимый исследователями из МГУ им. М.В. Ломоносова. На основании опроса школьников они выделили несколько типов стратегий, которые интерпретируются в качестве «моделей-целей» получения образования: образование как ценность; как средство достижения статуса и материального благополучия; как продолжение семейной традиции; как средство достижения иных целей [Васенина и др., 2019: 117]. Также среди актуальных работ выделяется статья П.А. Амбаров и Г.Е. Зборовского, посвященная стратегиям образовательного поведения студентов региональных вузов, нацеленным на достижение образовательной успешности. В результате авторы выделяют четыре таких стратегии: традиционную, инновационную, имитационную и стратегию «ухода» [Амбарова, Зборовский, 2021]. Присутствуют в российском дискурсе и исследования образовательных стратегий молодежи нового рабочего класса сквозь призму совокупности факторов, таких как образовательный статус родительской семьи, отношение к школьному и профессиональному образованию, оценка влияния образования на жизненный успех, сфера занятости рабочего и модель его трудового поведения [Гаврилюк, 2020: 230–232].

Смежным по отношению к «образовательной стратегии» является понятие «образовательная траектория». Также можно встретить определение образовательной стратегии в качестве процесса движения по образовательной траектории [Терентьев, 2016: 18]. Исследователи НИУ ВШЭ реализуют лонгитюдный проект «Траектории в образовании и профессии», целью которого является типологизация образовательных и ранних карьерных траекторий высокообразованной молодежи, определение индивидуальных факторов, предсказывающих

включение в ту или иную траекторию. В результате авторами выделены девять типичных траекторий: несколько разновидностей линейного трека, карьерная траектория, реверсивная, отложенная, нестабильная и транзитная [Мальцева, Розенфельд, 2022].

В зарубежном социологическом дискурсе подходы к исследованию образовательных стратегий и траекторий условно можно разделить, исходя из доминирования объяснительных моделей, придающих первичное значение социальной структуре или индивидуальной агентности. С позиции приоритета социальных факторов доминирует бурдьевиистская традиция, берущая начало в работе П. Бурдьё и Ж.-К. Пассрона о воспроизводстве классовой структуры общества через образовательную систему [Бурдьё, Пассрон, 2007]. В рамках структурных подходов образовательные стратегии студентов вузов чаще всего анализируются в категориях образовательного выбора и образовательных решений в связи с различиями экономического положения семьи [Lane, 1972] либо социального класса и классового культурного капитала [Barg, 2015; Pitzalis, Porcu, 2017]. Когда же решающее значение придается индивидуальной субъектности, внимание авторов концентрируется, как правило, на исследовании образовательного опыта людей в контексте жизненного пути, их повседневных практиках в границах образовательных институтов и за их пределами, индивидуальной логики интерпретации жизненных событий [Schaffer et al., 2013; Wong, Chiu, 2019]. В рамках данного подхода распространены исследования, подчеркивающие механизмы преодоления структурных ограничений за счет индивидуальных усилий. Так, исследуются образовательные стратегии и траектории социально непривилегированных групп, чьи ресурсы и возможности изначально ограничены, – мигрантов, этнических меньшинств, выходцев из рабочего класса, взрослых людей, впервые получающих высшее образование, и др. [Schaffer et al., 2013; Varjo et al., 2020]. Присутствуют в зарубежном дискурсе исследования образовательных стратегий различных групп в контексте парадигмы непрерывного обучения («lifelong learning») [Endres et al., 2021; Tsatsaroni, Sarakinioti, 2018]. Редко встречается ракурс анализа, охватывающий соотношение экономических и социальных макрофакторов, бэкграунда родительской семьи и индивидуальных мотивов обучающихся [van de Werfhorst et al., 2005]. Отдельные исследования посвящены образовательным стратегиям студентов различных направлений подготовки, например будущих медицинских работников [Hindhede, 2020]. Особый подход к анализу образовательных траекторий представлен в рамках исследований жизненного пути («life course studies»), когда получение образования интерпретируется как одна из транзитивных точек перехода во взрослую жизнь наряду со значимыми событиями в рамках других базовых траекторий жизни – семейной, профессиональной и карьерной [Jackson, Berkowitz, 2005].

В рамках нашего исследования мы придерживаемся традиционного для российской социологии подхода к определению образовательной стратегии, рассматривая её как составляющую жизненной стратегии личности. Наличие или отсутствие жизненной стратегии определяет степень сформированности личности как социального субъекта. Для идеального типа личностной субъектности характерны высокая степень саморегуляции и самоорганизации; способность целенаправленно и оптимально использовать ресурсы, возможности, опыт для решения поставленных задач; позитивная направленность жизненной стратегии, стремление к самосовершенствованию и удовлетворению потребностей в самореализации; способность взять на себя ответственность за принимаемые решения и динамику собственной жизни.

Цель и методология исследования. Предлагаемое исследование фокусируется на анализе образовательных стратегий студентов на этапе вхождения в институциональное пространство вуза для дальнейшего сравнения с аналогичными данными о студентах выпускного курса. Кроме того, ставится задача выявления среди студентов типологических групп, различающихся по характеру образовательных стратегий. Под образовательной стратегией студента вуза мы понимаем *набор личностных диспозиций и репертуар поведенческих паттернов в границах образовательного института и за его пределами*. Анализ данного феномена мы связываем с *выявлением наличия или отсутствия планирования*

достижения некоей цели (профессионализация, саморазвитие, получение диплома, материальное благополучие и др.), выбором средств и форм деятельности, которые должны привести к достижению поставленных целей в заданных институциональных условиях (переход вуза к модели обучения по ИОТ).

В статье представлены результаты первого этапа мониторингового проекта, осуществляемого Центром образовательной аналитики ТюмГУ и направленного на поиск типологических синдромов¹ и эмпирических закономерностей для выдвижения гипотезы о существовании внутри студенчества различных типологических групп по специфике образовательных стратегий, которые можно рассматривать как качественно отличные друг от друга объекты управленческого воздействия. Основание типологии сформулируем следующим образом: два респондента близки, похожи, если у них 1) одинаковые цели и мотивы получения образования; 2) схожий характер планирования образовательной траектории в границах образовательного института и личного образовательного пути; 3) одинаковые ожидания от учебы в вузе и отношение к инструментам достижения академической успешности.

В рамках типологического анализа использовались две части типобразующих признаков [Татарова, 2007: 94–97] и вводились соответствующие эмпирические индикаторы. Первая группа типобразующих признаков касалась характеристик изучаемого явления, составляющих основание типологии: 1) место образования в структуре базовых ценностей; 2) отношение к образованию как средству достижения жизненного успеха; 3) планирование образовательного пути в границах университета и за его пределами; 4) мотивы выбора образовательной программы и ожидания от учебы; 5) наличие или отсутствие идентификации с будущей профессией/сферой деятельности; 6) степень социальной адаптации в вузе; 7) оценка модели обучения по ИОТ как инструмента приобретения профессиональных и общих компетенций.

Вторая часть типобразующих признаков касалась характеристик социальных факторов, посредством которых может происходить объяснение существования типов изучаемого феномена в тех или иных условиях: 1) группа специальностей (социально-гуманитарные или естественнонаучные); 2) классовый статус родительской семьи; 3) оценка школьного опыта и готовности к учебе в вузе; 4) карьерные, статусные и материальные (финансовые) ожидания.

Исследование проводилось методом анкетного опроса, аудиторно, на базе программы «Анкетолог» и включало в себя предварительный инструктаж респондентов интервьюером. Эмпирическим объектом выступили студенты-первокурсники Тюменского государственного университета (ТюмГУ). Выборочная совокупность носила целевой характер, являясь репрезентативной по полу и группе специальностей. Количество участников исследования составило 1000 человек, из них студенты естественнонаучных специальностей – 360 человек (36%), социально-гуманитарных специальностей – 640 человек (64%), что соответствует структуре генеральной совокупности первокурсников, поступивших в ТюмГУ в 2022 г. (генеральная совокупность 3760 человек, из них 2253 женского пола, 1507 мужского пола, 2132 – социально-гуманитарные специальности, 1228 – естественнонаучные специальности). Также из этой 1000 человек было опрошено 400 человек (40%) мужского пола и 600 человек (60%) женского пола. Сбор данных производился в декабре 2022 г. Анализ осуществлялся в программе IBM SPSS Statistics, основными методами выступили частотный, факторный и кластерный анализ.

Результаты исследования. Для классификации студентов-первокурсников в соответствии с их ожиданиями от учебы в вузе использовался вопрос: «*Поделитесь, пожалуйста, своими ожиданиями от обучения в ТюмГУ, оценив предложенные утверждения по пятибалльной шкале от «1» – полностью согласен до «5» – совершенно не согласен.*»

¹ Нами используются языковые конструкты, предложенные в работе [Типологический анализ..., 2023: 132].

Для формирования классификационных признаков по переменным, описывающим «ожидания от учебы», был проведен факторный анализ (метод главных компонент, вращение факторов по методу Варимакс с нормализацией Кайзера), который позволил выделить три фактора (табл. 1).

Фактор 1: значимость профессиональных и общих компетенций. Объединяет в себя 4 переменные, отражающие ожидания первокурсников относительно приобретаемых в вузе компетенций: «окончив университет, я смогу работать в разных сферах, так как приобрету широкие компетенции, позволяющие найти хорошую работу»; «уверен, что в университете мне дадут актуальные знания, которые пригодятся в дальнейшей работе»; «обучение в университете поможет мне освоить цифровые технологии, необходимые для работы и жизни»; «обучение в университете поможет мне развиваться не только как профессионалу, но и как личности».

Фактор 2: значимость коммуникации и эрудиции. Объединяет в себя 2 переменные: «хочу испытать особый жизненный опыт студенчества, приобрести новых друзей, общаться, развлекаться»; «в университете я планирую расширить кругозор и реализовать свои интересы помимо основной специальности».

Фактор 3: минимальные утилитарные ожидания. Объединяет в себя 2 переменные, отражающие отсутствие ожиданий первокурсника относительно приобретения необходимых компетенций во время учебы в вузе, ориентацию на социально одобряемый, формальный результат обучения: «у меня нет ожиданий от учебы, скорее, я хочу оправдать ожидания родителей»; «я просто хочу получить диплом о высшем образовании, каких-то особых ожиданий у меня нет».

В рамках кластерного анализа осуществлялась классификация респондентов на группы на основании их существенных характеристик (факторов) с помощью метода K-means (K-средних) как оптимального при большом количестве анализируемых объектов (наблюдений). Этот метод предусматривает разбиение множества объектов на заданное исследователем число кластеров так, чтобы *средние значения* для кластеров по каждой из переменных максимально различались. Эмпирическим путем как наиболее обоснованное нами было выбрано трёхкластерное решение. Обоснованность выбора трёхкластерной модели подтверждается показателями F-статистики (статистика Фишера) и величиной статистической значимости (имеющей

Таблица 1

Матрица факторных нагрузок по характеристикам ожиданий от учебы в вузе

Переменные	Фактор		
	1	2	3
Окончив университет, я смогу работать в разных сферах, так как приобрету широкие компетенции, позволяющие найти хорошую работу	0,838		
Уверен, что в университете мне дадут актуальные знания, которые пригодятся в дальнейшей работе	0,834		
Обучение в университете поможет мне освоить цифровые технологии, необходимые для работы и жизни	0,755		
Обучение в университете поможет мне развиваться не только как профессионалу, но и как личности	0,653		
Хочу испытать особый жизненный опыт студенчества, приобрести новых друзей, общаться, развлекаться		0,897	
В университете я планирую расширить кругозор и реализовать свои интересы помимо основной специальности		0,642	
У меня нет ожиданий от учебы, скорее, я хочу оправдать ожидания родителей			0,925
Я просто хочу получить диплом о высшем образовании, каких-то особых ожиданий у меня нет			0,787

Примечание. Приведены переменные со значениями нагрузок > 0,5.

Таблица 2

Конечные центры кластеров для трехкластерной модели

Классификационные признаки	Кластеры		
	1	2	3
Значимость профессиональных и общих компетенций	0,76	-0,71	0,12
Значимость коммуникации и эрудиции	-0,45	-0,33	1,58
Минимальные утилитарные ожидания	0,23	-0,11	-0,20
Число объектов в классе	372	431	197
Доля объектов в классе, в % опрошенных	37,2	43,1	19,7

значения менее 0,05), одномерного однофакторного дисперсионного анализа (one-way ANOVA). Конечные центры кластеров, вокруг которых и происходит группировка объектов заданного от центра порогового значения, представлены в табл. 2.

Интерпретация выделенных классов посредством второй группы типобразующих признаков позволяет утверждать, что они по сути являются типологическими группами среди первокурсников в условиях реализации ИОТ. Сходство и различие этих групп иллюстрируется в табл. 3.

Таблица 3

Характеристики типологических групп первокурсников

Типообразующие признаки	Типологические группы		
	№ 1 (37,2%)	№ 2 (43,1%)	№ 3 (19,7%)
<i>Характеристики изучаемого явления</i>			
Место образования в структуре базовых ценностей	3/4 считают, что важно получить качественное образование	3/4 считают, что важно получить качественное образование	2/3 считают, что важно получить качественное образование
Отношение к образованию как средству достижения жизненного успеха	Более 1/4 декларируют необходимость высшего образования для жизненного успеха, почти 1/5 считают, что уровень образования не имеет значения, а важно устроиться на хорошую работу	Более 1/3 декларируют необходимость высшего образования для жизненного успеха	Около 1/5 декларируют необходимость высшего образования для жизненного успеха, около 1/3 считают, что достаточно иметь среднее профессиональное образование
Планирование образовательного пути в границах университета и за его пределами	Менее выраженная ориентация на обучение в магистратуре, сильно выраженное желание заниматься самообразованием	Ярко выраженная ориентация на обучение в магистратуре и параллельное обучение на курсах по интересам	Почти половина не имеют четких планов дальнейшего обучения, почти 40% не собираются получать дополнительное образование, надеясь получить необходимую информацию из Интернета или доучиться на рабочем месте
Мотивы выбора образовательной программы и ожидания от учебы по ИОТ	Достаточно сильно выражены мотивы интереса и престижа специальности, стремление развить общительность, самоорганизацию и лидерские качества	Наиболее ярко выражены мотивы интереса и престижа специальности, стремление развить навыки работы в команде и общительность	Менее выражен мотив интереса при выборе специальности, более выражены материальные ожидания от будущей профессии и ориентация на легкость поступления

Окончание таблицы 3

Типообразующие признаки	Типологические группы		
	№ 1 (37,2%)	№ 2 (43,1%)	№ 3 (19,7%)
<i>Характеристики изучаемого явления</i>			
Наличие или отсутствие идентификации с будущей профессией/сферой деятельности	Средний уровень идентификации	Высокий уровень идентификации	Низкий уровень идентификации или её отсутствие
Степень социальной адаптации в вузе	Средняя, около 2/3 удовлетворены обучением, каждый 10-й – нет.	Высокая, почти 100% рады/удовлетворены своим обучением в вузе	Низкая, наиболее выражена доля неудовлетворенных учебной в вузе и обучающихся «вынужденно»
Оценка модели обучения по ИОТ как инструмента приобретения профессиональных и общих компетенций	Средняя оценка; считают, что общие и профессиональные компетенции важны в равной степени	Высокая оценка; ориентация на самостоятельное построение образовательной траектории, уникальную междисциплинарную подготовку, обучение в смешанных группах и развитие профессиональных компетенций	Низкая оценка; более выражена ориентация на учебу «как в школе»
<i>Социальные факторы, оказывающие влияние на изучаемое явление</i>			
Группа учебных специальностей	значимых различий нет		
Классовый статус родительской семьи	Около 70% – средний класс, почти 1/4 – рабочий класс, более 5% – «элита»	Почти 4/5 – средний класс, более 5% – «элита»	Около 4/5 – средний класс и 1/5 – рабочий класс
Оценка школьного опыта и готовности к учебе в вузе	Средняя	Высокая	Средняя, более выражена доля тех, кому не нравилось учиться в школе
Карьерные, статусные и материальные (финансовые) ожидания	Высокий уровень инициативности в жизни, ориентация на предпринимательство, стремление повысить свой социальный статус в сравнении с родительской семьей	Высокая уверенность в своих силах, оптимизм в отношении будущей профессии и карьеры, стремление повысить свой социальный статус в сравнении с родительской семьей	Невысокие карьерные ожидания и материальные запросы, более выраженные опасения сохранить текущее статусное положение

Сравнительный анализ типологических групп студентов-первокурсников позволяет в соответствии со спецификой образовательных стратегий их представителей присвоить условные наименования, выделить доминирующие в группе стратегии и выдвинуть гипотезу о существовании в современных реалиях трех основных социальных типов.

Тип 1: «Общение и друзья» (37,2%). Основная образовательная стратегия – расширение социального капитала, использование неформальных связей для адаптации в вузе и решения учебных задач, а также в целом для достижения жизненного успеха. Достаточно высокий уровень адаптированности к вузовскому пространству, процессу обучения и внеучебной активности позволяет прогнозировать вероятность успешного окончания обучения по программе бакалавриата и в дальнейшем либо поступление в магистратуру, либо удачное трудоустройство на рынке труда, либо попытки заняться предпринимательством.

Получаемая в настоящее время специальность, скорее всего, не будет играть определяющую роль в выборе направления магистратуры или профессионального трудоустройства. На первом месте среди личностных качеств, значимых для успешной самореализации, у них навыки коммуникации, нестандартное мышление, самоорганизация, ответственность, лидерские качества. Около половины представителей этой группы ценят способ обучения в смешанных группах со студентами других специальностей и курсов за возможность расширить свои контакты, познакомиться с интересными людьми. Хотели бы и дальше учиться по системе ИОТ с возможностью выбора учебных дисциплин – 76,6%.

Тип 2: «Профессиональные компетенции» (43,1%). Основная образовательная стратегия – стратегия личной ответственности, выражающаяся в высокой учебно-познавательной активности, стремлении к овладению дополнительными знаниями, как правило, в рамках образовательного пространства вуза. Очень высокая вероятность успешного окончания программы бакалавриата и продолжения линейной образовательной траектории – поступление в магистратуру по своей нынешней специальности (60% ориентировано на магистратуру, при этом почти половина из них – на продолжение обучения по текущему профилю подготовки). Студенты этого типа наиболее позитивно настроены к учебе, рассматривают её как основу личного роста. Осознанно выбирали специальность, руководствуясь собственными интересами, почти 3/4 из них (72,6%), а около 40% также ориентировались на востребованность и престиж. Для студентов этой группы характерна ориентация на овладение, прежде всего, профессиональными компетенциями, самостоятельное построение образовательной траектории, уникальную междисциплинарную подготовку. Студенты этого типа чаще рассчитывают надолго остаться в профессии, а каждый четвертый – «на всю жизнь». На первом месте среди значимых личностных качеств и общих компетенций, которые они хотели бы развить за время учебы в вузе, – навыки коммуникации, командной работы, ответственность, умение создавать и презентовать проекты, умение ставить цели и достигать их. Наблюдается поддержка всех принципов ИОТ, даже у непопулярного в целом по массиву опрошенных принципа обучения в смешанных группах (уровень поддержки – 60,4%). Хотели бы и дальше учиться по системе ИОТ с возможностью выбора учебных курсов 83,1%.

Тип 3: «Получить “корочку” и оправдать ожидания родителей» (19,7%). Основная образовательная стратегия – стратегия пассивного присутствия, выражающаяся в отсутствии интереса к учебным курсам, формальном выполнении минимальных требований на фоне отсутствия планирования и, как следствие, склонность к тревоге за свое профессиональное будущее, что может помешать успешному окончанию программы бакалавриата и дальнейшей адаптации на рынке труда. Студенты этого типа в большей степени руководствуются внешними мотивами при образовательном выборе (легкость поступления, желание родителей, необходимость просто получить диплом – «корочку»). Они считают достаточным минимальный уровень высшего образования, подкрепленный дипломом, в магистратуру большинство из них не собирается. Представители этой группы реже с оптимизмом смотрят на своё профессиональное будущее (менее 40%) и не хотят о нём задумываться (почти 40% не знают, чем будут заниматься в будущем). В меньшей степени, в сравнении с другими типами, они рассчитывают на значимость собственных усилий в достижении успешного профессионального и карьерного будущего, имеют более скромные карьерные амбиции и зарплатные ожидания. Почти 1/4 студентов этого типа считает, что им достаточно стать рядовым наемным работником, а еще 14,5% говорят об отсутствии профессиональных и карьерных стремлений как таковых. Наиболее критично из всех они настроены к технологии обучения по ИОТ – 22,3% предпочли бы учиться по единой для всех программе и еще 14,7% говорят о том, что технология обучения для них не важна. Идею обучения в смешанных группах поддерживают всего 16,7%, тогда как каждый третий считает, что это плохая идея. Чаще студенты этого типа испытывают сложности в адаптации к вузовскому пространству, так, почти каждый четвертый (22,9%) говорит, что адаптироваться в смешанных группах ему будет тяжело. Более половины (53,1%)

утверждают, что приходят в университет только учиться, и никакие внеучебные мероприятия для них не представляют интереса. Хотели бы и дальше учиться по системе ИОТ с возможностью выбора учебных курсов 62,9%.

Выводы. 1. Обращение к типологическому подходу для анализа нового образовательного пространства, формируемого в ряде российских вузов в результате внедрения системы ИОТ, имеет смысл изучать на основе двух частей типобразующих признаков, каждая из которых играет собственную роль в процессе типологического анализа, а в качестве основания типологии использовать ожидания студентов-первокурсников от своей индивидуальной образовательной траектории.

2. Гипотеза о существовании трех социальных типов является вполне правдоподобной. Доминируют студенты типа 1 «Общение и друзья» (37,2%), реализующие стратегию расширения социального капитала, использования неформальных связей для адаптации в вузе и решения учебных задач, и типа 2 «Профессиональные компетенции» (43,1%), реализующие стратегию личной ответственности, выражающуюся в высокой учебно-познавательной активности, стремлении к овладению образовательными компетенциями и дополнительными знаниями. Порядка 1/5 студентов относятся к типу 3: «Получить “корочку” и оправдать ожидания родителей» (19,7%), чью образовательную стратегию можно охарактеризовать как пассивное присутствие, выражающееся в отсутствии интереса к учебе и ориентации на выполнение минимальных формальных требований.

3. Полученные эмпирические результаты дают возможность для принятия управленческих решений по развитию желательных для вуза и рынка труда (типы 1 и 2) и коррекцию нежелательных (тип 3) образовательных стратегий. Именно возможности обоснованного планирования и поиска социальных резервов в условиях еще не до конца освоенного ни преподавателями вузов, ни самими студентами нового образовательного пространства – важная черта реализуемого нами подхода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. Пути к успешности в образовании: поведенческие стратегии студенчества в региональных вузах России // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 11. С. 64–80. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-11-64-80.
- Бурдьё П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования / Пер. с франц. Н.А. Шматко. М.: Просвещение, 2007.
- Васенина И.В., Липатова М.Е., Сушко В.А. Профессиональные и образовательные стратегии современных абитуриентов // Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2019. № 25(4). С. 102–123. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-102-123.
- Гаврилюк В.В. Образование и профессиональный выбор рабочей молодежи // Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса. М.: Флинта, 2020. С. 201–235.
- Гасанова Р.Р. Разработка и осуществление персональных траекторий образования педагогов в дополнительном образовании // Профессиональное образование в современном мире. 2021. Т. 11. № 1. С. 125–135. DOI: 10.20913/2618-7515-2021-1-21.
- Дробышева Е.Э. Образовательные стратегии эпохи креативности // Культура и образование. 2018. № 4(31). С. 5–12.
- Куликова О.В., Сиухина Е.А., Тимофеева Л.В. Разработка образовательных траекторий спортсменов в рамках реализации компетентностного подхода и внедрения образовательных стандартов высшего образования // Управление в XXI веке: сб. ст. по мат. Междунар. науч.-практ. конф. Белгород, 2016. С. 31–33.
- Мальцева В.А., Розенфельд Н.Я. Траектории российской молодежи в образовании и профессии на материале лонгитюда: сложные маршруты выпускников вузов // Вопросы образования. 2022. № 3. С. 99–148. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-3-99-148.
- Мартынова Е.А. Построение индивидуальной образовательной траектории лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов, обучающихся в профессиональных образовательных организациях // Научный альманах. 2017. № 6–1. С. 156–160. DOI: 10.15826/umpra.2017.03.041.
- Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования. М.: ЦСПиМ, 2015.
- Татарова Г.Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М.: ВШЭ, 2007.

- Терентьев К.Ю. Образовательные стратегии российской молодежи: к построению типологии // Вестник СПбГУ. Социология. 2016. № 2. С. 17–27. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.202.
- Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура / Отв. ред. Г.Г. Татарова, А.В. Кученкова. М.: ФНИСЦ РАН, 2023.
- Фурсов К.С. Образовательные стратегии студентов российских вузов на этапе выхода на рынок труда: опыт эмпирического исследования // Вопросы образования. 2006. № 2. С. 222–241.
- Barg K. Educational Choice and Cultural Capital: Examining Social Stratification within an Institutionalized Dialogue between Family and School // *Sociology*. 2015. No. 49(6). P. 1113–1132. DOI: 10.1177/0038038514562854.
- Endres T., Leber J., Böttger C. et al. Improving Lifelong Learning by Fostering Students' Learning Strategies at University // *Psychology Learning & Teaching*. 2021. No. 20(1). P. 144–160. DOI: 10.1177/1475725720952025.
- Hindhede A.L. Medical students' educational strategies in an environment of prestige hierarchies of specialties and diseases // *British Journal of Sociology of Education*. 2020. Vol. 41. Iss. 3. P. 315–330. DOI: 10.1080/01425692.2019.1703645.
- Jackson P.B., Berkowitz A. The structure of the life course: gender and racioethnic variations in the occurrence and sequencing of role transitions // *Advances in Life Course Research*. 2005. Vol. 9. Special Issue: The Structure of the Life Course: Standardized? Individualized? Differentiated? P. 55–90.
- Lane M. Explaining Educational Choice // *Sociology*. 1972. No. 6(2). P. 255–266. DOI: 10.1177/003803857200600206.
- Pitzalis M., Porcu M. Cultural capital and educational strategies. Shaping boundaries between groups of students with homologous cultural behaviours // *British Journal of Sociology of Education*. 2017. Vol. 38. Iss. 7. P. 956–974. DOI: 10.1080/01425692.2016.1205968.
- Pogosyan M.A. Development of individual learning paths system in engineering education // 2020 IEEE Frontiers in Education Conference (FIE). P. 1–8. DOI: 10.1109/fie44824.2020.9274140.
- Salinas J., Benito B. Construction of personalized learning pathways through mixed methods // *Comunicar*. 2020. Vol. 28. No. 65. P. 31–41. DOI: 10.3916/C65-2020-03.
- Schaffer E.C., Stringfield S., Reynolds D., Schaffer J. Opportunity and Justice: Building a Valuable and Sustainable Educational Experience for Disenfranchised and Disengaged Youth // *Power and Education*. 2013. No. 5(1). P. 52–63. DOI: 10.2304/power.2013.5.1.52.
- Tsatsaroni A., Sarakinioti A. Thinking flexibility, rethinking boundaries: Students' educational choices in contemporary societies // *European Educational Research Journal*. 2018. No. 17(4). P. 507–527. DOI: 10.1177/1474904117744697.
- Varjo J., Kalalahti M., Jahnukainen M. The reasoning behind the envisioned educational trajectories of young people from Finnish and immigrant origins // *Education Inquiry*. 2020. Vol. 11. Iss. 4: Transitions and career learning: youth and governance perspectives. P. 360–378. DOI: 10.1080/20004508.2020.1716552.
- van de Werfhorst, Herman G., Andersen R. Social Background, Credential Inflation and Educational Strategies // *Acta Sociologica*. 2005. Vol. 48, No. 4. P. 321–340.
- Wong B., Chiu Y.-Li.T. Swallow your pride and fear': the educational strategies of high-achieving non-traditional university students // *British Journal of Sociology of Education*. 2019. Vol. 40. Iss. 7. P. 868–882. DOI: 10.1080/01425692.2019.1604209.

Статья поступила: 21.03.23. Финальная версия: 17.06.23. Принята к публикации: 19.10.23.

TYOLOGICAL GROUPS OF FIRST-YEAR STUDENTS BY EDUCATIONAL STRATEGIES IN CONDITIONS OF INDIVIDUAL LEARNING TRAJECTORIES

GAVRILYUK T.V.*, BOCHAROV V.Yu.*****, POGODAEVA T.V.*

*University of Tyumen, Russia; **Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Russia; *** Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia

Tatiana V. GAVRILYUK, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Leading Researcher, Head of the Center for Educational Analytic (tv_gavrilyuk@mail.ru); Vladislav Yu. BOCHAROV, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russia; Associate Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia; Analyst of the Center for Educational Analytics (v.y.bocharov@utmn.ru); Taisia V. POGODAEVA, Cand. Sci. (Econ.), Rector's Adviser (t.v.pogodaeva@utmn.ru). All – University of Tyumen, Tyumen, Russia.

Acknowledgements. The authors would like to acknowledge the advice given in preparing this article by Doctor of Sociological Sciences, Prof. G.G. Tatarova.

Abstract. The typological analysis of the first-year students' educational strategies in the conditions of experimental learning within individual learning pathways have been considered in the article. Using the heuristic potential of the typological approach in relation to the data of a mass questionnaire survey of first-year students at the Tyumen State University, two parts of type-forming features were identified and the corresponding empirical indicators were formed. Using the methods of factorial and cluster analysis, three modal typological groups of first-year students have been discerned, and each of them has its own educational strategy at the university. Conclusions have been drawn about the expediency of building such a typology at the beginning of the student's educational pathway, as this enables to make timely management decisions on the development of desirable and correction of undesirable learning strategies, as well as the possibility of further monitoring measurements.

Keywords: educational strategies, individual learning paths, higher education reform, individualized learning, typological analysis.

REFERENCES

- Ambarova P.A., Zborovsky G.E. (2021) Ways to Success in Education: Students' Behavioral Strategies in Regional Universities of Russia. *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. Vol. 30. No. 11: 64–80. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-11-64-80. (In Russ.)
- Barg K. (2015) Educational Choice and Cultural Capital: Examining Social Stratification within an Institutionalized Dialogue between Family and School. *Sociology*. Vol. 49(6): 1113–1132. DOI: 10.1177/0038038514562854.
- Bourdieu P., Passron J.-K. (2007) *Reproduction: elements of the theory of the education system*. Transl. from the Fr. by N.A. Shmatko. Moscow: Prosveshhenie. (In Russ.)
- Drobysheva E.E. Educational strategies of the era of creativity. *Kultura i obrazovanie* [Culture and Education]. 2018. Vol. 4(31): 5–12. (In Russ.)
- Endres T., Leber J., Böttger C. et al. (2021) Improving Lifelong Learning by Fostering Students' Learning Strategies at University. *Psychology Learning & Teaching*. Vol. 20(1): 144–160. DOI: 10.1177/1475725720952025.
- Fursov K.S. (2006) Educational strategies of Russian university students at the stage of entering the labor market: empirical research experience. *Voprosy obrazovaniya* [Education Issues]. No. 2: 222–241. (In Russ.)
- Gavrilyuk V.V. (2020) Education and professional choice of working youth. In: *Life Strategies of New Working-class Youth*. Moscow: FLINTA: 201–235. (In Russ.)
- Hasanova R.R. (2021) Development and implementation of personal trajectories of teachers' education in additional education. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennoy mire* [Vocational education in the Modern World]. Vol. 11. No. 1: 125–135. DOI: 10.20913/2618-7515-2021-1-21. (In Russ.)
- Hindhede A.L. (2020) Medical students' educational strategies in an environment of prestige hierarchies of specialties and diseases. *British Journal of Sociology of Education*. Vol. 41. Iss. 3: 315–330. DOI: 10.1080/01425692.2019.1703645.
- Jackson P.B., Berkowitz A. (2005) The structure of the life course: gender and racioethnic variations in the occurrence and sequencing of role transitions. *Advances in Life Course Research. Special Issue: The Structure of the Life Course: Standardized? Individualized? Differentiated?* Vol. 9: 55–90.

- Kulikova O.V., Siukhina E.A., Timofeeva L.V. (2016) Development of educational trajectories of athletes within the framework of the implementation of the competence approach and the introduction of educational standards of higher education. In: *Management in the XXI century: coll. of art. based on the mat. of the Intern. Scient. and Pract. Conf.* Belgorod: 31–33. (In Russ.)
- Lane M. (1972) Explaining Educational Choice. *Sociology*. Vol. 6(2): 255–266. DOI: 10.1177/003803857200600206.
- Maltseva V.A., Rozenfeld N.Ya. (2022) Educational and Career Trajectories of the Russian Youth in a Longitudinal Perspective: A Case of University Graduates. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies]. No. 3: 99–148. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-3-99-148. (In Russ.)
- Martynova E.A. (2017) Building an individual educational trajectory of people with disabilities and disabled people studying in professional educational organizations. *Nauchnyi almanah* [Scientific Almanac]. No. 6–1: 156–160. DOI: 10.15826/umpa.2017.03.041. (In Russ.)
- New meanings in educational strategies of youth: 50 years of research.* (2015) Moscow: CzSPiM. (In Russ.)
- Pitzalis M., Porcu M. (2017) Cultural capital and educational strategies. Shaping boundaries between groups of students with homologous cultural behaviours. *British Journal of Sociology of Education*. Vol. 38. Iss. 7: 956–974. DOI: 10.1080/01425692.2016.1205968.
- Pogosyan M.A. (2020) Development of individual learning paths system in engineering education. In: *IEEE Frontiers in Education Conference (FIE)*: 1–8. DOI: 10.1109/fie44824.2020.9274140.
- Salinas J., Benito B. (2020) Construction of personalized learning pathways through mixed methods. *Comunicar*. Vol. 28. No. 65: 31–41. DOI: 10.3916/C65-2020-03.
- Schaffer E.C., Stringfield S., Reynolds D., Schaffer J. (2013) Opportunity and Justice: Building a Valuable and Sustainable Educational Experience for Disenfranchised and Disengaged Youth. *Power and Education*. Vol. 5(1): 52–63. DOI: 10.2304/power.2013.5.1.52.
- Tatarova G.G. (2007) *Fundamentals of typological analysis in sociological research.* Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Terentyev K.Yu. (2016) Educational strategies of Russian youth: towards the construction of typology. *Vestnik SPbGU. Sociologiya* [Bulletin of St. Petersburg University. Sociology]. No. 2: 17–27. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.202. (In Russ.)
- Tsatsaroni A., Sarakinioti A. (2018) Thinking flexibility, rethinking boundaries: Students' educational choices in contemporary societies. *European Educational Research Journal*. Vol. 17(4): 507–527. DOI: 10.1177/1474904117744697.
- Typological analysis in sociology as a diagnostic procedure.* (2023) Ed. by G.G. Tatarova, A.V. Kuchenkova. Moscow: FCTAS RAS. (In Russ.)
- Varjo J., Kalalahti M., Jahnukainen M. (2020) The reasoning behind the envisioned educational trajectories of young people from Finnish and immigrant origins. *Education Inquiry*. Vol. 11. Iss. 4: *Transitions and career learning: youth and governance perspectives*: 360–378. DOI: 10.1080/20004508.2020.1716552.
- Vasenina I.V., Lipatova M.E., Sushko V.A. (2019) Professional and educational strategies of modern applicants. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 18. Sociologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Ser. 18. Sociology and Political Science]. 25(4): 102–123. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-102-123. (In Russ.)
- van de Werfhorst, Herman G., Andersen R. (2005) Social Background, Credential Inflation and Educational Strategies. *Acta Sociologica*. Vol. 48. No. 4: 321–340.
- Wong B., Chiu Y.-Li.T. (2019) Swallow your pride and fear: the educational strategies of high-achieving non-traditional university students. *British Journal of Sociology of Education*. Vol. 40. Iss. 7: 868–882. DOI: 10.1080/01425692.2019.1604209.

Received: 21.03.23. Final version: 17.06.23. Accepted: 19.10.23.

© 2023 г.

В.Ф. ЛЕВИЧЕВА, С.Л. ДИМАНС

НЕФОРМАЛЬНОСТЬ В ОБЩЕСТВЕ: ПОИСК МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЛЕВИЧЕВА Валентина Федоровна – доктор философских наук, профессор, руководитель научных проектов АНО Институт «Справедливый мир» (levvf@mail.ru); ДИМАНС Сергей Леонидович – кандидат экономических наук, доцент Московской государственной академии физической культуры (dims151@mail.ru). Оба – Москва, Россия.

Аннотация. Цель статьи – обсудить и предложить подходы к решению методологических проблем, возникающих при изучении фундаментальных общественных отношений, закреплённых в социальных институтах и неформальных практиках. Авторы представляют концепцию, в основе которой лежит тезис о неформальных взаимодействиях как онтологически относительно самостоятельном феномене. Неформальные практики выступают общественным и общецивилизационным ресурсом, определяющим не только жизнеспособность социума, но и его конкурентоспособность в глобальном мире. Именно совокупность массовых неформальных социальных коммуникаций за пределами правовых институциональных рамок позволяет понять, что представляет собой конкретное общество. В статье рассматриваются реальные ситуации противоречивого взаимодействия институтов и неформальных практик в российском обществе. При анализе источников неформальных практик авторы выделяют инверсивную, адаптивную и конструктивную неформальность как системно упорядоченные коммуникации, возникающие за пределами институционального пространства. Подобная концептуализация расширяет возможности понимания конкретных кейсов в социально-экономической и общественно-политической жизни российского общества, давая основания для их инструментального эмпирического исследования.

Ключевые слова: методология • социальный институт • неформальность • неформальные практики • социальные коммуникации • нормы • сообщества

DOI: 10.31857/S013216250028536-2

В статье предпринята попытка рассмотреть феномен неформальных социальных связей как некую целостность, своего рода «клей», скрепляющий всё общество и обеспечивающий жизнедеятельность людей при самых разных обстоятельствах. В этом смысле неформальность органически связана с институциональностью, существует до, внутри и вне социальных институтов.

Онтологический статус неформальных взаимодействий. Научная традиция рассматривает социальные институты через дихотомию «формальное/неформальное». Так, многие современные исследователи придерживаются подхода Г. Хелмке и С. Левитски, определяющих «неформальные институты» как принятые в обществе обычно не писанные правила, которые создаются, становятся известными и насаждаются вне официально санкционированных каналов [Хелмке, Левитски, 2007: 187–211].

В отличие от подобных подходов мы считаем, что рассматривать «неформальность» как совокупность институтов непродуктивно: это размывает само понятие «институт»¹. Неформальные общественные практики – устойчивые групповые поведенческие паттерны, выходящие за рамки правовых норм или этими нормами не предусмотренные. Их нормативность возникает не здесь и не сейчас, она по отношению к «формальному» (институциональному) находится как бы в другом измерении. Дихотомия «формальное/неформальное» – это попытка подогнать под общее определение две разные сущности.

Другими словами, мы не склонны, как многие исследователи, привязывать неформальные социальные взаимодействия к тому или иному состоянию формальных институтов. На наш взгляд, *неформальные практики фундаментальны, это – относительно самостоятельный и самодостаточный компонент общественного устройства, функционально обеспечивающий социальные взаимодействия (жизнедеятельность индивидов)*. Это не означает, что неформальность «отвязана» от институциональных структур и существует сама по себе. Просто её надо изучать *как онтологически относительно независимый феномен*. Сошлемся на Ф. фон Хайека, который считал, что в обществе существуют порядки, которые не проектируются людьми, но являются результатом их действия без осознанного намерения создать именно этот порядок, и что чем более сложен порядок, тем более значимы эти стихийные порядки [Хайек, 2006: 54–56].

Общество диктует образцы поведения не только осознано, создавая законы, но и «стихийно» – неформальными алгоритмами, которые не прописаны заранее, но также задают стереотипы, шаблоны, моральные и нравственные постулаты повседневного поведения. Поэтому мы не используем понятие «неформальный институт». С нашей точки зрения, существуют «формальные институты» и «неформальные практики».

Нас интересует влияние на динамику социума взаимодействий его элементов именно на неформальном уровне когерентности, кооперации, координации, самоорганизации и саморазвития, которые (в отличие от формального институционального уровня) не проходят осознанный предварительный отбор. Для объяснения процессов, происходящих в обществе, эти параметры не менее существенны, чем институты. Они также уменьшают неопределенность, организуют взаимоотношения людей, структурируют их повседневную жизнь.

Существует целый класс социальных явлений, которые невозможно описать с помощью дихотомии «формальное/неформальное». Многие институты (скорее, квазиинституты) имеют переходный характер от «неформального» к «формальному» или наоборот, причем степень нормативной формализации в каждом отдельном случае может быть различной².

Принципиально различается и легитимизация формальной и неформальной деятельности. Первая санкционируется государством, вторая – социумом. Формальный порядок сразу же наделяется онтологическим статусом и легитимностью бытия, а неформальные практики лишь постепенно получают ценностное обоснование и становятся социальным фактом. Чтобы эти практики приобрели общественную значимость и были легитимированы как социальные нормы, требуется время.

---

¹ Согласно определению Д. Норта, институты – это «правила игры» в обществе. Чтобы уменьшить неопределенность своей жизни, люди обставляют себя большим количеством формальных правовых норм и неформальных правил [Норт, 1997: 17]. Но в этом определении нет категории интереса. На наш взгляд, институты представляют собой условия реализации интересов различных социальных групп путем целенаправленного установления *государством* норм, правил и ограничений, поэтому неформальные практики выходят за их рамки.

² Например, институциональная специфика современного спорта состоит в том, что большая часть его норм и правил представляет собой так называемое «мягкое» право: нормативные акты – это, по сути, регламенты локального уровня, принимаемые внутри спортивных организаций, хотя в каждой стране существует свое спортивное законодательство. Говорить об этих регламентах как о неписаных (неформальных) правилах нельзя.

В каждом конкретном случае формальное – это «шкаф с законами», в то время как жизнь за рамками правовых норм ограничена лишь здравым смыслом. Она существует повсеместно – начиная от множественной повседневности в социальных группах разного уровня и заканчивая «порядком» мирового масштаба и значения. Разнообразие повседневных практик даже в едином культурном пространстве вообще не имеет пределов. Вогнать это разнообразие в жесткие рамки социальных институтов невозможно. Миссия институтов – лишь привести существующее разнообразие к некоему общему знаменателю (правовому порядку, режиму).

Есть еще одно обстоятельство. Оценки «формальное/неформальное» во многом зависят от позиции исследователя (наблюдателя). Формальные и неформальные пласты социальной реальности существуют как бы в разных плоскостях, и позиция на «другой плоскости» неизбежно рассматривается как «негативное отклонение». Как только «наблюдатель» становится на институциональные основания, неформальное видится ему в деструктивном свете, оно превращается в «теневые практики», «коррупцию», «местничество», «клиентелизм» и т.п., то есть в «негативные явления в обществе», с которыми необходимо бороться. Принятие же «неформальной позиции» часто приводит к радикальной критике институциональной структуры, которую «наблюдатель» стремится привести в соответствие с «реальными социальными практиками». Распространяется аргументация в пользу замены одних институтов другими, якобы лучше соответствующими тому, что есть «на самом деле». Попытка третьейского исследователя встать «над схваткой» чревата противоречиями не в меньшей степени.

Как правило, наблюдатель склонен соотносить причины поведения «других» с внутренними факторами (например, со склонностью к девиации и корысти), в то время как «другие» могут считать свое поведение вынужденным из-за наличия внешних факторов, которые находятся вне их контроля. Акторы неформальных трансакций считают свои практики положительными, тогда как с институциональных позиций это может быть прямое, если не вопиющее, нарушение закона или установленных правил.

Включать неформальные практики в общий институциональный дизайн социума невозможно и по той причине, что эти практики, в отличие от институциональных, почти не зависят от идеологической и политической конъюнктуры и часто проявляются как «нечто», чего в официальной картине мира вообще быть не должно. Государство смотрит на происходящее в социуме как бы со стороны. Это также разводит «формальное» и «неформальное» по разным плоскостям.

Вот почему прогноз будущего того или иного общества на основе анализа состояния его институциональности дает весьма сомнительные результаты. В то же время понимание его неформальных практик открывает возможности не только изучения его аутентичности, но и практического продуктивного взаимодействия между представителями разных сообществ (государств, корпораций, социальных групп).

Подобная ситуация отчетливо проявляется, когда необходимо найти эффективные каналы партнерского сотрудничества между разными странами. Предприниматели всегда остро нуждаются в информации о том, «как у них это делается», какие тонкости предварительных условий общения (ведения переговоров) нужно соблюдать, чтобы заключать и выполнять контракты. Подобные сведения обычно концентрируются в страноведении, которое систематизирует комплексную информацию об отдельных странах и их обычаях, отвечая практическим запросам бизнесменов, политиков, дипломатов, туристов и др. Социология, являясь наукой об обществе, пока, к сожалению, здесь мало чем может помочь. Обращаясь лишь к анализу «видимых» институциональных структур, социологи стремятся объяснить именно на этом фундаментальном основании социальную реальность и предложить координаты управленческих решений назревших социальных проблем. Это касается как «своего» общества, так и «иного». Причем в подавляющем большинстве случаев подобные умозрительные объяснения и рекомендации далеки от

реальной жизни и не срабатывают. Именно поэтому то, что «должно было бы быть», никогда не совпадает с тем, что «есть на самом деле»³.

Неформальные практики – источник разнообразия обществ и ресурс развития. Принципиально важным для понимания перспектив исследования «неформальности» является замечание Дж. Урри, что сложные системы с большим количеством непреднамеренных последствий социальных действий не имеют общего и единого вектора развития [Urry, 2003: 14]. Изучать такую систему лишь на основе анализа нормативно организованных и контролируемых процессов невозможно. Только при исследовании неформальных практик и взаимодействий можно обнаружить множественные формы инаковости и отличий, несхожесть субъектности и разнообразие групповых интересов.

В настоящее время для выяснения того, каким будет облик мирового сообщества в будущем, предложены многочисленные модели. Многие аналитики сходятся в том, что грядет тотальное объединение государств по региональной принадлежности с общей институциональной надстройкой. При этом совершенно упускается из виду, что «надстройка», основанная на общем институциональном режиме, неспособна отразить всё разнообразие неформальных «дичков» отдельных территорий. Решающими могут оказаться сугубо традиционные факторы, ценности и смыслы местных общин, личная и групповая привязанность к месту, образ жизни и т.д. Причем чувствительность политических процессов к неформальным факторам постоянно возрастает⁴.

Разновекторность развития проявляется и на локальном уровне в процессе организационной интеграции. Как отмечает В.В. Щербина, превалирует многовекторная, ситуационная модель организационного развития, описывающая организацию как сложную, избирательно (или частично) открытую, искусственную, гетерогенную систему, части которой функционируют и развиваются по разным принципам под воздействием различных факторов (как внешних, так и внутренних) через адаптивные механизмы. Фактически речь идет об отсутствии организационной целостности в связи с невозможностью создать единую организационную стратегию и единую организационную культуру. Тут прослеживается та же логика многовекторной социальной трансформации, что и в глобальных системах [Щербина, 2015].

Важно отметить, что не только качество институтов, но и алгоритмы неформальных взаимодействий определяют конкурентоспособность социума в глобальном мире. В этом смысле неформальные практики можно считать общественным и общецивилизационным ресурсом, дающим возможность при необходимости быстро решать накопившиеся проблемы при помощи персональных контактов. Подобных примеров множество, в том числе в межгосударственных отношениях. С другой стороны, снижение объема неформальных взаимодействий в обществе приводит к потере механизмов эффективного обмена информацией, к проблемам при передаче поколенческого и личностного опыта, к снижению взаимного доверия и т.д. Это лишает социум той коммуникативной сложности, которая является залогом не только его стабильности, но и способности к выживанию.

Вместе с тем «неформальный ресурс» достаточно противоречив. Социальные практики (особенно те, которые основаны на культурных традициях) могут не поощрять, а ограничивать возможность альтернатив развития, препятствовать поискам других, более эффективных, способов социальной адаптации различных сообществ. Существуют образцы

---

³ Из-за разворота России на Восток одной из самых актуальных тем обсуждения в наших экономических кругах стала бизнес-культура Китая. Она оказалась крайне сложной, с огромным количеством подводных камней и недосказанностей. В частности, китайцы зачастую ценят неформальные отношения выше формально-институциональных и ведут дела только с теми людьми, которым безоговорочно доверяют.

⁴ Так, Евросоюз быстро справился с созданием наднациональных институтов, но застрял на стадии сокращения исторически сложившихся культурных дистанций, что отразилось в концепции «Европы регионов». Все прогнозы успешного развития европейской интеграции после введения евро фактически провалены, причем по причинам, которые куда ближе к неформальным основаниям, чем к институтам (миграция, иждивенчество аутсайдеров, культурные и семейные коммуникативные стереотипы и т.д.).

неформальных отношений, которые вообще не имеют положительных оснований. Они порождаются конкурентной борьбой за ограниченные ресурсы общества. Отсюда наряду с явными появляются латентные неформальные коммуникации, которые в экономике называют «теневыми». Они сконцентрированы преимущественно в области персональных взаимодействий, за счет чего уклоняются от регулирующего воздействия государства и извлекают выгоду из противоречий институционального регулирования [Барсукова, 2017]. В то же время распространение неформальных практик за пределы некоей меры не может считаться переходом от порядка к анархии хотя бы потому, что эту меру не удается рационально определить.

Неформальные практики vs формальные институты. Экономистами, как правило, возникновение неформальных трансакций рассматривается как естественная реакция общества на неэффективную государственную экономическую политику. Политологи, говоря о неформальном поведении в пределах политических институтов, ссылаются на неразвитость или недостатки демократических процедур. Социологи рассматривают неформальные практики с позиций социального контроля [Бурдые, 2001; Бауман, 2005]. Фактически во всех подходах речь идет о *запасной стратегии*, когда формальные институты существуют «на бумаге», но неэффективны на практике, или когда органы государственной власти стремятся направить деятельность индивидов и сообществ в нормативное русло, но те, кто преследует частные или групповые интересы, ищут и находят пути обхода установленных норм⁵.

Чем сложнее и разнообразнее нормативная система институтов, тем меньше простора для «неформального творчества». Но институциональные ограничения – лишь один из элементов социального пространства, дающих или не дающих неформальным практикам уют в «свободном плавании».

Считать источником «неформального» институциональную недостаточность или институциональное неблагополучие в корне неверно. Это особенно очевидно, если рассматривать взаимодействия в социуме в период трудных времен. Неформальные практики действительно заполняют лакуны отсутствующих норм, правил и ограничений. Но подлинный источник этих практик находится за пределами институциональных конструкций, в другой плоскости общественного устройства. И в более благоприятные периоды наличие неформальных возможностей позволяет человеку или группе людей гораздо быстрее принимать решения, адаптироваться к возникающим ситуациям, в частности к прилету «черных лебедей», перед которыми институты часто бессильны. Так называемый «институциональный диссонанс» (конфликт, возникающий при столкновении противоречащих друг другу институтов и неформальных практик) далеко не всегда разрешается в пользу первых. Если нормативные решения настоящего не соответствуют опыту прошлого, возникает не просто «диссонанс», разрушается весь институциональный каркас общества. Это происходит и в том случае, когда избыточная институционализация не оставляет места повседневному опыту.

Стандартизированный институциональный ответ делает поведение людей предсказуемым, контролируемым и управляемым. Однако это неизбежно выхолащивает из социальных практик культурные смыслы и эмоционально окрашенные взаимодействия: личные отношения сводятся к безличностным, деперсонифицированным. В этом смысле институты приобретают своего рода репрессивный характер. К счастью, потеря части активных элементов социального пространства в результате жесткой регламентации никогда не является абсолютной, поскольку с неизбежностью воспроизводятся новые разнообразные неформальные коммуникации. Именно совокупность массовых неформальных

---

⁵ Например, недавно на поле государственного контроля и налогообложения вступили блогеры, которые раньше демонстративно не платили или недоплачивали налоги. Только в 2023 г. блогерами вплотную занялась Федеральная налоговая служба. В результате ажиотаж вокруг блогинга резко сократился, а те, кто в нем остался, стали искать обходные пути. Возникла «классическая» ситуация: институциональность осваивает новые территории, вызывая на ней ответную реакцию неформальных практик.

социальных коммуникаций за пределами правовых институциональных рамок позволяет понять, что представляет собой конкретное общество.

Существует утилитарная точка зрения, что при знании внутреннего ресурса «неформального» можно перенаправить социальную активность людей в более рациональное (институциональное) русло. Это заблуждение! «Неформальность» – тоже своего рода регулярность, но как бы внутри себя. Она может противостоять рациональной упорядоченности институтов, поскольку проверена временем. И почему внешняя институционализация должна быть обязательно более рациональной, чем внутренняя, доставшаяся нам «по наследству» опытным путем?

Поведенческое разнообразие уменьшает подконтрольность общества государству, что, конечно, «нервирует верхи». Жизнедеятельность людей вгоняется в шоры неких параметров оптимизации, поведенческих алгоритмов, отбрасывающих всё «лишнее», хотя именно понимание этого «лишнего», как мы уже отмечали, является важнейшим инструментом объяснения социальной реальности.

Возникает вопрос: как получить достоверную информацию о неформальных коммуникациях, не имеющих универсальной семантики?

Методологические основания исследования неформальности. Методология изучения «неформального» в настоящее время фактически отсутствует. Действительно, прорваться сквозь дебри неписаных правил и реальных поведенческих практик и неформальных взаимодействий крайне сложно. Они плохо наблюдаемы, трудноуловимы и не имеют общепринятого языка обозначений, часто сознательно скрываются. Нередко к тому же неформальные отношения – это своего рода «поведенческий автопилот» на основе коллективного бессознательного (общепринятого). Поэтому исследования институциональных взаимодействий на порядок опережают аналитику социальных практик на неформальном уровне. Есть известные работы, выполненные на историко-этнографическом материале (см., например, [Edgerton, 1985]). Но на материале современного социума анализ неформальности нередко сводится к публицистическим заметкам или, того хуже, к конспирологическим схемам. Ставится под сомнение сама возможность объективного исследования «искусства» быть неподвластным государственным институтам.

М. Вебер полагал, что интерпретация или толкование социального может идти в двух направлениях: одно – ценностная интерпретация, другое – историческое, каузальное (причинное) истолкование. Это полностью относится и к пониманию неформальности. В первом («ценностном») случае «неформальное» вообще не может быть онтологизировано, потому что является продуктом общественного сознания, «привычными смыслами», встроенными в стандартизованное поведение. В то же время «неформальное» представляет собой реально существующий кодекс поведения и столь же реальное социальное давление к его исполнению.

Думается, «неформальность» как социальный феномен необходимо рассматривать как комбинированную двухсоставную реальность: с одной стороны, реальные регулярные практические взаимодействия, с другой – стереотипы общественного сознания, в которых фиксируется «то, что обычно принято», приемлемое, рутинное.

Неформальное поле в целом – это множество разнородных фрагментов. Устойчивость и повторяемость одних его элементов сосуществует с неопределенностью, изменчивостью, непредсказуемостью и многовариантностью других. Когнитивный горизонт не в состоянии охватить все это разнообразие даже в ограниченном пространстве. Причем проблема не только в гносеологических ограничениях, но и в принципиальной несводимости неформального поведенческого разнообразия к какой-либо единой схеме, дающей возможность его классификации.

Типология неформальных практик. Г. Хелмке и С. Левитски выделяют четыре вида, по их терминологии, «неформальных институтов»: дополняющие, замещающие, аккомодационные и конкурентные. Дополняющие институты «заполняют пробелы», которые неизбежно остаются в формальных правилах. Замещающие – стремятся к достижению тех же

результатов, что и формальные институты, однако в силу слабости последних обеспечивают большую эффективность. Аккомодационные – изменяют последствия, предусмотренные формальными правилами, однако прямо не нарушают их. Конкурентные – определяют мотивы поведения так, что последние становятся несовместимы с формальными правилами: чтобы выполнять одни правила, агенты вынуждены нарушать другие [Хелмке, Левитски, 2007]. Эта классификация многими принята, поскольку в её основе – функциональные качества неформальных взаимодействий. Вместе с тем «неформальность» здесь также «накрепко» привязана к формальным правилам, что как бы отодвигает её на второй план.

Нас интересует не «функционал» неформальных практик, а их источники, обеспечивающие онтологическую, бытийную независимость коммуникаций, происходящих за пределами существующего институционального пространства и создающие основания их укрупненной типологии и классификации.

Мы предлагаем выделять инверсивную, адаптивную и конструктивную неформальность.

Инверсивная неформальность. Это – самое массовое проявление социальных взаимодействий в социуме, своего рода поведенческая рутина, которая вписана в социальную ткань общения людей и воспроизводится в любой ситуации социальной коммуникации как константный и простейший (часто архаичный) элемент.

Парадоксальным образом современная социальная реальность с ее «неуправляемым возрастанием сложности» порождает не усложнение, а упрощение неформальных социальных практик. Постоянно возникают простейшие шаблоны социальных взаимодействий на групповом уровне, причем с довольно широким распространением. Именно подобный характер неформальных практик присущ таким включениям в современное общество, как субкультуры, экопоселения, религиозные секты, сообщества неоязычников, дауншифтинг, подростковые группировки, многообразные игровые братства и др.

Как утверждает М. Кастельс, в современном непредсказуемо меняющемся мире многие регионы и связанные с ними социальные группы вообще выпадают из глобальных взаимодействий. Он вводит понятие «исключающего развития», обозначая этим стремление людей адаптироваться к сложному социуму через поиск самых «простых» ответов [Кастельс, 1999]. Часто они находят эти ответы в повседневных практиках прошлого или их имитации.

Деструктивные проявления инверсивной неформальности – это не просто асоциальность (криминал, социальная запущенность), а устойчивый вид связанной с опытом прошлого социальной коммуникации, коммуникативной инверсии, которая локализована в ограниченном социальном пространстве.

Субъективные оценки поведенческих стереотипов инверсивных неформальных практик часто подвержены «ошибке выжившего», когда предположения и выводы делаются на основе информации, отражающей лишь определенную сторону события. При этом та часть информации, которая находится за пределами «когнитивного прожектора», не воспринимается. Эта ошибка – самая злокачественная, потому что она невидима.

Адаптивная неформальность. Это – непосредственный ответ неформальными практиками на те или иные события, происходящие в социуме. Она охватывает большие массы людей во всех слоях общества и обладает некоторой инерцией. Адаптивная неформальность испытывает на себе влияние времени и традиционных апробированных форм жизнеустройства, но в ней неизмеримо больше ситуационного социального контекста. Она заполняет институциональные пустоты в периоды аномии («безнормности»), когда привычное социальное поведение, статусы и роли отвергаются в пользу физического выживания. Это не отсутствие формальных нормативных актов, а отношение к ним. В кризисные и переходные периоды влияние установленных в обществе институциональных норм снижается. Однако абсолютной подмены нормативных оснований не происходит, иначе социум погряз бы в хаосе и абсурде.

Адаптивная неформальность порождается в том числе «вселенской» иррациональностью, которую приписывают постмодерну, масштабному переходу от крайностей «порядка» (силового навязывания норм иерархически структурированного общества) к более

свободным формам социальной взаимозависимости и поведения. Это в корне меняет весь социальный пейзаж. Он распадается на отдельные локальные модели коммуникаций, в каждой из которых возникают свои типы неформальных социальных практик, свои наборы поведенческих стереотипов, свои методы маскировки и укрывательства подлинных интересов.

Часто в неформальных адаптивных практиках постмодерна отражается усталость общества от тотальной институциональной дисциплины, жесткой иерархии и рационализма, что приводит к возвращению простых форм социального поведения. Иррациональность постмодернизма можно заметить в неформальных практиках весьма сомнительного толка. Личность, группы, а иногда и всё общество, начинают активно использовать двойные стандарты, ложные нарративы, симулякры, распространяется лицемерие, фигуры умолчания, фейки и т.д.

Иррациональные «симптомы» постмодернизма подробно описаны в различных социальных теориях, но нормативность, лежащая в их основе, еще толком не осмыслена. С одной стороны, постмодерн подвергает традиционные нормативные системы откровенной деструкции, с другой – творит собственный сугубо специфический набор локальных практик. Как пишет Ж. Лиотар, постоянные установления в профессиональных, аффективных, сексуальных, культурных, семейных, международных областях, в политических делах вытесняются локальностью консенсуса во времени и пространстве, временным контрактом [Лиотар, 1998: 157–158]. Система «временных контрактов» за пределами «постоянных установлений» и есть адаптивная неформальность.

Адаптивная неформальность может содержать и откровенную девиацию. Это – коррупция, недобросовестный лоббизм, «двойные стандарты», признание неких сил, не связанных формальными полномочиями, клиентелизм, nepотизм, вымогательство, «откаты» и т.д. Это – «теневая» неформальность, объемы и содержание которой большинством экспертов признаются, однако надо обладать весьма сильной прозорливостью и отвагой, чтобы отследить стоящие за ними причинные основания, тем более – действующих акторов.

Конструктивная неформальность. Значительная часть неформальных практик (в том числе и те, которые существуют на уровне повседневности) при повторяемости, распространенности и на достаточно длинном временном отрезке претендуют на институционализацию. Эти практики, с одной стороны, противостоят старым институтам, а с другой – открывают перспективы институционального обновления. Происходит адаптация институционального замысла к реальным возможностям социума.

Институциональные правила и нормы, поддержанные неформальными взаимодействиями, обеспечивают наиболее высокий уровень своего соблюдения. И напротив, из-за игнорирования неформальной среды они становятся неэффективными. Другими словами, «неформальное» удерживает устойчивые положительные практики в качестве «должного» и готовит почву для полноценного институционального закрепления. Поэтому соответствующие практики мы определяем как «конструктивную неформальность».

Может возникнуть ситуация, когда «институциональное» не успевает за «неформальным». Не все поддается институционализации и не все требует институционализации, даже если это рационально. Здесь вступает в силу один важный принцип: если что-то работает само по себе, то не всегда нужно его формализовывать. Это – очень серьезный предмет исследования, поскольку во многих странах (и Россия не исключение) «законодательный раж» распространяется со скоростью лесного пожара.

Имеет место и обратный процесс. «Неформальное» может быть не только проявлением глубоко укоренившегося культурного наследия, но и продолжением некогда возникших формальных правил, которые существуют или канули в Лету сравнительно недавно. Более того, различные нововведения в мире «формальной нормы» тут же находят отклик в локусе ее антипода – «неформальной нормы». Возникает неформальная оболочка формальных правил. Каждый институт неизбежно порождает свою, только ему присущую неформальность [Диманс, Левичева, 2018].

Всплеск конструктивной неформальности возникает тогда, когда неэффективные институты начинают тиражировать чрезмерно жесткие схемы взаимодействий, предлагая

людям (социально-профессиональным группам, организациям) упрощенные шаблоны достижения целей. Она как бы стучится в «институциональную дверь».

Здесь срабатывает закон необходимого разнообразия. Всякая власть инстинктивно чурается разнообразия, ей удобно иметь дело с однородным обществом и линейными проблемами, упрощающими институциональную среду. Поэтому она пытается свести все разнообразие жизни к простой бюрократической формуле, игнорирующей многообразие жизненных практик, этических, моральных, психологических и ментальных факторов. Когда переменные реальной жизни «заталкиваются» в институциональные постоянные, это неизбежно порождает более или менее конструктивный неформальный ответ.

В данном случае возможно государственное санкционирование неформальных правил – их легализация происходит «от обратного»: что не запрещено, то разрешено. Но это вовсе не означает вседозволенность. Санкционирование неформального должно предусматривать моральное порицание недобросовестных поступков, которое само по себе также имеет неформальный характер.

Часто представители органов государственной власти сами переводят часть администрирования на неформальный уровень, как бы признавая его конструктивность. Возникает своего рода «должная неформальность» – например, настойчиво рекомендуемое чиновникам «живое общение с людьми», личное участие в гражданских акциях, повышенное внимание к многодетным нуждающимся семьям, регулярные консультации с профессиональным сообществом и т.п. Подобные инициативы, как правило, выходят за рамки институционально прописанных административных функций и обязанностей, являясь неформальными. Более того, исполнительская эффективность госслужащего может напрямую зависеть от его прямых персональных связей. Но всё это не делает «неформальное» институтом.

Заключение. Как эмпирически исследовать способы существования «неформального» в современном обществе, его внутреннюю организацию, чтобы добиться более или менее достоверного «слепок» социальной реальности, – этот вопрос остается открытым. Исследователю приходится прибегать к обычным методическим процедурам, позволяющим описать неформальную повседневность, причем эти описания с трудом поддаются верификации. При обобщении можно получить «правдоподобную истину», которая в позитивистском смысле даст более или менее приемлемую онтологию «неформального». Но где границы подобной концептуализации?

Видимо, надо ответить и на более общий вопрос: существуют ли вообще рациональные методы изучения неформального? Любая рациональная основа его исследования в какой-то момент с неизбежностью упирается во внерациональное, требуя особых методов сбора и анализа данных. Но без этих методов невозможно понять социальные процессы, возникающие при отсутствии стандартизированных норм жизни, когда ничего нельзя «подвести» под одно общее основание и, следовательно, теорию.

Возможно, нет и не будет общего полотна социологического знания о том, как происходят социальные взаимодействия в неформальном мире. Но даже отдельные картины неформального социального бытия, изученные достаточно подробно, могут приблизить нас к пониманию того, что представляет собой современное общество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барсукова С.Ю. Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Изд. 2-е. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017.
- Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.
- Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
- Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 494–505.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

- Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2006.
- Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика: основные направления исследований // Прогнозис. 2007. № 10. С. 187–211.
- Щербина В.В. Популяционно-селекционная модель организационного развития: содержание, сфера и перспективы применения (статья 1) // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 78–86.
- Edgerton R.B. *Rules, Exceptions, and Social Order*. Berkeley: University of California Press, 1985.
- Urry J. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 2003.

Статья поступила: 30.08.23. Финальная версия: 22.10.23. Принята к публикации: 24.10.23.

INFORMALITY IN SOCIETY: SEARCHING FOR EXPLORATIVE METHODOLOGY

LEVICHEVA V.F.*, DIMANS S.L.**

* *Autonomous non-profit organization to promote the development of civil society institutions "Fair World Institute", Russia*

** *Moscow State Academy of Physical Education, Russia*

Valentina F. LEVICHEVA, Dr. Sci. (Philos.), Prof. ANPO to promote the development of civil society institutions "Fair World Institute" (levvf@mail.ru); Sergey L. DIMANS, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. Moscow State Academy of Physical Education (dimsl51@mail.ru). Both – Moscow, Russia.

Abstract. The main purpose of the article is to discuss and propose a solution to the methodological problems arising in the study of fundamental social relations embedded in social institutions and informal practices. The authors present a concept based on the thesis of informal interactions as a relatively ontologically independent phenomenon in society. It is shown that informal practices act as a public and civilizational resource that determines not only the viability of society, but also its competitiveness in the global world. It is the totality of mass informal social communications outside the existing institutional framework that makes it possible to understand what a particular society is. The article analyzes some real situations of contradictory interaction of institutions and informal practices in Russian society. When analyzing the sources of informal practices, the authors distinguish inversive, adaptive and constructive informality as systematically ordered communications arising outside the institutional space. Such conceptualization expands the possibilities of understanding specific cases in the socio-economic and socio-political life of Russian society and provides grounds for their instrumental empirical research. study.

Keywords: methodology, social institution, informality, informal practices, social communications, norms, communities.

REFERENCES

- Barsukova S.Yu. (2017) *Essay on the informal economy, or 16 shades of gray*. 2nd ed. Moscow: Izdatel'skij Dom Vy'sshej shkoly' e'konomiki. (In Russ.)
- Bauman Z. (2005) *The Individualized Society*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Bourdieu P. (2001) *Practical Sense*. Saint-Petersburg: Aleteya. (In Russ.)
- Castells M. (1999) The formation of a society of network structures In: *New post-industrial wave in the West. Anthology*. Ed. by V.L. Inozemtsev. Moscow: Academia: 494–505. (In Russ.)
- Edgerton R.B. (1985) *Rules, Exceptions, and Social Order*. Berkeley: University of California Press.
- Liotard J.-F. (1998) *The state of Postmodernity*. Moscow: Institut e'ksperimental'noj sociologii; Saint-Petersburg: Aleteya. (In Russ.)
- North D. (1997) *Institutions, institutional change and economic performance*. Moscow: Fond e'konomicheskoy knigi Nachala. (In Russ.)
- Hayek F.A. (2006) *Law, legislation and liberty. A new statement of the liberal principles of justice and political economy*. Moscow: IRISSEN. (In Russ.)
- Helmke G., Levitsky S. (2007) Informal institutions and comparative politics: the main directions of research. *Prognosis*. No. 10: 187–211. (In Russ.)
- Shcherbina V.V. (2015) Population-breeding model of organizational development: content, scope and prospects of application (Article 1). *Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 6: 78–86. (In Russ.)
- Urry J. (2003) *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press.

Received: 30.08.23. Final version: 22.10.23. Accepted: 24.10.23.

Факты. Комментарии. Заметки

© 2023 г.

В.К. ЛЕВАШОВ, О.В. ГРЕБНЯК

РОССИЯНЕ О ВЫЗОВАХ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА, НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ И СОЦИАЛЬНОМ ОПТИМИЗМЕ

ЛЕВАШОВ Виктор Константинович – доктор социологических наук, директор (levachov@mail.ru); ГРЕБНЯК Оксана Валерьевна – научный сотрудник Центра стратегических социальных и социально-политических исследований (oksananov@yandex.ru). Оба – Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Аннотация. На основе мониторинга ИСПИ ФНИСЦ РАН авторы анализируют влияние развития искусственных нейросетей и искусственного интеллекта на социальные настроения в массовом сознании россиян в условиях трансформации рынка труда в аспекте формирования уверенности граждан в завтрашнем дне и образа будущего. Более половины россиян сегодня высказывают опасения относительно влияния искусственного интеллекта на рынок труда, которые тесно связаны с ощущением неопределённости и отсутствием уверенности в завтрашнем дне. Граждане, высказывающие опасения по поводу влияния искусственного интеллекта на трудовую занятость, чаще отмечают у себя негативные настроения, дефицит оптимизма по поводу своего личного будущего и будущего страны. Рост пессимизма наблюдается в целом у респондентов, получающих информацию через Интернет и социальные сети.

Ключевые слова: искусственный интеллект • нейросети • рынок труда • образ будущего • социальный оптимизм • тревожность

DOI: 10.31857/S013216250028537-3

Примеры массового использования технологий искусственного интеллекта (ИИ) в самых разных сферах деятельности актуализировали вопрос о вытеснении «homo sapiens» с рынка занятости в довольно обширном перечне сферы услуг и труда. Какое место в реальности займут технологии ИИ, покажет время, однако ожидания и опасения по поводу высокотехнологичного развития уже сейчас сказываются на социальных ожиданиях граждан, выстраиваемых моделях будущего. Образ будущего может быть рассмотрен как форма самоидентификации общества [Левашов, Новоженина, 2021], в исследованиях образа будущего фокус социологического внимания концентрируется на текущем, актуальном сознании граждан, их тревогах, опасениях, социальных ожиданиях и их влиянии на социальную реальность. И именно фактор трудовой занятости как результат саморазвития личности и основного источника доходов играет в этом не последнюю роль. Эксперты рассматривают уже не только угрозы для рынка труда, но и строят наиболее вероятные сценарии т.н. «посттруда» для долгосрочного будущего, в котором работа лишится центральной роли [Хайнс, 2019]. В связи с вышеперечисленными тенденциями значимым представляется вопрос о том, какое место занимает развитие ИИ в картине будущего россиян.

Эмпирическую основу анализа составили данные 53-го этапа всероссийского социологического мониторинга ИСПИ ФНИСЦ РАН «Как живёшь, Россия?» [Левашов и др., 2023]. Полевой этап проведён в период с 5 по 10 июня 2023 г. в 22-х регионах страны

($N = 1700$). Регионы исследования: ЦФО (Владимирская область, Воронежская область, Московская область, Тульская область, Ярославская область, Москва), СЗФО (Архангельская область, Новгородская область, Санкт-Петербург), ЮФО (Республика Крым, Ростовская область), СКФО (Ставропольский край), ПФО (Республика Татарстан, Нижегородская область, Саратовская область), УрФО (Свердловская область, Челябинская область), СФО (Красноярский край, Иркутская область, Новосибирская область, Омская область), ДФО (Хабаровский край). При опросе использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, местожительства. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Дополнительно проведён анализ данных крупных сервисов по поиску работы и подбору сотрудников (HeadHunter, SuperJob).

Широкое использование нейронных сетей и технологий ИИ в повседневных практиках и зачастую непредсказуемые социальные и политические последствия их внедрения вызывают опасения у широкого круга экспертов и рядовых граждан. Весной 2023 г. 17% россиян, указавших наличие страха перед развитием ИИ, отмечали в числе оснований неподконтрольность технологий, потерю рабочих мест, перспективу общей деградации человечества¹. И хотя историческая ретроспектива демонстрирует в глобальном масштабе рост производительности труда и занятости в результате технологических революций, в краткосрочной и среднесрочной перспективе тревожные настроения могут сказаться на актуальной картине будущего, социальных настроениях и поведении граждан.

Результаты нашего мониторинга подтвердили наличие проблемы, отметив её обострение в вопросах перспектив трудовой занятости. На вопрос, существует ли опасность, что нейросети и ИИ в будущем сократят рынок труда в России, утвердительно ответили 55% граждан, отрицательно – 25%, затруднились с ответом 21%. Такого мнения придерживаются в равной степени респонденты обоих полов; чаще прочих опасность для рынка занятости отмечает молодое поколение до 25 лет (62%). В наименьшей степени обеспокоено старшее поколение (60+ лет) – 48,4%. Противоположной точки зрения придерживаются от одной пятой до четверти респондентов в зависимости от возраста (табл. 1).

У всех категорий опрошенных россиян в первую очередь тревогу вызывают финансовые вопросы (рост цен на продукты питания, дороговизна жизни, повышение тарифов на

Таблица 1

Распределение ответов респондентов разных возрастных групп на вопрос: «Существует ли опасность, что нейросети и искусственный интеллект в будущем сократят рынок труда в России?», в % по возрастным подгруппам опрошенных

Существует ли опасность, что нейросети и искусственный интеллект в будущем сократят рынок труда в России?	Возраст					
	18-24 года	25-30 лет	31-40 лет	41-50 лет	51-60 лет	Старше 60 лет
Да, существует	62,0	61,4	55,9	53,0	60,8	48,4
Нет, не существует	22,8	26,5	25,1	26,3	20,5	20,9
Затруднились ответить	15,2	12,0	19,0	20,8	18,8	30,7

¹ Опрос SuperJob от 29–30 апреля 2023 г. Объектом исследования выступило экономически активное население РФ старше 18 лет, $N=1600$. URL: <https://mo.superjob.ru/research/articles/113992/bolshe-vsego-v-razviti-iskusstvennogo-intellekta-rossiyan-pugaet-perspektiva-poteri-raboty/> (дата обращения: 20.09.2023).

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос о наличии уверенности в завтрашнем дне
в соответствии с мнениями об опасности нейросетей и ИИ для рынка труда,
% по строке**

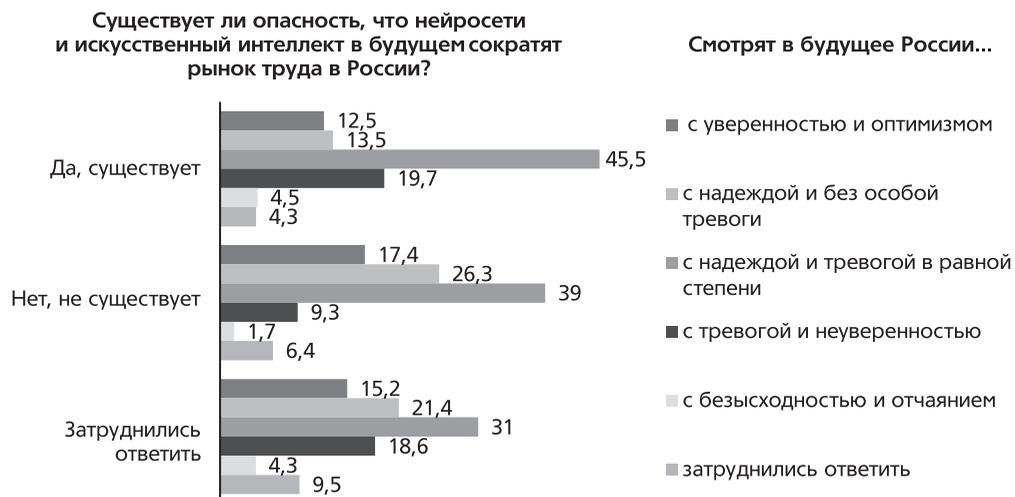
Чувствуете ли вы уверенность в завтрашнем дне?	Существует ли опасность, что нейросети и искусственный интеллект в будущем сократят рынок труда в России?		
	да, существует	нет, не существует	затруднились ответить
Да (33%)	50,3	29,6	20,1
Нет (46%)	61,0	20,4	18,7
Затруднились ответить (21%)	51,2	21,0	27,8

жильё и коммунальные услуги), во вторую очередь – проблемы проведения специальной военной операции и, как следствие, угроза ядерной войны. При рассмотрении структуры ответов россиян, выделивших «страх перед неопределённостью будущего» в число проблем, которые беспокоят их в первую очередь, взаимосвязь с вопросом о наличии опасности для рынка труда становится нагляднее. 63,9% россиян, испытывающих страх перед неопределённостью будущего, опасаются и влияния ИИ на рынок занятости. Лишь 16,3% испытывающих страх перед неопределённостью будущего влияния ИИ на занятость не опасаются.

Анализ ответов респондентов подтверждает наличие связи между опасениями из-за негативного влияния ИИ на рынок труда и уровнем социального оптимизма, картиной ближайшего и среднесрочного будущего. Так, среди тех, кто отрицательно ответил на вопрос о наличии уверенности в завтрашнем дне, более половины (61%) относится к категории, опасющейся за влияние ИИ на рынок труда (табл. 2).

Аналогичные различия наблюдаются в ответах респондентов на вопрос о том, с каким настроением они смотрят в будущее. Среди тех, кто определённо опасается негативного влияния нейросетей на рынок труда, выше доля тех, кто смотрит в будущее с тревогой и неуверенностью, а также с безысходностью и отчаянием. Те, кто считает, что угрозы не существует, чаще смотрят в будущее с надеждой. Соотношение отчётливо просматривается как в настроениях, касающихся личного будущего респондентов, так и в настроениях, с которыми граждане смотрят в будущее страны. Так, среди «опасающихся» по сравнению с «не опасющимися» реже встречаются наиболее оптимистичные ответы по поводу образа личного будущего. «Смотрю в будущее с уверенностью и оптимизмом» ответили 14,8% «опасающихся» против 19,1% «не опасающихся»; «с надеждой и без особых тревог» – 16,1% против 27,1% соответственно. И напротив, среди тех, кто «с надеждой и тревогой в равной степени» смотрят в личное будущее 42,8% составляют опасующиеся негативного влияния ИИ и нейросетей на рынок труда и 33,9% «не опасующиеся»; «с тревогой и неуверенностью» – 20,2 и 16,5% соответственно; «с безысходностью и отчаянием» – 3,2 и 1,7%. Разбор структуры ответов всех респондентов, отметивших вариант «смотрю в личное будущее с безысходностью и отчаянием», показывает, что подавляющее большинство (69,2%) относится к категории «опасающихся» за рынок труда под влиянием нейросетей и ИИ.

Аналогичная взаимосвязь наблюдается и в настроениях, связанных с будущим страны (рис.). Так, оптимистичные настроения «с надеждой и без особой тревоги» встречаются у «не опасающихся» влияния ИИ на рынок труда вдвое чаще: 26,3% у «не опасающихся» против 13,5% у «опасающихся». В группах респондентов с пессимистическими взглядами на будущее России «с тревогой и неуверенностью» смотрят в её будущее 9,3% «не опасающихся» и более чем вдвое больше «опасающихся» (19,7%). Максимально пессимистичный ответ «с безысходностью и отчаянием» выбрали 1,7% «не опасующихся» и 4,5% «опасающихся».

Рис. Распределение представлений респондентов о будущем страны в зависимости от мнений об опасности ИИ для рынка труда (РФ, июнь 2023, % от числа опрошенных в группах)

Необходимо отметить обозначившуюся тенденцию к росту пессимистических настроений граждан, связанных с воздействием интернет-среды. Так, сравнивая самооощущения после ознакомления с традиционными и цифровыми СМИ, общением в социальных сетях, россияне склоняются всё к меньшему оптимизму по итогам использования цифровых источников (табл. 3).

Анализ массивов оптимистических и пессимистических оценок будущего в целом показал рост определенности значений по всем источникам информации. Наиболее

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Какой образ будущего, оптимистический или пессимистический, возникает у вас после просмотра и прослушивания передач по радио и телевидению, знакомства с информацией в Интернете, общения в социальных сетях и общения с родственниками и друзьями?», в % от числа опрошенных по каждому году

Источники информации	Оптимистический		Пессимистический		Трудно сказать	
	2020, XII	2023, VI	2020, XII	2023, VI	2020, XII	2023, VI
Передачи по телевидению	31	37	32	35	37	28
Передачи по радио	17	27	21	28	62	45
Информация в Интернете	13	22	31	45	56	33
Общение в социальных сетях	26	29	19	34	55	37
Общение с родственниками и друзьями	57	50	19	29	24	21
Печатные СМИ	–	20	–	29	–	51
Образ будущего в целом	36	38	20	27	44	35

Источник: данные по состоянию на июнь 2023 г. получены по результатам 53 этапа мониторинга ИСПИ ФНИСЦ РАН «Как живешь, Россия?»; данные по состоянию на декабрь 2020 г. – результаты социологического исследования «Куда идешь, Россия?» [Левашов и др., 2021: 38].

ощутима динамика негативных оценок видения образа будущего в распределении по информационным источникам. Самые высокие негативные оценки получены по альтернативам «информация в Интернете» (31% в 2020 г. против 45% в 2023 г.) и «общение в социальных сетях» (19% в 2020 г. и 34% в 2023 г.). Рост оптимизма по этим показателям более скромнен: с 13 до 22% при получении информации через Интернет и в пределах ошибки выборки с 26 до 29% при общении в социальных сетях. Тенденция свидетельствует о снижении оптимистических ожиданий относительно будущего у граждан, получающих информацию через Интернет и социальные сети, и позволяет сделать вывод об изменении характера контента в этих каналах массовой информации. Канал массовой межличностной информации «общение с родственниками и друзьями» сохранил безусловно лидирующую позицию среди всех источников массовой информации, но единственный в 2023 г. показал снижение уровня оптимизма (с 57 до 50%) и стал третьим после Интернета и социальных сетей по приросту пессимистических оценок (с 19 до 29%). Авторы склонны связывать динамику этого показателя с сохраняющимися высокими значениями тревожности граждан из-за роста цен на продукты питания, дороговизны жизни, проблем проведения СВО на Украине и повышения тарифов на услуги ЖКХ.

* * *

В целом, результаты опроса показали наличие более чем у половины россиян опасений по поводу возможного негативного влияния искусственных нейросетей и ИИ на рынок труда. Анализ показывает присутствие связи между этими опасениями и уровнем тревожности респондентов, степенью уверенности в завтрашнем дне и оптимизма, с которыми они смотрят в собственное будущее и будущее страны. Россияне, испытывающие опасения за занятость под влиянием ИИ, значительно чаще испытывают тревогу, их охватывают настроения тревоги и безысходности, картина будущего пессимистическая с негативными социальными ожиданиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Левашов В.К., Новоженкина О.П. Меняющийся образ будущего в сознании российских граждан // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 5(107). С. 38–51. DOI: 10.22204/2587-8956-2021-107-05-38-51.
- Левашов В.К., Великая Н.М., Шушпанова И.С. и др. Куда идешь, Россия? Экспресс-информация. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-344-7.2021.
- Левашов В.К., Великая Н.М., Шушпанова И.С. и др. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 53 этап социологического мониторинга, июнь 2023 года. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-418-5.2023.
- Хайнс Э. Как подготовиться к «безработному» будущему // Форсайт. 2019. Т. 13. № 1. С. 19–30. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.1.19.30.

Статья поступила: 02.10.23. Принята к публикации: 24.10.23.

RUSSIAN CITIZENS ON THE CHALLENGES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE, NEURAL NETWORKS AND SOCIAL OPTIMISM

LEVASHOV V.K.*, GREBNIYAK O.V.*

*Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, Russia

Victor V. LEVASHOV, Dr. Sci. (Sociol.), Director (levachov@mail.ru); Oksana V. GREBNIYAK, Researcher (oksananov@yandex.ru). Both – Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Abstract. Using sociological monitoring empirical data, the authors analyze the impact of the artificial neural networks and artificial intelligence development on the social moods of Russians under conditions of transforming labor market as a systemic social institution in the aspect of forming citizens' confidence in the future and optimistic image of that future. More than half of Russians today express their concerns about the artificial intelligence impact on the labor market closely related to the feeling of uncertainty and lack of confidence in the future. Citizens who express concerns for artificial intelligence impact on labor employment more often express negative attitudes and lack of optimism regarding their personal and country's future. Growing pessimism is observed in general among respondents who receive information via the Internet and social networks.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, labor market, image of the future, social optimism, anxiety.

REFERENCES

- Hines A. (2019) Getting Ready for a Post-Work Future. *Forsajt [Foresight]*. Vol. 13. No. 1: 19–30. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.1.19.30. (In Russ.)
- Levashov V.K., Novozhenina O.P. (2021) The changing image of the future in the minds of Russian citizens. *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [Russian foundation for basic research journal]*. No. 5(107): 38–51. DOI: 10.22204/2587-8956-2021-107-05-38-51. (In Russ.)
- Levashov V.K., Velikaya N.M., Shushpanova I.S. [et al.]. (2023) *How are you, Russia? Express information. 53rd stage of the sociological monitoring, June 2023*. Moscow: FCTAS RAS. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-418-5.2023. (In Russ.)
- Levashov V.K., Velikaya N.M., Shushpanova I.S. [et al.]. (2021) *What is your image of future, Russia? Express information*. Moscow, FCTAS RAS. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-344-7.2021. (In Russ.)

Received: 02.10.23. Accepted: 24.10.2023.

Г.А. ПОГОСЯН, Р.М. ПОГОСЯН

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ АРМЯН

ПОГОСЯН Геворк Арамович – академик НАН РА, доктор социологических наук, профессор, научный руководитель (gevork@sci.am); ПОГОСЯН Рима Минасовна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник (rimaroghosyan3@gmail.com). Оба – Институт философии, социологии и права Национальной академии наук Армении, Ереван, Армения.

Аннотация. В статье представлен анализ результатов социологического исследования, посвященного изучению социокультурной идентификации современных жителей Армении, ценностных ориентаций и удовлетворенности жизнью. Отдельное внимание уделяется оценке наличия в армянской национальной культуре элементов культур других народов, близости с этими народами, а также личного восприятия наличия элементов других культур.

Ключевые слова: историческая память • социокультурная идентификация • ценностные ориентации • армянская культура • удовлетворенность жизнью

DOI: 10.31857/S013216250028538-4

В современной Армении этническая идентичность армян, по существу, отождествляется с национальной идентичностью, поскольку республика является моноэтническим государством с гомогенным в национальном отношении населением, 97% которого состоит из этнических армян. Мы сформулировали задачу выяснить, насколько глубоко распространяется осведомленность современных армян об истории своего народа и какую культурную информацию она в себе несет, а также выяснить социокультурную идентичность граждан страны.

Летом 2022 г. был проведен анкетный опрос¹ жителей из числа взрослого населения Армении по многоступенчатой репрезентативной случайной национальной выборке ($N = 1500$). Коэффициент соответствия доверительной вероятности выборки равен 97%. Ошибка выборки не превосходит интервал $\pm 2,5\%$. Исследование проводилось методом личных интервью (F2F) в домах опрошиваемых, с использованием метода маршрутной выборки. Окончательный отбор респондентов производился при помощи упрощенного метода Киша.

Контуры культурно-исторической идентификации. Результаты опроса показали широкий разброс мнений о дате возникновения армян в массовом сознании граждан Армении. Так, 27,5% указали время до 4 тысяч лет; чуть более четверти (27%) указали, что армяне возникли более 6 тысяч лет назад, по мнению 25,3% опрошенных это произошло гораздо раньше – от 8 до 20 тысяч лет назад. Научная историография относит время образования армян к XII в. до н.э. (см. работы: Жак де Морган (1965) и др.), т.е. армянский народ сформировался приблизительно четыре тысячи лет тому назад. Лишь половина ответов (54,5%) наших опрошенных сгруппировалась на периоде от 2 до 6 тысяч лет.

Мы попытались выяснить, с кем из древнейших народов армяне сравнивают себя и кого из них считают более древними. Почти треть опрошенных (31,9%) указала египтян

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке РА (код: 21AG-6C041).

¹ Полевой этап социологического исследования осуществлялся специалистами, супервайзерами и профессиональными анкетерами Армянской социологической ассоциации (АСА) под руководством Г.А. Погосяна. Контроль работы интервьюеров в 10–15% случаев проводился во время и после полевого этапа исследования.

Таблица 1

Наличие некоторых черт других культур у нации в целом и у самих респондентов
(по 5-балльной шкале)

Черты какой культуры	Средний балл (у нации в целом)	Средний балл (лично у себя)
Советская	4,8	3,9
Русская	4,3	3,4
Европейская	4,2	3,2
Восточная	3,1	1,8

в качестве более древнего народа, а 21–22% указали греков и римлян. Кроме того, называли евреев, ассирийцев и персов. Но больше четверти опрошенных (29,4%) не указали ни на один другой народ. Заметим, что Армения в 2018 г. присоединилась к «Форуму древних цивилизаций» (Ancient Civilizations Forum)², в который входят основные древние народы: египтяне, римляне, персы, китайцы, греки, майя, инки, ацтеки, индусы и др. Армяне присоединились к ним в качестве представителей урартской цивилизации³.

Чувство близости армян с другими народами и культурами измерялось с помощью вопроса: «Черты каких других культур присутствуют сегодня в армянской культуре?» (табл. 1). По мнению наших опрошенных больше всего в современной армянской культуре присутствуют черты советской культуры (4,8 балла), русской (4,3 балла). С увеличением возраста опрошенных существенно возрастали баллы, присужденные русской и советской культурам, и понижались баллы, присужденные европейской и восточной культурам. Молодежь, наоборот, высокие баллы присуждала европейской культуре (4,7), что не было неожиданным. Не менее интересно было выяснить, в какой мере, по мнению респондентов, они сами несут в себе черты этих культур.

В этом случае места распределились схожим образом, зависимость оценок от возраста повторилась. Жители столицы в целом чаще, чем сельчане, соглашались с наличием у себя лично элементов других культур. Заметной разницы в оценках мужчин и женщин не наблюдалось. Каждый армянин в отдельности считает, что в нем самом больше черт национальной армянской культуры, чем у нации в целом.

Опрос позволил выявить, на какие народы, по мнению опрошенных, армяне более всего похожи. Список народов в анкете был предложен в полузакрытой форме на основе данных прежних опросов (табл. 2). Как видно, армяне считают, что они больше похожи на грузин (35,9%), греков (34,3%), русских (23,4%) и евреев (21,9%). И не похожи на арабов (85,8%), американцев (84,2%), французов (80,2%), турок (78,4%) и иранцев (78,4%). Представители старшего поколения (70+ лет) чаще указывали на близость с русскими и грузинами, а молодежь – на близость с греками, евреями и французами.

Особый интерес представляли вопросы об исторических датах принятия христианства и создания армянского алфавита. Подавляющее большинство опрошенных (82,1%) без колебаний назвало историческую дату принятия христианства – 301 год. Армения первой в мире, еще до Византии и Рима, приняла христианство в качестве государственной религии. Приблизительно такая же картина была выявлена относительно исторического времени создания армянского алфавита, большинство опрошенных (65,7%) дали правильный ответ на соответствующий вопрос – 405 год. Доля затруднившихся ответить (21,9%) и давших неправильный ответ (12,4%) в сумме составила порядка трети опрошенных (34,3%). Однако, на вопрос о том, кто создал армянский алфавит, абсолютное большинство опрошенных (98,7%) дало правильный ответ – Месроп Маштоц. Можно утверждать, что принятие

² См. URL: <https://thenewgreece.com/interesting/ancient-civilizations-forum/> (дата обращения: 15.07.2022).

³ См. URL: <https://www.armmuseum.ru/news-blog/2022/11/24/armenia-the-forum-of-ancient-civilizations-in-iraq> (дата обращения: 15.07.2022).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «На какие народы армяне больше всего похожи?»
(в % от числа всех опрошенных, по строке)

Народы	Похожи*	Не похожи**	Затруднились ответить
Грузины	35,9	64,1	2,7
Греки	34,3	61,4	4,3
Русские	23,4	74,2	2,4
Евреи	21,9	71,7	6,4
Иранцы	20,2	76,5	3,3
Турки	19,2	78,4	2,3
Французы	14,9	80,2	4,8
Американцы	10,3	84,2	5,5
Арабы	8,6	85,8	5,5
Другие	3,5	–	96,5

Примечание. * Суммарно представлены ответы «Очень похожи» и «Достаточно похожи». ** Суммарно представлены ответы «Мало похожи» и «Совсем не похожи».

христианства и создание армянского алфавита продолжают оставаться основными кодами национально-культурной идентификации армян.

Ценностные установки армян. Картина социокультурной идентификации современных армян выглядела бы неполной без представления о традиционных жизненных ориентациях, которые лежат в основании этой идентификации. На первом месте по важности для опрошенных, как и в предыдущие исследования, оказалась семья (92,1%), затем работа (78,8%) (табл. 3).

В зависимости от пола респондентов проявились отличия в оценках жизненных ценностей. Так, например, работа для опрошенных мужчин оказалась важнее (82,8%), чем для женщин (75,5%). Точно так же политика для мужчин важнее, чем для женщин, хотя в целом она не очень важна для обеих групп (44,9 и 61,4% соответственно). Религия намного важнее для женщин (54,4%), чем для мужчин (44,4%). Отметим, что ценность семьи была одинаково очень важной как для мужчин, так и для женщин. Выявлены были также различия в зависимости от возраста респондентов. Так, работа для молодежи и людей среднего возраста оказалась важнее (82%), чем для старшего поколения и для пожилых людей (77,5 и 63,7%). Друзья, знакомые для молодежи и людей среднего возраста важнее, чем для старшего поколения и пожилых людей. Ценность свободного времени с увеличением возраста респондентов постепенно падает;

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Насколько важны в вашей жизни следующие ценности?»
(в % от числа всех опрошенных)

Ценности жизни	Очень важны	Достаточно важны	Не важны	Совсем не важны	Затруднились ответить
Семья	92,1	6,6	0,5	0,2	0,7
Работа	78,8	16,7	2,6	0,5	1,5
Друзья, знакомые	65,1	28,2	5,5	1,0	0,3
Свободное время	46,9	35,3	13,6	3,3	0,9
Политика	17,3	27,6	29,8	24,2	1,1
Религия, вера	50,0	34,0	9,7	5,2	1,1

сравнительно высоко ее оценили только молодые люди (52,7%). Религия, вера важна для респондентов всех возрастов (48–49%), но для опрошенных среднего возраста она сравнительно важнее (52,5%). Политика, которая в целом не очень важна для респондентов, с увеличением возраста обретает несколько большую значимость.

Удовлетворенность своей жизнью. Обычно общая удовлетворенность своей жизнью у людей складывается из удовлетворенности различными её сторонами. Мы попытались выяснить, какие слагаемые и в какой степени формируют у армян удовлетворенность своей жизнью в целом (табл. 4).

Подавляющее большинство респондентов вполне удовлетворены своей семьей (87,9%), родителями (85,7%) и детьми (66,8%). Но существенно меньше удовлетворенных самим собой (42,8%), своей жизнью в целом (37,3%) и меньше всего тех, кто удовлетворен своим финансовым положением (22,3%). Тридцать лет назад в проведенном нами репрезентативном социологическом исследовании на такой же вопрос были получены следующие ответы: 65,4% опрошенных удовлетворены своей семьей, 68,4% – родителями и 58,0% – детьми [Погосян, 1994]. Как видим, за 30 лет традиционная для армян ценность семьи и семейных отношений еще более укрепилась и получила более высокий уровень удовлетворенности. Если в исследовании 1993 г. только 13% опрошенных были удовлетворены своей жизнью в целом, то в исследовании 2022 г. таковых оказалось в три раза больше – 37,3%. Как тогда, так и сегодня больше всего респонденты не удовлетворены своим финансовым и экономическим положением (27,2%). Нормальный уровень жизни, по мнению опрошенных, требует определенного материального достатка, с которым в армянском менталитете связывается благополучие семьи и детей – главных ценностей жизни [там же]. Армянское общество продолжает оставаться традиционным в тех вопросах, которые касаются внутрисемейных и межпоколенческих отношений.

Особой разницы в оценках мужчин и женщин и в этом случае выявлено не было. Различия в оценках представителей разных возрастных групп заметнее. Наиболее высоким уровнем удовлетворенности оказался у респондентов среднего возраста (30–49 лет), а наименее удовлетворены люди пожилого возраста (70+ лет). При анализе связи удовлетворенности с уровнем образования респондентов выяснилось, что более удовлетворенными являются люди с высшим образованием. Что касается жителей городов и сел, то, как выяснилось, ереванцы больше остальных удовлетворены самими собой (47,2%) и своей жизнью в целом (40,9%). А сельские жители больше удовлетворены своей семьей (90,9%), родителями (90,3%) и детьми (72,2%).

На прямой вопрос о самоощущении опрошенных относительно их национальной принадлежности «Сожалеете ли вы, что являетесь армянином?» подавляющее большинство ответило отрицательно (82,8%), незначительное число респондентов (3,6%) сожалеют и 12,4% «не очень сожалеют». Среди респондентов пожилого возраста (70 лет и старше) 90% отметили, что не сожалеют по поводу своего армянства, а среди молодых респондентов таковых оказалось несколько меньше – 81,4%. Для сравнения заметим, что в исследовании 1993 г. 26,5% молодежи высказали сожаление по поводу своей принадлежности к армянской нации [Погосян, 1994].

Таблица 4

Степень удовлетворенности различными сторонами жизни
(% от числа всех опрошенных)

Стороны жизни	Удовлетворен	Частично удовлетворен	Не удовлетворен	Затрудняюсь ответить
Семьей	87,9	9,4	1,5	1,3
Родителями	85,7	7,6	1,5	5,1
Детьми	66,8	6,5	1,2	25,5
Самим собой в целом	42,8	47,5	7,9	1,9
Своей жизнью в целом	37,3	53,4	7,7	1,7
Финансовым положением	22,3	48,7	27,2	1,8

Сегодня только 4,3% молодежи ответили таким образом. Лица с общим средним образованием в подавляющем большинстве (90,1%) не сожалеют, что являются армянами, среди лиц с высшим образованием таковых несколько меньше (78,6%). В ответах мужчин и женщин, а также в ответах жителей столицы, малых городов и сел особых различий не было выявлено.

Национальная гордость и уровень счастья. Закономерно возникал вопрос, а в какой степени граждане Армении горды тем, что являются представителями армянской нации. Из ответов на этот вопрос выяснилось, что подавляющее большинство опрошенных (89,9%) гордится тем, что являются армянами. Пожилые люди и женщины несколько больше остальных горды тем, что являются армянами (54,4 и 53,3% соответственно). Жители сел также больше гордятся этим фактом (60%), чем жители столицы и других городов (49 и 47% соответственно). Полученные данные свидетельствуют о высокой удовлетворенности своей национальной принадлежностью опрошенных в целом.

Что касается удовлетворенности респондентов от проживания в Армении, то здесь доля довольных оказалась меньше. Так, меньше половины опрошенных (44,5%) чувствуют себя хорошо в Армении. Приблизительно столько же (41,9%) чувствуют себя «ни хорошо, и ни плохо», при этом 11,2% чувствуют себя «плохо или очень плохо». Среди пожилых (70+ лет) несколько больше тех, кто чувствует себя очень хорошо (26%), по сравнению с молодежью (21,3%). Наибольшая доля людей среднего возраста (30–49 лет) чувствует себя «ни хорошо, ни плохо», и 26,6% опрошенных этой категории чувствует себя хорошо. Мужчины и женщины чувствуют себя практически одинаково. Но вот столичные жители чувствуют себя существенно хуже, чем сельские жители. При этом все те, кто ответил положительно, объясняли свой ответ тем, что «это моя Родина» (63,4%) или «это мой дом» (20%). А те, кто ответил отрицательно, аргументировали ответ плохими социально-экономическими условиями (44,1%) или психологическими причинами (38,8%). Таким образом, хотя подавляющее большинство опрошенных гордится своим армянским происхождением, своей жизнью в Армении более половины респондентов недовольны. Не случайно за годы обретения независимой государственности после распада Советского Союза огромное количество граждан республики (около трети населения) покинули Армению. Главной причиной столь большого миграционного оттока, особенно среди молодежи, были развал экономики республики, отсутствие рабочих мест, не спадающая напряженность на границах и опасность возобновления войны с соседями.

Также задавался вопрос: «В целом и целом, можете сказать, что вы счастливы?». Каждый пятый респондент (21,4%) считает себя очень счастливым, а почти две трети (60,1%) считают себя достаточно счастливыми. Пожилые люди чувствуют себя несколько менее счастливыми (17,8%), чем остальные. Люди с начальным образованием чувствуют себя несколько менее счастливыми (15,8%), чем люди с высшим образованием (24,6%). Столичные жители чувствуют себя несколько более счастливыми (24,1%), чем жители других городов республики (16,7%). Только 7,5% отметили, что совершенно несчастливы. Подобные результаты можно считать вполне удовлетворительными для страны, которая всего пару лет назад потерпела поражение в войне с соседями и находится в сложном геополитическом положении. Полученные нами результаты подтверждаются данными ежегодного отчета ООН о мировом индексе счастья по всем странам (Happiness World Report). Армения, согласно этому отчету, в последние годы занимает неплохие позиции по индексу счастья. Так, в 2023 г. с показателем индекса счастья 5.342 она занимала 79 место среди 137 стран мира [World Happiness Report 2023]. Для сравнения: индекс счастья в России был 5.661 (70-е место). Самый высокий индекс счастья много лет подряд фиксируется в Финляндии – 7.804, а самый низкий в Афганистане – 1.859.

* * *

Резюмируя, отметим, что подавляющее большинство армян хорошо осведомлено о дате возникновения армянского алфавита, его создателе и времени принятия христианства в качестве государственной религии. Очевидно, эти исторические вехи продолжают оставаться основными кодами национально-культурной идентификации армян. По мнению опрошенных, больше всего в современной армянской культуре присутствуют черты русской и советской

культуры, на втором месте черты европейской культуры и на третьем месте черты восточных культур. В среднем каждый армянин в отдельности считает, что в нем самом больше черт национальной армянской культуры, чем у нации в целом. Однако в личностном плане молодое поколение армян более склонно отмечать в себе наличие элементов европейской культуры. Исследование позволило выявить, что армяне считают, что более всего похожи на грузин, на греков и евреев. Ценностные ориентации на семью, работу, религию, друзей и знакомых представляют достаточно устойчивый элемент в структуре идентификации армян. При этом уровень удовлетворенности своей семьей, родителями и детьми для подавляющего большинства является высоким, в отличие от удовлетворенности самим собой, своей жизнью в целом и своим финансовым положением. Большинство армян гордится тем, что являются армянами. Интересно, что число сожалеющих и недовольных своей этнической принадлежностью среди армянской молодежи за тридцать лет сократилось в несколько раз. Вместе с тем удовлетворенность армян своей жизнью в Армении оставляет желать лучшего, что обусловлено, главным образом, плохими социально-экономическими условиями и постоянной угрозой войны в регионе. Совокупность этих факторов остается основной причиной распространённости миграционных настроений, в особенности среди молодежи республики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Погосян Г. Судьба армянина в Армении // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 150–154.
World Happiness Report 2023. (2023). Helliwell, J. F., Layard, R., Sachs, J. D., De Neve, J.-E., Akinin, L. B., & Wang, S. (eds) New York: Sustainable Development Solutions Network.

Статья поступила: 05.09.23. Финальная версия: 28.09.23. Принята к публикации: 31.10.23.

SOCIO-CULTURAL IDENTIFICATION OF MODERN ARMENIANS

POGHOSYAN G.A.*, POGHOSYAN R.M.*

*Institute of Philosophy, Sociology and Law of ANAS, Armenia

Gevorg A. POGHOSYAN, Dr. Sci. (Sociol.), Full member of ANAS, Prof., Scientific Head of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of ANAS, Yerevan, Armenia (gevorg@sci.am); Rima M. POGHOSYAN, PhD, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Sociology and Law of Armenian National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia (rimapoghosyan3@gmail.com).

Acknowledgements. The study was carried out as part of the thematic project “Cognitive, communicative and semiotic mechanisms of the formation of historical memory and national identity”, funded by the Science Committee of the Republic of Armenia (code 21AG-6C041).

Abstract. The article analyzes the results of the nationwide sociological study of the sociocultural identity of modern Armenian society, traditional values and features of social life. Special attention is paid to assessing the presence in the Armenian national culture of elements from other national cultures, closeness and similarity with these nations, as well as personal perception of other cultures’ elements presence. Also, an analysis of collective idea about the overall life satisfaction and meanings of happy life is offered.

Keywords: historical memory, sociocultural identity, traditional values, Armenian culture, life satisfaction.

REFERENCES

Poghosyan G. (1994) The fate of the Armenian in Armenia. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 150–154. (In Russ.)
World Happiness Report 2023. Helliwell, J. F., Layard, R., Sachs, J. D., De Neve, J.-E., Akinin, L. B., & Wang, S. (eds). New York: Sustainable Development Solutions Network.

Received: 05.09.23. Final version: 28.09.2023. Accepted: 31.10.23.

И.А. ПОЛУЭХТОВА

МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП

ПОЛУЭХТОВА Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии массовых коммуникаций факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия (ipoluekhtova@gmail.com).

Аннотация. В статье представлены результаты очередного этапа многолетнего мониторингового социологического исследования «Телевидение глазами телезрителей», проведенного осенью 2022 г. Отмечено продолжающееся размывание границ между традиционными и цифровыми медиа, зафиксировано формирование новых паттернов медиапотребления, сочетающих использование как традиционных, так и цифровых каналов, экранов и платформ доступа к контенту. Современное медиапотребление определяется не только содержанием продукта, но и интерфейсом, функциональностью, удобством платформы, экрана, сервиса. По недельному охвату аудитории лидируют телевидение, социальные сети и интернет-видео. Самым востребованным типом контента в РФ является всевозможное видео – его смотрят почти все (96% опрошенных). По возрастным группам различия в практиках медиапотребления сохраняются на уровне предпочтений в выборе медиаканалов, экранов и типов контента. Среди 15–34-летних россиян доминирует медиапотребление, ориентированное на интернет-сервисы (социальные сети, онлайн-видео, музыка и подкасты). Группа 35–54-летних также активно использует социальные сети и смотрит интернет-видео, но сохраняет высокий интерес к телевидению и к радио. В старшей возрастной группе (55 лет и старше) еще доминирует телевидение и сильны позиции печатной прессы, но уже значителен уровень освоения социальных сетей и интернет-видео.

Ключевые слова: медиапотребление • видеопотребление • телевидение • видео • телеканал • пользователи Интернета • аудитория

DOI: 10.31857/S013216250028539-5

Введение. Исследования медиапотребления опираются не только на богатую академическую традицию, но и на обширную практику прикладных маркетинговых исследований. Медиапотребление в социологии изучается и в контексте культурного потребления как составляющей стиля жизни, который, в свою очередь, зависит от социально-классовой структуры [Bourdieu, 1984], или определяется как повседневные рутинные действия – социальные практики [Silverstone, 1994]. Эти подходы дополняют друг друга, что позволяет рассматривать медиапотребление как повседневную практику потребления разнообразных символично-смысловых продуктов (контента), подготовленных профессиональными или непрофессиональными авторами и доставляемых по различным техническим каналам связи специальными медийными агрегаторами на индивидуальные коммуникационные устройства пользователей [Коломиец, 2010]. Хотя медиапотребление реализуется отдельными индивидами и для удовлетворения индивидуальных культурных потребностей, оно находится под пристальным вниманием различных институциональных субъектов. Прежде всего, это создатели медиапродуктов (авторы, продюсерские центры, творческие коллективы и т.п.), которые нацелены на аудиторный успех: медиаконпании и рекламодатели, заинтересованные в широком охвате аудитории; государство как заказчик информационных услуг для утверждения с помощью медиа определенной системы ценностей, интегрирующей и стабилизирующей общество.

Исследовательский проект «Телевидение глазами телезрителей» – уникальный социологический мониторинг медийной оснащенности и медиапотребления россиян, который

реализуется с 2000 г. (при участии автора)¹ (см., напр.: [Полуэхтова, 2018, Коломиец, 2021]). В рамках проекта ежегодно проводятся общероссийские опросы населения по широкому кругу тем, связанных с доступностью и использованием населением медийных технологий и услуг. Опросы проводятся на репрезентативных общероссийских выборках с использованием различных методов. В статье представлены некоторые результаты очередной волны (октябрь 2022 г.), в рамках которой проведено два независимых опроса – формализованное интервью по телефону ($N = 2500$) и онлайн-анкетирование ($N = 3600$). В статье использованы только результаты телефонного опроса, репрезентирующего население РФ в возрасте от 15 лет и старше. Выборка – случайная, распределена по федеральным округам и типам населенных пунктов пропорционально численности населения; квоты задавались по параметрам пол – возраст – тип поселения.

Основное внимание в статье уделено видеопотреблению как самой популярной практике медиапотребления – почти все опрошенные (96%) смотрят какой-либо видеоконтент (по телевизору или в Интернете) хотя бы раз в неделю. В исследовании выделяется и сравнивается потребление нескольких типов видео: 1) классическое телевидение – просмотр линейного вещания телеканалов на экране телевизора; 2) OTT TV (Over-the-Top TV) – просмотр интернет-вещания (стриминга) телеканалов на экране любого компьютерного устройства или Смарт ТВ; 3) видео «по запросу» (Video On Demand, VOD) – просмотр профессионального «длинного» видео (художественные и документальные фильмы, телесериалы и телепередачи любых жанров) на любом устройстве, через любой сервис, предоставляющий доступ к контенту «по запросу»; 4) интернет-видео – просмотр непрофессионального/неинституционального видео (видеоблоги, обучающее видео, пользовательские ролики и пр.), доступного только на интернет-ресурсах (видеохостингах, социальных сетях и пр.). Эта авторская классификация разработана и апробирована как оптимальный для метода опроса инструмент сбора данных в условиях высокой фрагментации видеопотребления.

Медиапотребление россиян в 2022 г. Традиционные медиа (прежде всего радио и печатная пресса) теряют в охвате, в то время как потребление цифрового контента (социальных сетей, интернет-СМИ, музыки и подкастов, видео-по-запросу) увеличивается. Этот тренд реализуется уже более двух десятилетий и, вероятнее всего, продолжится. На протяжении двух последних десятилетий ключевым фактором изменений в практиках медиапотребления было развитие цифровых информационно-коммуникационных технологий. В 2022 г. характер медиапотребления определял не только технологический фактор, но и социально-политическая ситуация в стране, которая, в частности, «затормозила» тенденцию сокращения телепотребления. Интерес к телевидению как источнику информации закономерно возрастает в периоды общественной нестабильности и кризисов. В первой половине 2022 г. официальный измеритель аудитории телеканалов (уполномоченная Роскомнадзором компания «Медиаскоп») зафиксировал рост аудитории телевидения, который, однако, во втором полугодии сошел на нет, и телепотребление во второй половине 2022 г. оказалось даже ниже уровня 2021 г. Наш опрос населения в октябре 2022 г. также зафиксировал некоторое снижение недельного охвата классического телевидения (линейного вещания телеканалов, принимаемых телевизором) по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. Однако мы обнаружили существенный прирост охвата OTT TV – просмотра интернет-вещания телеканалов на компьютере, мобильных устройствах и в приложениях на СМАРТ ТВ (с 22 до 32%), который не регистрируется системой

¹ Проект реализует Аналитический центр ООО «Новая сервисная компания» (НСК) по заказу крупнейших медиахолдингов – учредителей агентства «Национальный рекламный альянс» (Первый канал, ВГТРК, Газпром Медиа, НМГ, СТС Медиа). Для реализации полевого этапа исследований привлекаются профессиональные социологические и маркетинговые агентства (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-центр, Tiburon, Online Market Intelligence (OMI) и др.). Авторский коллектив: И.А. Полуэхтова (рук.), А.В. Воронцова, П.А. Ковалев, Е.В. Овчинская и др.

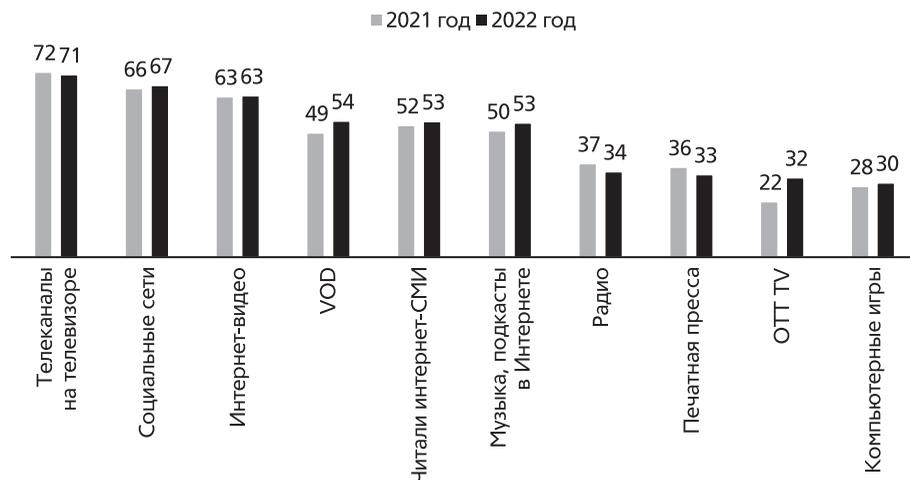

Рис. 1. Недельный охват, или потребление медиа (контента) за неделю, 2021 и 2022 гг. (в % от числа опрошенных)

индустриальных телеизмерений (рис. 1). Таким образом, телепотребление не столько снижается, сколько меняется, реализуясь в новых зрительских практиках.

За год выросло также число «нелинейных» телезрителей – тех, кто смотрит фильмы, телесериалы и телепередачи «по запросу» на различных интернет-ресурсах (с 49% до 54%). В этом смысле «противостояние» этих двух источников информации, сопровождающееся алармистским дискурсом вытеснения телевидения Интернетом, «смерти телевидения», выглядит прямолинейным и не вполне обоснованным. Конвергенция, а не противостояние и полное замещение, характерна для этих медиа, на что указывают результаты нашего исследования.

Значительная часть населения освоила новые возможности, предлагаемые современной медиасредой, и сочетает традиционные и новые способы потребления видео. Более половины населения (56%) смотрят как телеканалы по телевизору, так и фильмы в онлайн-кинотеатрах, шоу и сериалы на сайтах телеканалов, блоги на YouTube, видеоролики в социальных сетях и прочее. Чуть менее четверти опрошенных (22%) обходятся исключительно классическим телепросмотром (линейного вещания телеканалов по телевизору), а пятая часть (18%) – исключительно «другими» типами видео (в онлайн-кинотеатрах, на YouTube и т.п.). Последняя группа не смотрит телеканалы по телевизору, однако это не означает полного отказа от просмотра телевизионного контента, который представители этой группы реализуют иначе (к примеру, смотрят интернет-вещание телеканалов или телесериалы «по запросу» в онлайн-кинотеатрах, на сайтах или в приложениях на мобильных устройствах). Медиаконвергенция размывает границы между телевидением и другими типами видео. Сегодня мы видим формирование единой среды видеоконтента, где телевизионный контент становится частью «тотал видео». Аудитория следует за контентом, совершая бесшовный переход между платформами и экранами, выбирая удобство и комфорт.

Телевизор становится конвергентным пользовательским устройством: усиливается его роль как экрана для просмотра различных видов контента. За год число россиян, которые регулярно используют экран телевизора для просмотра чего-либо помимо линейного вещания телеканалов, увеличилось с 33% до 41%, чаще всего это онлайн-просмотр фильмов, сериалов или передач «по запросу» (так в 2022 г. регулярно делали 22% россиян). Каждый пятый (21%) смотрит на экране телевизора скачанное видео и (или) YouTube (20%), 6% используют его для видеоигр. В «борьбе телевидения и Интернета» побеждает

современный, подключенный к высокоскоростному Интернету телевизор. Именно он становится средоточием домашнего видеопотребления.

Медиапотребление возрастных групп. Рассмотрим различия, характерные для использования медиа разными группами аудитории. Возраст – один из основных факторов этих различий. Развитие цифровых технологий придало им характер «цифрового разлома». Результаты демонстрируют различия в медиапрактиках трех возрастных групп (рис. 2). В медиапотреблении молодежи (15–34 года) в 2022 г. наиболее востребованными были социальные сети (ими регулярно пользовались 91% опрошенных), интернет-видео (84%), музыка и аудио подкасты в Интернете (81%), видео «по запросу» (VOD, 76%) и интернет-СМИ (65%). Все эти медиа и типы контента опережают телевидение (57%) по недельному охвату аудитории (рис. 2). В этой возрастной группе больше всего тех, кто смотрит только «другое видео» (37%), и меньше всего тех, у кого видеопотребление ограничивается просмотром телеканалов по телевизору (всего 4%) (рис. 3).

Телевизор молодежь рассматривает как лучший домашний экран, но все чаще использует его для просмотра «другого» контента (57%). Поскольку молодежь в основном ориентирована на медиаменю, которое предлагают интернет-сервисы (социальные сети, онлайн-кинотеатры и видеохостинги, музыкальные сервисы, интернет-СМИ и пр.), неудивительно, что в качестве основного экрана молодые люди чаще всего используют смартфон.

В старшей возрастной группе (55+) основной практикой медиапотребления остается просмотр телеканалов на экране телевизора (90%). Однако значительная часть этой группы

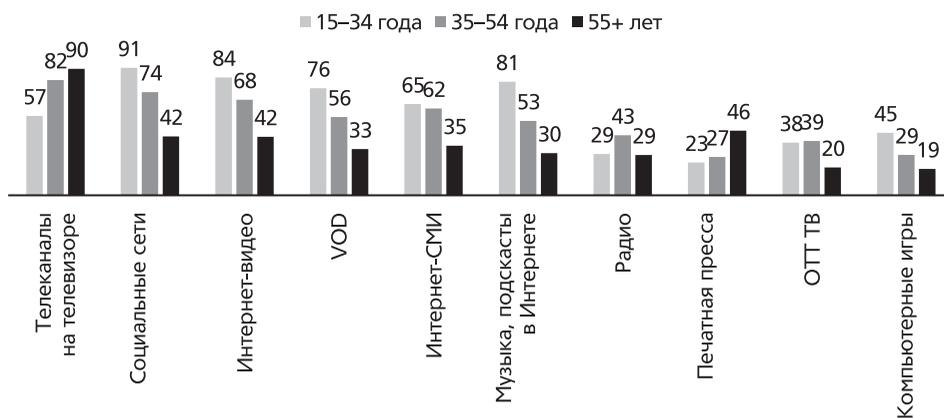

Рис. 2. Потребление медиа (контента) за неделю, в % от числа опрошенных по возрастным группам

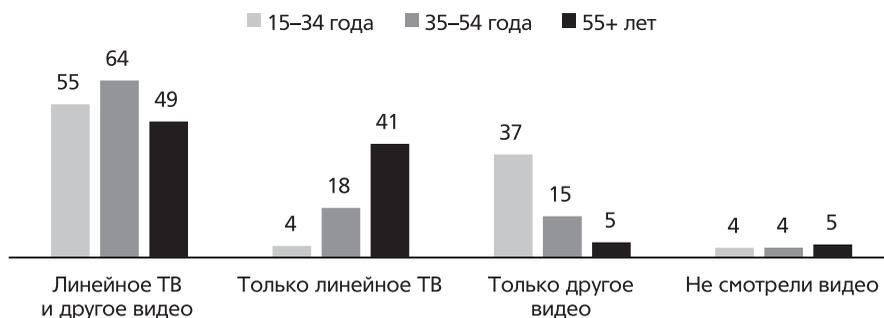

Рис. 3. Просмотр разных типов видео за неделю, в % от числа опрошенных по возрастным группам

уже освоила «другое» использование экрана телевизора: почти каждый третий россиянин старше 55 лет (29%) регулярно смотрит на экране телевизора видеоконтент из Интернета. При этом у старшего поколения сохранился вкус к чтению «бумажной» прессы: 46% респондентов этого возраста ответили, что в течение недели читали печатную прессу. Наряду с этим идет активное освоение новых медиапрактик – уже более 40% опрошенных в этой группе регулярно используют социальные сети и смотрят интернет-видео.

Медиапрактики представителей «среднего возраста» (35–54 года) демонстрируют большее сходство с медиапотреблением старшей группы, чем с молодежью. Определяющую роль в этом, вероятно, играет большее сходство образа жизни. Меньшая (по сравнению с молодыми) мобильность, ограниченная внедомашняя активность (семья, дети) ведут к одомашниванию досуга и повышают значимость телевизора и телепросмотра. В «средней» возрастной группе телевидение опережает интернет-потребление: регулярно смотрят вещание телеканалов по телевизору 82%, социальные сети используют 74%, интернет-СМИ читают 62% опрошенных. «Цифровизация» практик медиапотребления в этой группе проявляется своеобразно – например, в том, что сохраняющийся интерес к телевидению реализуется не только в традиционном телепросмотре (по телевизору), но и в Интернете. В этой возрастной группе тех, кто смотрит OTT TV (интернет-вещание, стриминг телеканалов) на компьютерных и мобильных устройствах, практически столько же, сколько и среди молодых (39% против 38%). В отличие от старших возрастных групп, люди «среднего» возраста не проявляют такого же высокого интереса к печатной прессе. Но у них ярко выражен интерес к другому традиционному медиа – радио. Эта группа лидирует в недельном потреблении радио (43%), что объясняется в первую очередь высокой долей автомобилистов среди людей «среднего» возраста и регулярным прослушиванием радио в автомобиле.

Заключение. Тренд, который лежит на поверхности и очевиден: традиционные медиа (прежде всего печать, радио и телевидение) продолжают терять аудиторию. Однако с каждым годом значимость данного утверждения становится все меньшей, поскольку границы между традиционными и цифровыми медиа стираются. Аудитория осваивает «мультимедийность», сочетая традиционные и цифровые каналы, экраны, платформы для доступа к контенту. Современное медиапотребление определяется не только содержанием продукта, но и интерфейсом, функциональностью и удобством экрана, сервиса и пр. Все типы видео постепенно «сливаются» для потребителей в единый видеопоток (total video), сосредотачиваясь на экране телевизора как самом удобном домашнем экране. Современный SMART-телевизор с возможностями просмотра OTT TV, VOD, интернет-видео и широким кругом возможностей, выходящих за пределы не только классического телевидения, но и просмотра видео (компьютерные игры, социальные сети, радио), – это уже настоящее, но еще больше – будущее медиапотребления. Смартфон становится вторым экраном, он всегда «под рукой» и обеспечивает доступность контента из Интернета. Возможность для аудитории получить любой контент на одном экране (наиболее доступном и удобном в данный момент) создает новую ситуацию конкуренции для медиа и формирует практики медиапотребления различных возрастных групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Коломиец В.П. Индустриальная трансформация телевидения // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 92–100.
- Коломиец В.П. Медиасреда и медиапотребление в современном российском обществе // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 58–66.
- Полуэхтова И.А. Телевидение и его аудитория в эпоху Интернета. М.: МосГУ, 2018.
- Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste, Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984.
- Silverstone R. Television and Everyday Life. London: Routledge, 1994.

MEDIA CONSUMPTION BY DIFFERENT AGE GROUPS

POLUEKHTOVA I.A.

Lomonosov Moscow State University, Russia

Irina A. POLUEKHTOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Department of Sociology of Mass Communications, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (ipoluekhtova@gmail.com).

Abstract. In this article, the results of the recent wave of the monitoring sociological study “Television through the viewers’ eyes” conducted in autumn 2022 are presented. It is shown, that media convergence blurs the boundaries between traditional and digital media, thus forming new patterns of media consumption that combine usage of traditional media channels with digital media channels, screens and platforms that provide access to media content. Modern media consumption is shaped not only by content of the product, but also by interface, functionality, convenience of platform, screen and service. The leaders in weekly audience are television, social networks and internet-video. The most demanded type of content is video, as it is seen by almost the whole audience (96% of respondents). Although all age groups have mastered digital media services to a degree or another, differences in media consumption practices between them remain at the level of preferences in choosing media channels, screens and types of the content. In the 15–34 age group, media consumption focused on internet-services (social networks, online-video, music and podcasts) dominates. The 35–54 age group also actively uses social networks and watches internet-video, while at the same time people of this age group retain high interest for such traditional media as television and radio. In media consumption of the senior age group (55+), television dominates, and the positions of the printed press are strong, but the level of mastering and usage of social networks and internet-video is already high.

Keywords: media consumption, video consumption, television, video, TV channel, internet users, audience.

REFERENCES

- Bourdieu P. (1984) *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Kolomiets V.P. (2010) Media environment and media consumption in modern Russian society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No.1: 58–66. (In Russ.)
- Kolomiets V.P. (2021) Industrial transformation of television. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 92–100. (In Russ.)
- Poluekhtova I.A. (2018) *Television and its audience in the Internet era*. Moscow: MosGU. (In Russ.)
- Silverstone R. (1994) *Television and Everyday Life*. London: Routledge.

Received: 11.07.23. Accepted: 16.10.23.

© 2023 г.

ПЕРСПЕКТИВЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ

В рамках всероссийской научной конференции «Общественные науки и развитие высшего образования: к 300-летию образования Российской академии наук» 23 сентября 2023 г. на площадке СПбГУ был проведен круглый стол, посвященный фундаментальным и текущим проблемам воспроизводства научно-педагогических кадров для современной России. Участниками стали ведущие ученые, эксперты, исследователи-практики и преподаватели, работающие в академических институтах, ключевых российских университетах, федеральных комиссиях, редакциях научных изданий.

Проблема воспроизводства научно-педагогических кадров в России не перестает быть актуальной на протяжении длительного периода времени. Несмотря на реализованные в течение двух последних десятилетий масштабные реформы, наука и высшее образование продолжают стагнировать, а воспроизводство следующих поколений работников поставлено под большой вопрос. Приветствуя собрание, декан социологического факультета проф. **Н.Г. Скворцов** отметил наиболее острые вопросы в этой области: резкое сокращение финансирования, сужение демографической базы для наращивания кадров в науке и образовании, отток ученых и преподавателей из профессии, снижение качества исследований, общее падение престижа науки в стране и низкая мотивация при выборе научной/преподавательской карьеры.

Чл.-корр. РАН **М.Ф. Черныш** (ФНИСЦ РАН) определил проблему воспроизводства научно-педагогических кадров как одну из самых важных в стране на текущий момент времени. Он поставил вопрос о содержательном понимании искомых паттернов работников, востребованных в современной науке и университетском сообществе. В данном контексте должны быть обдуманы характеристики будущих поколений российских ученых: возрастные, когнитивные особенности и нравственные ориентиры. Из-за того, что проблема имеет комплексный характер, главной задачей является определение оптимального количества кадров с учетом того, что их возможное сокращение может стать угрозой для системы образования и науки. В России существенно сокращается число молодых ученых: тенденция не так заметна в крупных и привлекательных для молодежи учреждениях или научных школах, но ее уже нельзя проигнорировать в региональных вузах или в науке в целом. Переход ученых в наиболее востребованные области знания и тематики сказывается на свертывании сложных, фундаментальных проектов, в которых остается все меньше исследователей, способных воспроизводить, развивать и передавать новым поколениям накопленный корпус знаний. М.Ф. Черныш также обратил внимание на квалификационные требования подготовки научно-педагогических кадров, в том числе получение ученой степени. Подготовка диссертации – надежный фильтр отбора талантливой молодежи, способной мыслить широкими категориями и демонстрировать эрудицию, соответствовать передовым стандартам науки и образования. Однако в настоящее время такой запрос не удовлетворяется: все меньше становится докторов наук и проводится защит. Во многом это следствие высокой сложности современной науки, но, с другой стороны, у соискателей отсутствует мотивация – работа над докторской диссертацией не приносит больше ощутимых социальных благ и преимуществ. При этом нельзя

забывать, что никакие блага не смогут заменить «призвания к науке». В широкое веберовское прочтение этого понятия включены наряду с профессиональным выбором внутренние порывы человека, его страсть, желание выяснить истину, т.е. в воспроизводство ученого в обязательном порядке закладывается исследовательская мотивация. Подобным «призванием» должны обладать и университетские преподаватели, которым принадлежит «право» рекрутировать молодежь в науку. Однако в последнее время в университеты все чаще приходит молодежь, ориентированная на конъюнктуру, а не на «призвание», она не воспринимает университет как «великий храм науки». Едва ли можно сказать, что сегодня студенты и аспиранты воспринимают университет как место, в котором происходит преобразование человека, т.е. воспитание разумной и просвещенной личности, которая будет работать на благо отечества.

В своем выступлении чл.-корр. РАН **Ж.Т. Тощенко** (РРГУ) отметил, что только за последние пять лет количество вузовских преподавателей сократилось на 30 тыс. чел. Доля научных сотрудников в общем объеме научного потенциала страны составляет всего 5,6% или 19,5 тыс. чел. Другой важнейшей проблемой является продолжающееся старение педагогических кадров. В результате реформирования системы высшего образования по Болонской модели произошла выраженная дезорганизация учебного процесса: непроверенные инновации распространяются по всей стране без учета культурных и исторических традиций, особенностей и условий существования учреждений высшего образования. Большим унижением для вузов и профессорско-преподавательского состава оказалось их разделение по трем категориям, выделение «слабых» и «сильных» университетов, попытки исключения некоторых отдаленных региональных вузов из бюджетного финансирования. Это привело к катастрофической потере престижа профессии преподавателя в России. В настоящее время она является привлекательной только для 1,5–2% работников, а профессия ученого – для 1%. В рейтинге профессиональных предпочтений молодежи профессия ученого занимает лишь 30–31 место (по данным ВЦИОМ). Даже лучшие выпускники аспирантуры не стремятся к научной или преподавательской карьере. Кроме того, сами преподаватели оказались в прекарной (нестабильной, уязвимой) позиции, что выражается в чрезмерном росте аудиторной нагрузки, в исключении важных видов деятельности (консультаций, научного руководства и пр.), в неумеренных обновлениях федеральных образовательных стандартов, в обилии отчетной и административной работы. Зарплатные платы преподавателей чрезвычайно низки (по данным социологических исследований РРГУ, в среднем по стране 41–45 тыс. руб.). **Ж.Т. Тощенко** подчеркнул и значительные изменения в организации научной и университетской жизни: прекратились свободные выборы руководителей, латентно деформировалось общественное участие в решении внутриорганизационных проблем (не проводятся преподавательские конференции, снизилось доверие к профсоюзным организациям). В то же время, несмотря на систематическое сокращение числа научно-педагогических работников (НПР), общее число занятых в образовании не изменилось: согласно исследованиям, высвобожденные НПР замещаются управленческим и административным персоналом. Плачевное состояние дел в научной и образовательной среде в итоге сказалось на снижении качества и престижа профессии по сравнению с предыдущими поколениями. Выход из ситуации – в принятии официальных гарантий достойного существования для НПР и обеспечении возможности творческого роста. Чрезвычайно важно вернуть в университеты и научные институты академические свободы в форме безусловного права ученых и преподавателей на свободный поиск, эксперимент и принятие решений без учета интересов «сверху» и мелочной опеки.

Серьезный анализ развития ситуации в высшей школе предложил профессор **Г.Е. Зборовский** (УрФУ). Он подтвердил текущий нисходящий тренд в положении научно-педагогических кадров страны, что, по его мнению, стало результатом ошибочной управленческой стратегии, направленной на оптимизацию и интенсификацию преподавательского и академического труда. В текущей ситуации чрезвычайно высокие учебные нагрузки преподавателей являются одновременно причиной ущерба для научной деятельности, поскольку

ресурсов НГПР на выполнение обеих задач не хватает. В результате амбициозные цели университетского менеджмента, направленные на достижение научного лидерства, остаются нереализованными. Еще одним пороком в стратегиях университетов является значительное увеличение административного персонала, что приводит к перераспределению общего фонда оплаты труда не в пользу научно-педагогического состава. Вместе с тем едва ли можно надеяться на рост научно-педагогических кадров в университетах, даже с учетом демографических прогнозов, указывающих на значительное увеличение численности студенческого контингента в ближайшее время. Реальные управленческие практики российских университетов показывают, что происходит дробление и сокращение ставок, повсеместно внедрены краткосрочные трудовые контракты, увеличивается доля онлайн-образования и число студентов, приходящихся на одного вузовского преподавателя. Данные практики позволяют даже при увеличении численности студентов следовать курсом «оптимизации» НГПР. С 2015 г. в стране быстро сократилось число вузов и утвердилась новая университетская стратификация. Помимо небольшого «ядра» вузов (50–100 университетов), существует так называемая «полупериферия», к которой отнесены активные вузы, не занимающие лидирующих позиций в общем рейтинге (150–200). Самое большое число вузов (примерно 400) объявлены проблемными («периферийными»). Очевидная демаркационная линия пролегает между так называемыми «селективными» и «массовыми» вузами. В то же время сокращение численности НГПР происходит не только по инициативе «сверху», но и «снизу», то есть со стороны самих НГПР. Работники добровольно покидают систему образования из-за низкого уровня оплаты труда, неудовлетворенности текущей профессиональной деятельностью, увеличения нагрузки, из-за сложных отношений с административно-управленческим персоналом. Г.Е. Зборовский заострил проблему старения социально-образовательной общности. Он подчеркнул, что по требованию руководства осуществляется переход к омоложению кадров, но университеты нередко освобождаются от опытных и хорошо зарекомендовавших себя специалистов, обладающих ученой степенью и научным званием, имеющих высокий уровень символического капитала, заменяя их на молодых людей без явно выраженного потенциала и стремления к достижению искомого в науке и образовании результатов. Вместе с тем нарастает новая проблема среднего поколения ученых и преподавателей. Из университетов групп «полупериферии» и «периферии» уходят НГПР среднего возраста по причинам профессионального выгорания, низкой степени удовлетворенности трудом и зарплатой. По мнению ученого, перед руководящими структурами российских университетов стоят задачи внедрения дифференцированного подхода к оценке научно-педагогических кадров, основанного на глубоком понимании ресурсности НГПР и внимании к содержанию их деятельности.

В своем докладе проф. **Ю.А. Зубок** (ИС ФНИСЦ РАН) подошла к обсуждаемой теме с позиций концепции смысловой саморегуляции. В данной социологической интерпретации смысловое пространство научно-педагогического сообщества обуславливает институциональную регуляцию, с одной стороны, и поведенческие практики, повседневность НГПР – с другой. Спикер указала на разворачивающееся противоречие между общественной потребностью в воспроизводстве кадров и сложившейся системой образования и науки. Идея переноса науки на уровень университетов не была обеспечена определенными условиями (материальные ресурсы, кадровый состав, пересмотр рабочей нагрузки), в итоге в академическую науку инвестиции существенно сократились, а научная база вузов в своей массе не сложилась. Ситуация могла бы измениться при налаживании коммуникаций между этими структурами, но и этого не было сделано. Таким образом, в текущей неопределенности старые смыслы отброшены, новые – не сложились. Академическая наука зависит порою исключительно от энтузиазма тех, кто в нее вовлечен. В вузах продолжают обостряться бюрократическое регулирование и абсолютизироваться средства на фоне исчезающих целей.

По мнению Ю.А. Зубок, проблема воспроизводства НГПР во многом связана и с экспертизой научной деятельности. Зачастую все новое (которое, как правило, возникает

в форме единичного или частного) воспринимается системой в том случае, если она свободна от догматического мышления, сложились конвенциональные требования или критерии. Они действуют, если в научном сообществе имеют место глубокие научные познания и эрудиция, развита этика, ответственность и гуманистическая ориентация на принятие труда другого человека. Важным свойством выступает готовность каждого вносить вклад в совместное достижение научного результата. Только совокупность указанных оснований приводит к наращиванию производства научного знания и служит базой качественной подготовки новых поколений специалистов. При этом сама экспертиза может быть как экзогенной, так и эндогенной, т.е. способной выражаться в форме внутренней саморефлексии (критической оценки собственной научной деятельности, профессионализма и этики).

При анализе кадров высшей квалификации Ю.А. Зубок отметила, что некоторое время назад был взят курс на создание автономных диссертационных советов, который будет продолжен, судя по заявлениям чиновников Министерства образования и науки РФ. В той же социологической концептуализации это означает расширение пространства саморегуляции (из-за снижения внешнего контроля и целенаправленного централизованного регулирования). Однако вроде бы благое намерение сопрягается с рядом трудностей, которые возникают внутри трехкомпонентной модели подготовки: 1) освоение фундаментального знания; 2) опыт участия в научной работе, 3) формирование отношения к науке как важнейшей составляющей личности специалиста. Спикер указала, что уже давно происходит вытеснение фундаментального знания и его замена так называемым «ускоренным/быстрым знанием». Оно вполне вписывается в пространство молодежной инстант-культуры, к которой присоединяются, как ни странно, не только руководители, но и многие преподаватели. Однако потребность в фундаментальном знании никуда не исчезла. В ситуации абсолютной изменчивости оно важно для молодежи как средство ориентации и мобилизации интеллектуальных способностей, как база наращивания дальнейших квалификационных умений. Вместе с тем ощутимо сокращается участие молодежи в научной работе. Институт аспирантуры испытывает трудности вследствие перманентного изменения своего статуса и функций. Если вначале участие в ней приравнивалось к старту научной карьеры, то затем аспирантура преобразовалась в ступень образования. Постепенно в этой области сложился специфический механизм саморегуляции, воспроизводство кадров оказалось отчасти зависимым от личностных характеристик и способностей акторов. Помимо аспирантуры, опасение вызывает текущее положение научных школ, играющих ключевую роль в профессиональной социализации и приобщении молодежи к научной работе и формированию самого образа ученого. В настоящее время в них не только нарушен баланс преемственности и обновления, но оба эти источника иссыкают. Наконец, недооцениваются этические основания саморегуляции. В отсутствие общего смыслового пространства и невнимания к формированию личностных качеств молодых специалистов их этические представления складываются спонтанно и хаотично. На фоне диффузии культуры и роста моральной аномии развиваются нормы, связанные с практиками имитации.

Проф. **Г.А. Ключарев** (ФНИСЦ РАН, гл. редактор журнала СоцИс) отметил, что воспроизводство квалифицированных кадров должно восприниматься дифференцированно, поскольку существует большая разница между специалистами в разных сферах: технических, естественно-научных дисциплин, социогуманитарных, военных, медицинских и других наук. Кроме того, молодые научные кадры востребованы в современной наукоемкой экономике. Такой подход предполагает действительное вовлечение работодателей во взаимодействие с университетами. Для этого необходимо совершенствовать правовую базу и создавать комфортные условия передачи студентам практических знаний. В целом, проблема воспроизводства кадров представляется более комплексной из-за прогресса современных технологий и развития искусственного интеллекта, которые создают намного более широкие перспективы дальнейшего совершенствования цифровой

среды и онлайн-форм в образовании. Наряду с недостатками, это дает возможность в значительной степени снизить нагрузку преподавателей и повысить качество подготовки студентов.

Проф. **В.В. Козловский** (зав. кафедрой СПбГУ, директор СИ РАН – филиала ФНИСЦ РАН) изложил свои соображения, почему происходит падение престижа и спроса в обществе на социальные и гуманитарные науки. Он обратил внимание на то, какой продукт сегодня способны выдавать социальные и гуманитарные ученые, насколько они (например, в форме проводимых социологических исследований) востребованы политикой, экономикой или общественной практикой. Он подчеркнул, что для развития социологии не хватает фондов, которые могли бы поддерживать создание востребованных интеллектуальных продуктов учеными и одновременно производить обратную конвертацию в форме признания, роста престижа профессии социолога или ученого в России. **Н.А. Ащеулова** (филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН в Санкт-Петербурге) отметила насущную проблему наставничества при подготовке молодых кадров. Институт наставничества имеет важное значение в академической среде, но в настоящее время он находится в неудовлетворительном состоянии по причинам давления со стороны администрации, нехватки времени у преподавателей на полноценное взаимодействие с аспирантами, в результате пропадает способность передавать так называемое «невывыказанное знание». Проф. **А.В. Воронцов** (РГПУ им. А.И. Герцена) выразил солидарность с тезисом о необходимости целенаправленного продвижения социологических знаний в обществе, среди учащихся средних школ и их родителей, а также при помощи введения в образовательные программы социологии в качестве обязательной для изучения дисциплины. Социология как наука способна внести серьезный вклад в изучение текущих социальных проблем России, указать на провалы в политике духовно-нравственного и патриотического воспитания населения. На этом основании она должна быть востребованной прежде всего органами власти. **С.Ю. Демиденко** (ИС ФНИСЦ РАН) отметила необходимость рассмотрения постановки вопроса о переводе подготовки кадров по социологии в режим специалитета в условиях пересмотра Болонской системы. Направление подготовки в настоящее время объединяется с социальной работой, но обновление проекта ФГОС ВО 4 предполагает смену направления на «Политика, социология и международные процессы». Однако важно не упустить специфику социологии, освоение которой связано не только с получением фундаментальных знаний по основным социогуманитарным наукам, но и с изучением основ математики и статистики, что не требуется для политологов и международников. Социология также может стать базовой дисциплиной для формирования необходимых компетенций у разного рода экспертов, так как ее основные постулаты и положения важны для понимания современной практики и общества в целом.

В дискуссии **О.Н. Безрукова** (СПбГУ) указала на сложности взаимодействия с властными структурами при решении вопросов, регулярно возникающих в сфере образования и науки. С целью их успешного разрешения необходимо объединять усилия всех заинтересованных участников. Интересной инновацией стала бы разработка совместных проектов социологов, направленных на демонстрацию в российском медиапространстве важных для жизни социума научных и прикладных достижений. Таким коллективным делом может стать проект «Социальные инновации – городу Санкт-Петербургу». Некоторые похожие инициативы уже реализованы, например, на базе социологических исследований в 2012 г. Региональной властью была принята «Концепция семейной политики», пролонгированная до настоящего времени. Также она обозначила проблемы, с которыми сталкиваются преподаватели при обучении нового поколения студентов, запросы которых существенным образом отличаются от предшественников.

М.Ф. Черныш подвел итоги состоявшейся дискуссии, отметив ее высокий уровень, разнообразие оценок и мнений, комментариев и вопросов. Особенно он подчеркнул предложение профессора Ю.А. Зубок о необходимости обращения к смыслам,

используемым в ходе регулирования образовательной и научной деятельности. Он указал на два смысловых или психологических комплекса, регулирующих область принятия решений. Первый психоконкомплекс основан на том, что едва ли чиновники руководствуются в своих решениях долговременными целями. В их смысловом пространстве доминируют скорее краткосрочные перспективы, связанные с необходимостью осуществления отчетной деятельности. Например, дробление ставок преподавателей и ученых является прямым следствием давления отчетности у руководящих лиц. Чиновники ориентированы исключительно на формальные количественные показатели, которые, к сожалению, не приводят к получению положительных долгосрочных результатов и эффектов. Второй психоконкомплекс, активно присутствующий в системе российского управления, характеризуется принципиальным нежеланием участников заниматься решением проблем заблаговременно, не дожидаясь наступления негативных последствий. Чиновники берутся за решение проблем только в том случае, если ситуация становится угрожающей. Однако в системе образования далеко не все кризисы могут разрешаться моментально, даже при помощи дополнительного финансирования. Проблема воспроизводства кадров является одной из них: учителей, преподавателей необходимо готовить длительное время. Таким образом, в обозримой перспективе можно ожидать острейшего кризиса, когда старшие поколения преподавателей больше не смогут поддерживать существование системы и когда сойдут со сцены нынешние ведущие ученые. Однако управляющие образованием и наукой в современной России этим не озабочены. Доказательством служит факт ничтожного финансирования науки – 0,93% ВВП (по сравнению с Китаем – 2,23% или 856 млрд долл., из которых 16 млрд долл. уходит на финансирование гуманитарных наук). Все-таки лучше начинать воспроизводство кадров высшей квалификации с бюджета.

Завершая собрание, Н.Г. Скворцов подчеркнул, что при прохождении конкурса на должность преподавателя в университетах учитывается множество разных показателей (публикации, гранты), которые можно свести исключительно к опыту и достижениям в научной деятельности. Однако совершенно отброшен такой важный критерий оценки деятельности соискателя, как проверка качества его способностей к преподаванию (например, опыт чтения учебных курсов, участие в их разработке, реализация методической работы и многое др.), являющийся основной для вузов. Такой подход реализуется с момента участия университетов в различных международных рейтингах, в которых как раз не оценивается образовательная составляющая. В результате современные преподаватели в России работают со значительным перегрузом. Это происходит в силу разных причин, но важнейшая из них – нарастающие проблемы с обеспечением кадрами. Именно поэтому все внимание должно быть приковано к положению научно-педагогических кадров и их воспроизводству, к той их деятельности, которая сегодня складывается в общее название – интеллектуальный труд.

И.Л. СИЗОВА

СИЗОВА Ирина Леонидовна, д. социол. н., проф. кафедры прикладной и отраслевой социологии, Санкт-Петербургский государственный университет; член Экспертного совета ВАК по философии, социологии и культурологии, Санкт-Петербург, Россия (sizovai@mail.ru).

OUTLOOK FOR REPRODUCING SCHOLARLY AND TEACHING PERSONNEL IN UNIVERSITIES OF RUSSIA

DOI: 10.31857/S013216250028540-7

Irina L. SIZOVA, Dr. Sci. (Soc.), Prof. of the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (sizovai@mail.ru).

© 2023 г.

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ФОКУСЕ СОЦИОГУМАНИТАРНОЙ АНАЛИТИКИ

Международная научно-практическая конференция «Координаты современной урбанистики: поворот к гуманизму», организованная Московским городским педагогическим университетом (МГПУ) состоялась 14–15 сентября 2023 г. Соорганизаторами мероприятия выступили Ванадзорский государственный университет им. О.В. Туманяна (ВанГУ, Армения) и Кыргызско-Российский славянский университет (КРСУ, Кыргызстан). На приглашение к участию откликнулись исследователи из 15 городов России, а также зарубежных стран (Конго, Бразилия, Франция, Армения, Киргизия и др.).

Осветим некоторые доклады пленарного заседания, отражающие направление дискуссий на секционных заседаниях. Чл.-корр. РАН **И.Т. Касавин** (ИФ РАН) обозначил в приветственном слове взаимосвязь городов и университетов, и к этой теме неоднократно возвращались участники конференции. Две стратегии их развития обусловлены историческим своеобразием: создание университета определяет динамику городского пространства (европейский вариант), для освоения территорий создаются города с коммерческим образовательным центром (американский вариант). Обе имеют достоинства и недостатки, но при этом свидетельствуют об амбивалентности отношений города и университета.

Проф. **И.А. Савченко** (МГПУ) проследила взаимосвязь развития урбанизации, грамотности и иноязычной коммуникативной компетенции с университетским движением. Проанализировав в историческом и региональном контекстах взаимовлияние этих процессов, докладчик доказала интегральную роль университета в формировании особой формы владения иностранным языком – иноязычной научно-коммуникативной компетенции. Лингвокультурно-гетерогенные сообщества способных к инновациям людей, сосредоточенных в университетских городах, являются драйверами развития общества. Тема была продолжена проф. **Е.Г. Таревой** (МГПУ), поднявшей вопрос о многомерности самоопределения студента в городе: изучение иностранного языка должно вестись через культуру городского социума. Докладчик продемонстрировала образовательные возможности эмоционального и деятельностного «включения» в городскую коммуникационную среду.

Благодаря Федеральному проекту «Формирование комфортной городской среды» значительно улучшилось планирование городских пространств, в том числе в малых городах и исторических поселениях. Одной из причин, по мнению **Е.И. Григорьевой** (Союз архитекторов России), стало междисциплинарное сотрудничество при разработке проектов расселения. В настоящее время востребована социологическая оценка социальной и экономической эффективности экспериментов при квартальной реконструкции городов, вовлечения населения в совместную работу преобразования городских пространств.

Проф. **А.И. Савенков** (МГПУ) на примере г. Москвы поднял проблему отсутствия у современных детей важнейшего института социализации – детской дворовой субкультуры, включавшего в себя игры, фольклор, детский правовой кодекс, детское философствование и т.п. Через этот институт формировались модели мироустройства, способы самозащиты/защиты от вербальной и физической агрессии. Совместное детство воспитывало локальную идентичность через позитивность дружеских отношений, память о которых пронеслась через всю жизнь. Причины утраты «дворового детства» объективны, но необходим поиск и других средств идентификации с пространством хотя бы вторичной социализации. О положительном опыте такой работы рассказала проф. **Н.А. Патутина** (МГПУ). В Москве депутатское взаимодействие с населением реализуется в разнообразных форматах. Разные

коммуникативные каналы через эмоциональное включение побуждают к действию. Возникает деятельностный контекст, который притягателен для активных граждан.

Проблему важности поиска символики города для формирования эмоционально позитивного отношения к месту жительства подняла **Г.В. Горнова** (ИДУ НИУ ИТМО). Для локальной идентификации очень важна позитивная урбанистическая метафора. Советские символы «Омск – индустриальный центр Западной Сибири» и «Омск – город-сад» не работают для молодых, поскольку не соответствуют действительности из-за деиндустриализации и вырубки зеленых зон. В результате появляются мемы «Город – пень», «Детсад». На призыв к молодежи не уезжать из Омска рисуются эсхатологические карикатуры, например табличка на вагоне поезда «Омск – Омск». Новый символический бренд не найден. Семантический потенциал нейтрального проекта «Белый город» оказался неудачным из-за ассоциации с длинными зимними месяцами, белесыми туманами.

Для разработки проектов сотрудничества горожан и власти необходимы знания об их предполагаемых участниках. Анализу противоречий между желаемым и реальным был посвящен доклад проф. **Г.С. Широкаловой** (МГПУ). Исследование РОС-2022 показало, что студенты хотели бы жить в патерналистском обществе, основанном на социалистических ценностях, но характеристики, которые они дали своему поколению, свидетельствуют об утрате трудолюбия, доброты, коллективизма, ценности традиций и приоритетности эгоизма, приспособленчества, то есть качеств, помогающих выживать в рыночных условиях здесь и сейчас. В докладе **П.И. Куконкова** (ПФ ФНИСЦ РАН) анализировались последствия миграции населения малых городов. Причиной миграции в определенный город может быть не только ожидаемое повышение качества жизни. В докладе **Л.З. Фатхуллиной** (КНИТУ) подчеркивается, что мигранты из СНГ выбирают Татарстан по причине принадлежности жителей республики к мусульманской конфессиональной группе, полиэтничного состава населения, возможностей интеграции в региональную экономику и социальную жизнь.

Миграция молодежи в города – общемировая проблема. Программа строительства агрогородков, имеющих развитую социальную инфраструктуру, позволила Беларуси не только сохранять, но и развивать сельское хозяйство. Однако миграционные потоки из села в город не прекращаются. Причины были проанализированы в докладе **В.А. Рачкевич** (ИЭ НАНБ, Минск). Статистика позволяет сделать вывод, что разница в социальном положении выступает одним из факторов миграции в города и снижения доли сельского населения. Городское население по ряду значимых параметров живет лучше сельского: степень обеспеченности домохозяйств, наличие предметов длительного пользования, благоустройство жилья, уровень образования и охват детей дошкольным образованием. В то же время уровень притязаний у сельчан ниже – субъективные оценки материального положения в городской и сельской местности значимо не различаются, в отличие от удовлетворенности жилищными условиями.

Особенностью конференции стало проведение открытых лекций для студентов вузов. На наш взгляд, это хороший способ ознакомления молодежи с учеными разных регионов/стран с практиками работы с аудиторией. В лекции «Новые тренды в развитии европейских городов» проф. **Г.Д. Джунушалиева** (Кыргызстан) рассказала, как в постсоветское время идет реконструкция городского пространства в странах СНГ. Промышленные зоны, опоясывавшие города, переформатировались в образовательные и торговые центры, офисы и жилые строения. Компании, стараясь удешевить новостройки, в первые десятилетия нарушали инфраструктуру, арычные системы. В результате, например, Бишкек потерял зеленые насаждения. Сейчас в связи со спросом жителей на экологичность жилья стали изменять подходы к планировке городских пространств. Изменилась семантика новых районов: преобладают не восточные, а западные смыслы, несмотря на ренессанс ислама. С лекцией «Способы пространственно-временной синхронизации городского дискурса» выступили **Л.Р. Миркушина** и **Н.А. Трубина** (МГПУ), проанализировав факторы, влияющие на экзистенцию человека: динамичность города, вариативность профессиональных возможностей и моделей поведения, мировоззренческий плюрализм. В лекции

«Дискурс города: концептуальные модели и феноменология» Ю.В. Козлова (МГПУ) проследила динамику развития городов и показала, как городской человек в конце XIX в. стал «товаром». В XX в. начинают проектироваться «эталонные города», где человек будет счастливым благодаря изменению среды и его самого. Некоторые из элементов таких проектов были реализованы в СССР и за рубежом.

Второй особенностью конференции стало проведение региональных студенческих дискуссионных площадок. Организаторы: И.А. Грошева (АНО ВО «ИДК»), И.Л. Грошев и Л.И. Грошева (ТВВИКУ), проф. Н.В. Дулина (ВолгГТУ).

Завершая обзор, отметим: доклады и вызванные ими дискуссии подтвердили наличие потребности в системном изучении города. Городской дискурс развивается на пересечении двух направлений: коммуникационного и эпистемологического.

Г.С. ШИРОКАЛОВА, И.А. САВЧЕНКО

ШИРОКАЛОВА Галина Сергеевна, д. социол. н., проф., эксперт проектного офиса гуманитарной аналитики (shirokalova@list.ru); САВЧЕНКО Ирина Александровна, д. социол. н., проф., руководитель проектного офиса гуманитарной аналитики, профессор департамента философии и социальных наук (teosmaco@rambler.ru). Обе – Московский городской педагогический университет, Москва, Россия.

URBAN RESEARCH IN THE FOCUS OF SOCIO-HUMANITARIAN ANALYTICS

DOI: 10.31857/S013216250028541-8

Galina S. SHIROKALOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., expert of the Humanitarian Analytics Project Office (shirokalova@list.ru); Irina A. SAVCHENKO, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of the Humanitarian Analytics Project Office (teosmaco@rambler.ru). Both – Moscow City University, Moscow, Russia.

© 2023 г.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

V Международная научно-практическая конференция с одноименным названием состоялась 22–23 июня 2023 г. Инициатором мероприятия выступил Институт социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН, при поддержке Отделения общественных наук РАН и кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Конференция объединила ученых, исследователей и преподавателей более чем из 35 регионов РФ, а также зарубежных коллег из Беларуси (Брест, Минск, Гродно), Италии (Пьяченца), Китая (Чэнду) и Демократической Республики Конго.

Пленарное заседание с приветственным словом открыл чл.-корр. РАН В.В. Локоsov (ИСЭПН ФНИСЦ РАН), продолжив свое выступление докладом «Измерение человеческого потенциала: показатели и факторы». Было отмечено значение понятия «человеческого потенциала» для обеспечения диагностики общественных процессов, а также обоснована

необходимость в расширительном толковании термина, не сводимого к сугубо экономическим понятиям, таким как «человеческий капитал», «человеческие ресурсы» и т.п. Это совокупность имеющихся демографических, социально-экономических и социокультурных свойств населения, которые возможно реализовать при наличии мотивационной готовности и определенных социально-исторических и природно-географических условий. На основании данных статистики показано, что за прошедшие 30 лет ни одна из озвученных проблем расширенного воспроизводства здорового населения не была решена.

Чл.-корр. РАН **М.Ф. Черныш** (ФНИСЦ РАН) в докладе «Проблемы демографического воспроизводства» показал, как современный капитализм привел общество к потребительству и индивидуализму. Сегодня на первый план выходит экономический дискурс, описывающий человека как наивысшую ценность. Ученые все чаще говорят о том, что отказ от расширенной семьи в пользу нуклеарной был ошибкой для развитых и развивающихся стран. Семья, состоящая из трех и более поколений, выполняла ряд функций, которые в полной мере не может реализовать сегодня ни один из существующих социальных институтов, в частности воспитательную функцию, обеспечивающую межпоколенную преемственность, вовлекая прародителей во внутрисемейные процессы. Многодетная, расширенная семья решала ряд остро стоящих сегодня социальных проблем, например проблему одиночества. Высокий уровень урбанизации привел к существенному снижению рождаемости, что отчетливо видно на примере городских агломераций в сравнении с городами с меньшей концентрацией населения. Среда большого города преимущественно малодетная, в крупных городах широко распространена особая семейная структура, характеризующаяся высокой долей неполных семей и детей, рожденных вне брака. Подобные тенденции оказывают негативное влияние на уровень воспроизводства населения. В связи с этим необходима переориентация современной социальной политики и экономики с индивида как частного на семью как целое, а также поиск и использование новой терминологии, соответствующей подобному отношению к семье и детям.

Чл.-корр. РАН **А.Р. Бахтизин** (ЦЭМИ РАН) в своем выступлении «Вопросы долгосрочного демографического прогнозирования» описал методики, используемые для построения прогнозов численности населения и их особенностей. Автор показал различия в расчетах численности мирового населения и населения отдельных стран до 2100 г. на примере трех моделей: ООН, IASA&WCDGHC и IHME. Докладчик привел данные о точности демографических прогнозов, отметив, что «среднее отклонение прогнозов ООН за 10 лет составляет 6%, за 20 лет – 11%, а за 30 лет – 15%», что объясняется рядом авторов неравномерным распределением доходов, миграционными потоками, ростом урбанизации и т.п. К основным факторам, негативно влияющим на уровень рождаемости, отнесены: отсутствие стабильной работы, предпочтение женщинами карьеры, неблагоприятная экономическая ситуация и т.д. Зарубежный опыт показывает, что экономическое стимулирование рождаемости не приводит к стабильному увеличению суммарного коэффициента рождаемости. В то же время одной из эффективных мер поддержки семей с детьми может стать деурбанизация и качественное жилье.

Проф. **А.И. Антонов** (МГУ им. М.В. Ломоносова) в докладе «Динамика населения и поведенческая демография» отметил, что демографическая ситуация в РФ остается сложной – продолжается естественная убыль населения из-за сверхнизкой рождаемости, не компенсирующей смертность. Ситуация подкреплена резким сокращением числа представителей наиболее активных репродуктивных когорт. Сочетание негативных трендов, связанных с половозрастной и брачно-семейной структурой, которые накладываются на долговременную тенденцию трансформации демографического поведения,кратно усиливают воздействие на репродуктивное поведение семьи, влияя на формирование и реализацию потребности семьи в детях. С целью повысить ценность семейно-детного образа жизни предлагается ввести профессиональную роль родителя-воспитателя или родителя-учителя для своих собственных детей, подкрепив ее средней заработной платой, установленной в нашей стране. Одним из направлений по популяризации семейного образа

жизни будет введение дополнительного показателя, такого как минимальный душевой доход семьи, в противовес прожиточному минимуму, рассчитанному на работника. Только активизация новой семейно-демографической политики с 2024 года позволит увеличить долю семей с тремя и более детьми с нынешних 10% до 30% к 2055 г. и до 40% к 2065 г.

В рамках конференции работало пять секций: «Репродуктивное поведение и семейно-детный образ жизни» (рук. **А.И. Антонов**, МГУ им. М.В. Ломоносова, соруk. **С.В. Ляликова**, ИСЭПН ФНИСЦ РАН), «Здоровье населения и его обеспечение» (рук. **И.Б. Назарова**, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, соруk. **М.Ю. Сурмач**, ГГМУ, Гродно, Беларусь), «Формирование и воспроизводство демографического потенциала» (рук. **В.Н. Архангельский**, ИДИ ФНИСЦ РАН, соруk. **Н.Е. Русанова**, ИСЭПН ФНИСЦ РАН), «Жилищная политика в России: обеспечение человеческого потенциала» (рук. **И.М. Шнейдерман**, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, соруk. **И.В. Пилипенко**, ИСЭПН ФНИСЦ РАН), «Экономическое поведение населения: старые и новые тренды» (рук. **А.В. Ярашева**, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, соруk. **С.В. Крошили**, ИСЭПН ФНИСЦ РАН).

Завершилась работа конференции круглым столом «Межпоколенная преемственность ценностей семейно-детного образа жизни», модератором выступил проф. **А.Б. Синельников** (МГУ им. М.В. Ломоносова), сомодератором **С.В. Ляликова** (ИСЭПН ФНИСЦ РАН)¹. В рамках заседания были рассмотрены следующие вопросы: роль отца в многодетной семье (**И.О. Шевченко**, РГГУ), практики родительской вовлеченности (**З.Е. Дорофеева**, НИУ ВШЭ, ИС ФНИСЦ РАН), вариативность линий репродуктивного поведения (**В.М. Карпова**, МГУ), особенности религиозной социализации в контексте рождаемости (**И.В. Павлюткин**, ПСТГУ), а также солидарность как основа преемственности поколений (**В.Г. Доброхлеб**, ИСЭПН ФНИСЦ РАН).

С.В. ЛЯЛИКОВА, И.Б. НАЗАРОВА

ЛЯЛИКОВА Софья Викторовна, науч. сотр. (lyalikova@socio.msu.ru); НАЗАРОВА Инна Борисовна, д. экон. н., зав. лабораторией, гл. науч. сотр. (inna-nazarova@mail.ru). Обе – Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

POPULATION SOCIAL DYNAMICS AND HUMAN POTENTIAL

DOI: 10.31857/S013216250028542-9

Sofia V. LYALIKOVA, Researcher (lyalikova@socio.msu.ru); Inna B. NAZAROVA, Dr. Sci. (Econ.), Head laboratory, Main Researcher (inna-nazarova@mail.ru). Both – Institute of Socio-Economic Problems of Population of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

---

¹ Круглый стол организован в рамках гранта РФФ № 23-28-00518.

Размышления над новой книгой

© 2023 г.

Н.В. РОМАНОВСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ РОССИЯН – КНИГА И ЕЁ ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович – зам. главного редактора журнала «Социологические исследования», главный научный сотрудник ИС ФНИСЦ РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия (socis@isras.ru).

Аннотация. Историческое сознание россиян не в первый раз становится предметом обсуждения социологами России. Монография на эту тему, подготовленная учеными ИС ФНИСЦ РАН (2022), имеет ряд особенностей. В центре внимания коллектива авторов связь исторического сознания с гражданской идентичностью россиян, актуализированной, в частности, СВО, русофобией у части «коллективного Запада» и пр. Книга выделяется композиционным своеобразием, сочетая анализ данных полевых исследований со свободным комментарием связанных с темой проблем экспертами разных сфер деятельности и дисциплинарных профилей науки. Отмечена актуальность обсуждения проблем новейшей отечественной истории, а также отражение ее в массовом историческом сознании. Представляется плодотворной связь поставленных исследованием вопросов с разработкой документов государственной национальной политики.

Ключевые слова: сознание общественное • сознание историческое • интерес к прошлому • «бум памяти» • российская идентичность • идентичность гражданская

DOI: 10.31857/S013216250028543-0

Изложенные ниже заметки – итог обдумывания данных, собранных учеными ИС ФНИСЦ РАН о современном историческом сознании наших соотечественников¹. Связанные с близкими темами научные публикации социологов появляются уже более 30 лет, считая от проведенных на грани 1980–1990-х гг. под руководством Ж.Т. Тощенко массовых опросов по теме общественного сознания населения страны перестроечного времени. К сегодняшнему дню вышло более десятка монографий только об историческом сознании (исторической памяти) россиян. Каждая из таких книг предлагала свой анализ проблемы на момент проведения исследования и, конечно, отличалась спецификой подходов авторских коллективов к решавшимся задачам. Социологи фиксировали в этих трудах состояние и векторы эволюции общественного мнения, восприятия населением *fuga temporum* – «бега времени», текущего социального времени, пестроту оттенков мнений о прошлом, от исследования к исследованию уточнялись грани исторических (временных – «темпоральных») компонент сознания россиян, их роль и место в феномене «общественное сознание» сограждан, в формировании траектории движения нашего общества.

---

¹ Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / Под ред. М.К. Горшкова. М.: Весь Мир, 2022. 248 с.

Мировая социальная наука первых десятилетий XXI в. проявляет растущее внимание к историческому времени, к времени социальному, к ритмам, темпам жизни, к политике памяти, историческому сознанию, к архаизации, традициям, коммеморациям и пр.; пережиты поворот к памяти людей (*memory turn*), «бум памяти», анализ ее 256 видов², попытки управления ею, мнемонические практики: политика памяти/забвения, схватки вокруг символов, войны за идентичности и т.д. Содержание рецензируемой книги подтвердило актуальность анализа исторического сознания социологической наукой наших лет, чуткого, часто остро реагирующего (даже если это не осознаётся) массы людей на подвижки в этой сфере.

Специфика монографии связана с рефлексией проблем, с которыми страна встретится в ближайшие годы в своей внешней и внутренней политике. Материал книги – это, прежде всего, анализ данных общероссийских социологических исследований (2020 и 2022 гг.) по общероссийской репрезентативной выборке ($N = 2000$), фокус-групповых дискуссий в Москве, в Республике Башкортостан и Вологодской области (всего семь, 63 информанта), а также интервью с региональными экспертами (по 5 человек в Вологодской области и Башкортостане). Представлено многообразие мнений респондентов, оценок и их интерпретация представителями социологической науки (в раздел пятый включены экспертные заключения, комментирование результатов). Приведены самые подробные подробности того, как публикуемые измерения производились исследователями, следовавшими самым строгим стандартам социологии. Полученные данные сопоставлены с опросами прежних лет, показывая динамику сдвигов в историческом сознании россиян, их причины и возможные пути развития.

Переплетение позиций авторов глав книги с интерпретациями ответов интервьюируемых, с ведущимися в научной среде дебатами по затрагиваемым вопросам могут оказать помощь, например, в разоблачении домыслов русофобов и антироссийской пропаганды. Несомненно, например, факт непрозрачной, на первый взгляд, связи высказанных респондентами оценок с источниками получения информации теми же категориями респондентов по проблемам отечественной истории; следы влияния западной пропаганды в оценках проблем современного мира и роли в нем нашей страны отражают развернутую войну за умы людей, групп нашего общества.

Рассматриваемая книга подписана в печать в середине ноября 2022 г., эмпирический материал для нее собирался примерно до середины 2022 г. Отпечаток времени на тексте очевиден. Суммарно *message* аккумулированного в исследовании материала можно описать понятием *вызов(ы)* перед страной, отраженным в массовом сознании её населения. Новизна анализа ситуации, созданной началом СВО, дополнена концентрацией на комплексе компонент исторического (временного/темпорального и др.) сознания соотечественников. Исследуемый учеными ИС РАН объект эволюционирует; интерес к прошлому в массах обещает новые и неординарные грани «упакованного» в настоящее прошлое.

Темы и проблемы, образовавшие текст книги, – разнообразны. Большой объем данных, вводимых в научный оборот, требует от читателя напряженного осмысления. Соплатить с многообразием циркулирующих мнений, анализировать данные о гранях исторического сознания россиян позволили усилия примерно двенадцати авторов; ряд ученых были задействованы в подготовке книги, не говоря о тех, кто работал «в поле», обеспечивал исследователей, редактировал тексты и т.п. В рабочую группу во главе с академиком РАН М.К. Горшковым вошли ведущие, «опорные» ученые Института социологии ФНИСЦ РАН. Трудно представить, какой потерей для коллектива проекта была кончина ключевых ученых, авторов рецензируемой книги – Владимира Васильевича Петухова (1950–2021), Леокадии Михайловны Дробижевой (1933–2021).

Первое, что важно отметить как отличительную черту и итоговую оценку данной монографии и усилий ее создателей, – честность и объективность освещения состояния дел

² См.: Романовский Н.В. Новое в социологии – «бум памяти» // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 14.

общественной ситуации в стране по анализируемой проблеме, когда на встававшие перед исследователями вопросы не было простых ответов. Кроме прецизионности выполненных измерений, от ученых требовалось умение проникать в суть проблем современного исторического сознания россиян.

Второе. Освещение даже одной лишь конкретики исторического сознания россиян в литературе многогранно. Приводимые в рецензируемой книге аргументация, переплетения первичных данных опросов и интервью, формулируемые авторами текстов позиции по подымавшимся вопросам – предмет отдельного большого исследования. Ресурсные проблемы не позволяли охватить усилиями исследователей всё многообразие регионов нашей страны. Думается, изучение своеобразия исторической памяти наших соотечественников в регионах России обещает специфичные, парадоксальные данные и об историческом сознании их населения.

Композиция текста книги сродни партитуре оркестра. Ученые, выполняя свое задание, говорят каждый о своем, на своем языке/инструменте, в итоге создав ансамбль жизни людей и страны, движения времени, отраженного идентичностями, памятью пережитого, семейными и иными традициями, данными исторической науки, доводами средств информации и пропаганды, зрительным рядом образов, впечатлений и т.п. Многообразие авторских суждений не сказалось на стройности текста – он структурирован, сосредоточен на главном, логически целен, исчерпывающе аргументирован. У оркестра есть несомненный руководитель – редактор книги М.К. Горшков. Его работа видна в подборе лидеров проекта и участников, распределении сфер научного поиска, обеспечении точности исполнения замысла, в подведении итогов. Налицо и усилия продвинуть добытый продукт исследования в поле общественного интереса, повлиять на принимающих решения лиц во властных структурах – сфера непрозрачная и небезобидная.

Собранные данные и их анализ образовали первые четыре раздела: представлены традиции советские и несоветские, семейная память, символы, идентичность (общероссийская, региональная, гражданская и т.д.), бытующие в сознании соотечественников. «Идентичность» опрашиваемых находится в центре: ответы на простые, казалось бы, вопросы «кто я?», «кто мы?», «какие мы?» и т.д. важны для каждого, для страны. На них строится видение окружающего мира.

Нестандартен заключительный раздел книги, отведенный «свободным» мнениям экспертов о полученных результатах исследования. Эксперты использовали эту возможность, предложив читателям книги своего рода этюды на темы, выбранные из необъятного материала в области измерения общественных проблем. Тематику и полученные данные в главе «История страны и национальная память в оценках экспертов», осмысливают, переосмысливают, комментируют – профессионально и лично каждый по-своему: социологи М.Ф. Черныш и В.И. Мукомель, философ Д.В. Поликанов, научный руководитель «ЦИРКОН»а И.В. Задорин, психологи (социальные) Е.Б. Шестопал и Т.А. Нестик. Эффектно использована возможность дополнить затронутые в книге острые, можно сказать, судьбоносные проблемы настоящего и будущего нашей страны на новом уровне осмысления ключевых проблем «полевого» исследования. Раздел придал книге, среди прочего, неожиданное качество программы поисков на направлениях научного знания, связанных с историческим сознанием как фундаментальной частью мировоззрения наших соотечественников.

Успехом данной экспертизы подтверждена продуктивность линии руководства РАН на углубление междисциплинарности фундаментальных исследований. Междисциплинарная коллаборация пестрого, на первый взгляд, коллектива авторов монографии получилась вполне когерентной. Следствием стали важные научные и прикладные результаты. Тем более что у экспертов тематика высказываний была необъятной – от судеб в истории человечества многонациональных держав до личных воспоминаний о работе в учреждении ИОН – Институте общественных наук при ЦК КПСС (Е.Б. Шестопал на с. 226 вспомнила эту «Международную Ленинскую школу» – так ИОН в обиходе называли слушатели).

Историческое сознание современных россиян на момент фиксации его состояния социологами демонстрирует историчность (историзм) двоякого рода. Оба они предлагают социологу материал к пониманию роли этого сознания среди факторов влияния на отношение к будущему (страны в нашем случае). Сознание его носителей (индивидов, групп, институтов) – своего рода мотив действия, частично – и руководство к нему; сейчас модным здесь стало слово *агентность* (целенаправленная энергетика действующих личностей и групп), отражаемая в сознании сегодня и в проекции на будущее. В то же время представленный образ исторического сознания россиян 2020–2022 г. – это мгновенный «снимок» результата, продукта истории, только что пережитого и определенным образом усвоенного, «осмысленного» (полного смыслов), – опыта, обращенного в прошлое и настоящее. Эта картина массового сознания выглядит чередой *sui generis* аэрофотоснимков (скажем, из космоса) и требует квалифицированной расшифровки, в нашем случае – социологами. Мы говорим о свойстве общественного сознания – быть и движущимся историческим сознанием, и заключенной в нем (этом сознании) связи прошлого и настоящего с будущим, динамики, «валентности» энергии социальных движений. О чем в этом плане конкретно приходится думать и говорить?

Злободневные цели книги буквально от первых до последних строк руководитель проекта академик М.К. Горшков определил формулой «гражданская идентичность» россиян (с. 7, 247). Таков социальный заказ государственным научным учреждениям, профильным институтам РАН. Скоро истечет срок действия программы государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года³. В русле нее велись мероприятия исследовательского плана органами государственного управления, научными советами и институтами РАН, в том числе Институтом социологии ФНИСЦ РАН. Целесообразно видеть в рецензируемой книге вклад коллектива создавших ее ученых в выполнение этого государственного задания, обсуждать релевантные задачи аналогичных программ за пределами 2025 г. Остановимся на некоторых проблемах такого рода.

Ключевая для коллектива книги тема укрепления общероссийской «гражданской идентичности» уходит в глубины отечественной истории. Есть у этой проблемы аспекты текущего, преходящего характера, такие как смена поколений, ведущая, в частности, к угасанию остроты памяти о Великой Отечественной войне и к потребности в иных подходах в военно-патриотическом воспитании молодежи. Но суть ее в целом гораздо глубже. Превратить, преобразовать людей, именовавшихся лет триста назад (всего лишь!) подданными, а ранее в течение столетий холопами (как норма права холопство отменено в 1723 г.), в граждан – задача «большой протяженности» и сложности. Но это первостепенной важности задача, неотложная. Сократить сроки ее решения может – в частности – своими усилиями наука, ведь методологически она близка к виду перемен, называемому «культурной революцией»⁴.

Одну из важнейших граней общероссийской гражданской идентичности подчеркнул М.Ф. Черныш: «Культивирование этнической исключительности для нашей страны вещь крайне опасная» (с. 180); «исключительность» таит национализм в политике, нацизм, с которыми мы столкнулись в СВО. Есть попытки в электронных СМИ страны эксплуатировать этническую тему. Ее неприятие в книге, в среде ученых и в историческом сознании россиян отражено в данных рецензируемого исследования, оставляя место оптимизму.

Авторы книги об исторической памяти россиян, вынеся на первый план мотив гражданственности, фактически заглянули в прошлое отечественной цивилизации, в корни формирования объекта их исследования. Вековые для страны связи по вертикали сверху

³ Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

⁴ К сожалению, социологии предстоит разбираться с её структурой, последовательностью шагов и этапов, алгоритмами действия. В том, что написано о культурной революции, нет даже в первом приближении теории – социальной, социологической – общезначимости, без чего невозможно ее приложение к вопросам гражданской идентичности.

вниз не способствуют упрочению статуса гражданина; обществу граждан – говоря кратко – способствуют горизонтальные связи. Мы видим в последние 30 лет, как трудно складываются новые связи, отношения, паттерны. В плане ожидаемых перемен важны признаки невысокого уровня гражданской идентичности (с. 233, к тому же – на фоне высокого уровня тревожности); того, что «слаб институт гражданства» (с. 182), препятствуя развитию меритократии. Связано это положение и с бедностью, и с вынужденной стратегией выживания массовых страт населения, и с тем, что «низовая самоорганизация фактически блокируется отсутствием какой-либо экономической самостоятельности» (с. 183) и т.д. Иными словами, ученые обозначили потенциал развития слоев носителей гражданского самосознания и поведения. Задачи непросты, препятствий немало. Путь от холопов, поданных к гражданам «был, друзья, нелегко и нескор»: с его влияниями и сейчас приходится иметь дело. Это один пример постижения смысла обращения авторов книги к истории, традициям и т.п., к вытекающим отсюда действиям по решению выявляемых наукой проблем сегодняшнего дня.

Глубоко в прошлом страны укоренена еще одна, показывают авторы книги, ключевая составляющая исторического сознания россиян – идея справедливости: «Несомненной объединяющей общество ценностью является идея справедливости» (Д.В. Поликанов, с. 190). «Запрос на справедливость объединяет и старых, и молодых, представителей всех поколений», – утверждает один из экспертов (Т.А. Нестик, с. 240), и рецензент с ним в этом согласен. Аналогичные оценки (и рецепты?) – не стану продолжать цитирование – рассеяны по рецензируемой книге (с. 106, 220–222, 240, 246 и др.). Чем они важны?

Похоже, что авторы книги встретились с основополагающими составными российско-го менталитета. Понятие «справедливость» этимологически наполнялось в истории русского языка коннотациями, отличными от понятия справедливости в самом распространенном языке современной мировой социальной науки – английском. В русском мы имеем дело со смыслами правды, правильного, права, праведности (по В. Далю – «милосердие», «бескорыстие», «законность»). В английском – по классической книге Дж. Роулза (1921–2002) – в «справедливости» выше доля смыслов, описываемых словом *justice* – юстиция, или словом *fair* – честный. В русской «справедливости» – заметная доля «праведности» (без мистицизма), в переводе на английский – “*righteousness*”, – редко употребляемое слово. Что важнее: мораль или право? Ответы, похоже, разные. Из примера-кейса видны корни менталитета населения страны, уходящие в историю. Сказанное, возвращаясь к содержанию рецензируемой книги, требует, видимо, (а) следить за смысловым наполнением этого понятия, не допуская «игр» с оттенками; (б) ожидать встречи с подменой понятий, с контрабандой чуждых истине «контентов».

Завершая обсуждение книги, обозначу работу авторского коллектива в плане прогноза тематики – на ближайшее будущее. Этого требует, в частности, развернувшееся в наши дни противоборство, основы которого говорят о важности общероссийской гражданской идентичности для будущего нашей страны. Те, кому нужно сохранить свое доминирующее положение в современном мире, освещают острые проблемы сегодняшнего дня, как правило, переписывая историю и манипулируя сознанием населения противной стороны. Вопрос идентичностей сегодня, можно сказать, решается в ходе СВО: этническая, условно говоря, с одной стороны, гражданская – с другой. Переформатирование исторической памяти и через нее – сознания, в том числе гражданского, вот поле деятельности интерпретаторов истории. Противоборство за векторы исторического сознания, поиски в прошлом аргументов, служащих интересам сегодняшней злобы дня, – реальность современного мира.

В рецензируемой книге в этом узле проблем важной представляется группа вопросов, связанная, я бы сказал, с отражением гордости/стыда (хорошо/плохо) в сознании наших соотечественников – респондентов рецензируемого исследования – по поводу событий истории СССР и России постсоветских времен (с. 58–69, 115–125 и др.). В этой связи можно пожалеть об отмеченном выше отсутствии среди экспертов книги историка,

хорошо знакомого с использованием исторического материала в политических целях. Участие такого специалиста в осмыслении результатов исследования исторического сознания россиян связало бы сущность исторического опыта десятилетий от Октябрьской революции до наших дней с сутью идеологического противоборства наших дней, с возможностью для российской стороны работать на опережение – в случаях попыток влиять на восприятие населением России актуального прошлого.

В ситуации развернутой против нас политической борьбы и важности работы на опережение сегодня важными для российской исторической науки представляются поиски ответов на вопрос (в частности): какова роль СССР в формировании облика современного мира, для выхода многих стран из-под господства колониализма, расизма, империализма, капитализма? Идеологические бои вокруг истории нашей страны в науке и пропаганде, на мой взгляд, как минимум подсказывают, что речь пойдет в этом отношении о ключевой стороне оценки места СССР и России постсоветского времени в мировой истории. В последние годы выступления на эти темы уже послужили а) идейной подготовке событий на Украине бандеровскими и националистскими историками, созданию картин уничтожения украинцев лицами с идентичностью «москалей», голода 1931–1933 гг. как геноцида украинского народа; б) попыткам сегодняшнего и наверняка завтрашнего дня очернять – используя популярность постколониальной социологии – внутреннюю, связанную с республиками СССР, и внешнюю политику Советского Союза – его отношения со странами мировой социалистической системы, странами, освобождавшимися от колониализма и империализма; в) русофобской интерпретации отношений современной Российской Федерации со странами СНГ, например – проблемам с мигрантами.

Сегодня борьба за сознание людей, согласно приведенным в рецензируемой книге данным, лишь разворачивается. Важность отражения в историческом сознании россиян смыслов истории СССР, смыслов роли СССР в мире, современного отношения к этому феномену прошлого может стать основанием будущих исследований по этой тематике. Возможно, темы прошлого наших стран покажутся важными и тем, кто работает в сфере сотрудничества государственных органов СНГ, не говоря уже о гражданах Содружества.

Людям, жившим в СССР, зарубежным друзьям советской страны (часто воспринимавшейся как Россия) важно, гордиться ли усилиями СССР прокладывать человечеству пути в будущее, минуя капитализм, стремлением нашей страны оказывать всемерную помощь единомышленникам нашей страны во всем мире, да и стыдиться того, как 1991 г. заслонил сделанное до и для этого.

В поиске ответов на вопросы времени социологам и историкам представит большая работа. Пока, это показало рецензируемое исследование, каждый ищет ответы самостоятельно, через личную идентификацию – прежде всего. Такой поиск влияет на поведение респондентов и в пору, когда давался тот или иной ответ на вопрос социологов, и в будущем, формируемом активностью (агентностью), действиями, определяемыми, в частности, фактором исторического сознания его носителей. Хочется надеяться, что уроки истории не проходят даром, особенно если их продумывают и целенаправленно формируют. Усвоение соотечественниками в России (и всеми, кто жил в СССР, разделял его идеалы) уроков прошлого продвинет на уровень большей зрелости, чем в 1991 г., гражданскую идентичность соотечественников, мотивирующую ответы на такие вопросы, как «Что делать?»

HISTORICAL CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS – A BOOK AND ITS PROBLEMATIC FIELD

ROMANOVSKIY N.V.

Russian State University for Humanities, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

---

Nikolai V. ROMANOVSKIY, Dr. Sci. (Hist.), Chief Researcher of the Institute Sociology of FCTAS RAS, Professor of the Russian State University for Humanities, Deputy Head Editor "Sociological Studies" journal, Moscow, Russia (socis@isras.ru).

Abstract. It is not the first time that historical consciousness of Russians becomes a subject of attention for Russian sociologists. In this case, however, the monograph prepared by the scholars of an Institute of the Russian Academy of Sciences has a number of features of its own. The authors team focuses on the links of historical consciousness with the civic identity of Russians, actualized, in particular, by current military operations and by Russophobia in the "collective West", etc. The book stands out for its compositional originality – a combination of field research data analysis with commentaries on the problems arising in connection with this analysis by experts from different fields of activity and disciplinary scholarly profiles. A promising interconnection of the issues raised by the study with the development of government national policy guidelines, as well as importance of scholarly elaborations of the modern national history problems are noted.

Keywords: public consciousness, historical consciousness, "memory boom", interest in the past, Russian identity, ethnic identity, civil identity.

Письмо в редакцию

© 2023 г.

Б.З. ДОКТОРОВ

НЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ, НО ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

ДОКТОРОВ Борис Зусманович – доктор философских наук, профессор, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия; почетный доктор Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (bdoktorov@inbox.ru).

Аннотация. Перестройка дала отечественным социологам возможность обратиться к истории послевоенной социологии. В частности, требовал ответа вопрос: «Российская социология – это продолжение социологии, начавшей развиваться в России во второй половине XIX в., или это социология, имеющая свое особое начало?» Были предложены две концепции генезиса современного этапа отечественной социологии: преемственность и возрождение. Однако изучение материалов интервью с социологами-первопроходцами, уловившими дух политической «оттепели», показало, что их вхождение в социологию не отвечало обеим концепциям, так возникло утверждение о «втором рождении» отечественной социологии. Сформулированные мною тезисы были представлены в октябре 2007 г. на конференции, проходившей в Тюмени. Прошло 15 лет, но тема по-прежнему обсуждается. По предложению редакции журнала «Социологические исследования», предлагаю основную суть положения о «втором рождении» в представленных тезисах.

Ключевые слова: советская/российская социология • генезис • перестройка • две концепции • социологи-первопроходцы • российская социология • второе рождение

DOI: 10.31857/S013216250028544-1

Расположенный ниже текст «Российские реформы и история российской социологии» занимает важнейшее место в картине моего понимания современной истории отечественной социологии и сыграл ключевую роль в обосновании организации процесса интервьюирования советских/российских социологов. По своему назначению это тезисы к Международной научно-практической конференции «Гуманитарные стратегии российских трансформаций», состоявшейся в Тюмени 26–27 октября 2007 г. Я не участвовал в конференции, но по моей просьбе тезисы были оглашены профессором В.В. Гаврилюк.

Согласно моему электронному дневнику, подготовка тезисов была начата и закончена 7 октября 2007 г. Не помню, почему я спешил, скорее всего, информационное письмо о программе конференции было получено поздно. Вместе с тем понятно, что на тот момент концепция понимания генезиса послевоенной советской социологии в целом была разработана.

На следующий день текст был отредактирован и размещен профессором Дмитрием Шалиным на сайте американо-российского проекта «Международная биографическая инициатива», руководителями которого мы с ним были¹. Я понимал новизну и даже значительную провокативность утверждения о «втором рождении советской социологии». И потому уже в тексте, чтобы показать, что я не одинок, привел мнения ряда моих коллег

---

¹ Международная биографическая инициатива. URL: <https://cdclv.unlv.edu/programs/bios.html>

о концепции «второго рождения». Одновременно текст тезисов был отправлен в Москву профессору В.А. Ядову, позиция которого представлялась мне бесспорной.

Прошло два дня, 11 октября пришел *email* от Ядова со словами: «Боря, отличная и аргументированная статья. Термин “возрождение” нашей социологии я отныне забыл. Действительно, было становление социологии заново». Кроме того, Ядов просил меня показать текст профессору А.Г. Здравомыслову, который в то время связывал становление социологии в России с работами А.И. Герцена.

Из регулярной переписки со Здравомысловым я знал об этом направлении его исследований, а сейчас к удивлению и радости обнаружил, что в моей статье о научном наследии Здравомыслова, написанной после его смерти, приведено мое письмо ему, написанное 9 октября 2007 г., т.е. до того, как я получил совет от Ядова: «Андрей, отталкиваясь от моего к тебе письма с моим пониманием начала нашей современной истории, я написал небольшой материал для конференции в Тюмени. Туда я не еду, да и тема конференции – слишком широкая для меня, но тезисы я соорудил. Будет время, пожалуйста, посмотри... что смотрится?» В указанной статье об исследованиях Здравомыслова по истории русской социологии приведен ряд выдержек из нашей переписки. К сожалению, мы многого не обсудили, мое последнее письмо ему датировано 29 октября 2007 г. И завершается эта статья словами: «Дальнейшего развития эта тема не получила; состояние здоровья Здравомыслова начало заметно ухудшаться»². Летом 2009 г. его не стало.

Моя неуверенность в том, как социологическим сообществом будет воспринято положение о втором рождении советской социологии, продолжалась довольно долго. Подробно она была изложена лишь в 2013 г. в книге «Современная российская социология: История в биографиях и биографии в истории»³.

Российские реформы и история российской социологии⁴

Российские реформы, начавшиеся на рубеже 1980–1990-х гг., – процесс молодой, активно развивающийся и потому трудно изучаемый. Историческая наука – дальнзорка, нетороплива, не стремится к быстрым реакциям на происходящее. Ее опыт показывает: все новое – есть вариация давно существующего, и не все новое – достойно исторического изучения, ибо может быть недолговечным. Вместе с тем российские реформы, являющиеся следствием глубочайших, катастрофических изменений в обществе, сложившемся в тоталитарной среде с крайне жесткими идеологическими императивами, позволяют по-новому прочесть и оценить события, развивавшиеся в течение последних десятилетий, и сказать то, о чем ранее можно было лишь намекнуть или чего ранее вообще не было видно. Одним из таких процессов является становление в постхрущевский период советской социологии, продолжением которой является современная российская социология. Другими словами, российские реформы не только по-своему формируют проблемный и организационный аспекты современной отечественной социологии, но порождают и разные взгляды на ее историю.

Российская социология развивается в течение полутора веков, но именно реформирование общества предоставило российским социологам возможность изучения своего прошлого, по сути – дало им их историю.

1. Зарождение российской социологии совпадает по времени с периодом деятельности О. Конта, Г. Спенсера и К. Маркса в западноевропейской социологии. И.А. Голосенко, крупнейший специалист по истории русской социологии, в качестве пионеров этой науки называл В.Н. Майкова, Э.К. Ватсона и П.Л. Лаврова. А.Г. Здравомыслов считает

² Докторов Б.З. А.Г. Здравомыслов: его деятельность и наследие еще предстоит изучить. К 85-летию со дня рождения // Телескоп. 2013. № 2. URL: http://www.old.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_2/article_content1404379381266300file.pdf

³ Докторов Б.З. Современная российская социология: История в биографиях и биографии в истории. СПб: ЕУ в СПб, 2013.

⁴ Докторов Б. Российские реформы и история российской социологии. URL: https://cdclv.unlv.edu/archives/articles/doktorov_reform.html

первым российским социологом А.И. Герцена. В хронологическом отношении речь идет о начале второй половины XIX в. После Герцена были народники, затем появились сторонники марксизма, а становление в начале XX в. в России профессиональной социологии связывается с деятельностью М.М. Ковалевского.

Короткий период постреволюционной социологии, завершившийся в конце 1920-х гг., был характерен, по мнению Л.А. Козловой, мощным выплеском разных направлений: марксистских, естественных и идеалистических. Затем начался четвертьвековой период развития социологии в СССР, когда доминирующей теоретической концепцией анализа общества был догматический марксизм-ленинизм, а эмпирические исследования были полностью свернуты. В эти годы социология не преподавалась, и нормальное развитие науки, включающее передачу опыта от одних поколений ученых к другим, было разрушено. Одновременно в силу множества причин (идеологические ограничения, террор против личности, война и прочее) достижения до- и послереволюционных социологов были утеряны, их книги уничтожены или заключены в спецхраны, а имена забыты.

2. Сказанное позволяет задаться вопросом о том, что же произошло в начале 1960-х гг., когда на волне политической «оттепели» в разных городах СССР начали проводиться прикладные социологические исследования и обсуждаться общетеоретические и инструментальные проблемы социологического познания. В настоящее время большинство специалистов вписывает эту социально-научную инновацию в общий, многодесятилетний процесс развития социологии в России и СССР и характеризует его как этап возрождения советской/российской социологии.

Вспомним, что термин «Возрождение» закреплен за всеобъемлющей культурной, научной и социальной программой создания философии, науки и искусства, базировавшейся на идеалах антики и отторгавшей дух средневековья. Одной из важнейших характеристик этого проекта было стремление к переосмыслению наследия древних философов, ученых и мастеров искусства и использованию их достижений для построения новой картины мира. Рационально оформленное обращение к прошлому становилось импульсом для создания художественных произведений, науки и просвещения Нового времени.

Обращение к событиям конца 1950-х – начала 1960-х гг. показывает, что в то время никакой осмысленной, обоснованной концепции построения социологии на опыте дореволюционной и ранней советской социологической науки у поколения социологов-шестидесятников не было. Да ее и не могло быть. И дело даже не в том, что они плохо представляли сделанное их предшественниками, но в том, что подобного «архитектурного» замысла в принципе не могло быть по политико-идеологическим обстоятельствам той эпохи. Прошлое российской социологии было закрыто от них, в частности, в силу особенностей жизненных путей тех, к чьему наследию следовало бы обратиться. Многие из них либо были уничтожены в конце 1930-х гг. как «враги народа» (Н.И. Бухарин, В.К. Гастев, Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов и др.), либо эмигрировали; одни еще были живы, например П.А. Сорокин, другие умерли. Первая статья о Сорокине в советской литературе, написанная Голосенко, была опубликована в 1968 г. Имена покинувших Россию на «философском пароходе» теми или иными путями вернулись в российскую социологию после перестройки. Тогда же стали известны и работы Бухарина. Это – одно из следствий российских реформ.

3. Представляется, что термин «возрождение» применительно к рассматриваемому процессу имеет слишком неопределенное, неконкретизированное значение и его закрепление в историко-наукovedческих исследованиях может стать основой мифа, или ложной интерпретации генезиса, а значит всего последующего развития современной отечественной социологии. Одну из подобных тенденций в освещении недавнего прошлого обозначил В.Э. Шляпентох, назвавший ее «умолчанием имен». Он отметил, что в докладе В.И. Жукова на Учредительном съезде Союза социологов России из истории современной советской социологии был вычеркнут ряд имен ее основоположников. Д.Н. Шалин увидел в материалах съезда стремление восстановить государственный контроль над социологией и установку на привнесение в науку клерикальных идей.

Напротив, детальное рассмотрение явлений, составлявших суть процесса становления советской социологии в постхрущевские годы, и поиск соответствующей терминологии позволят принципиально обогатить спектр и содержание исторических изысканий.

4. Изучение литературы и анализ результатов интервьюирования большой группы российских социологов, начатого в конце 2004 г., позволяет предложить иную версию, модель возникновения социологии в годы «оттепели». Речь должна идти не о возрождении, но о втором рождении. Второе рождение лишь формально можно трактовать как возрождение: по своей внутренней логике, механизму зарождения, мотивации деятельности первопроходцев социологии это совсем иной феномен, процесс иного строения.

Молодые философы, историки, экономисты, на рубеже 1950–1960-х гг. называвшие себя социологами, следовали в своей инновационной деятельности тем же социально-нравственным ориентирам, что и поэты-шестидесятники. М.К. Мамардашвили так сказал о своих студенческих друзьях: «Что, Зиновьев из Бердяева, что ли, вырос? Да ничего подобного – из полупьяного лейтенанта Советской армии. И Грушин... из обыкновенного, банального комсомольского активиста...» На вопрос о том, из чего произросла идея книги «Человек и его работа», признанной классикой советской социологии, Здравомыслов ответил: «Булат Окуджава имел для нас гораздо большее значение, чем Питирим Сорокин, которого мы знали в начале 1960-х гг. лишь по трем упоминаниям В. Ленина. Профессиональной преемственности с нашими предшественниками 1920-х гг. не было: сталинские репрессии прервали эту связь...» Итак, обстоятельства, породившие атмосферу «оттепели», стали предпосылкой вторичного рождения советской социологии.

Оставим в стороне тему социальных мотивов, движителей деятельности первых социологов, и посмотрим, были ли они в принципе готовы к возведению своей социологии на фундаменте (руинах фундамента) дореволюционной и ранней советской социологии. Знали ли они работы своих предшественников? В.А. Ядов, вспоминая время изучения установок к труду рабочих, сказал: «...сильно сомневаюсь, что до 1917 г. были публикации в этом именно плане – отношение к труду... Вообще, эвристическая ценность публикаций царско-романовского периода, первых пятилеток, военного периода 1941–1945 гг. и двух пятилеток послевоенного времени, так или иначе относящихся к нашему исследованию, не представлялась высокой».

Обсуждая тему знания прошлого с В.Э. Шляпентохом, имеющим историческое и статистическое образование, я спросил его, оказали ли на него влияние работы русских земских статистиков и книга Ленина о развитии капитализма в России. Вот его ответы на эти вопросы: «Буквально никакого, хотя я кое-что знал о них» и «Я хорошо знал работы Ленина и относился к его анализу статистических данных вполне уважительно... Однако влияние Ленина на нашу социологию в 1960-е годы было равно, по моему мнению, нулю».

Нет необходимости в увеличении количества подобных примеров, и без них можно утверждать, что социологи 1960-х в своей работе фактически не опирались на опыт своих предшественников. Трудно не согласиться с В.А. Ядовым, более десяти лет назад сказавшим: «Преподавать историю нашей социологии как продолжение русской традиции не совсем правомерно. Надо внимательнее посмотреть, какие на самом деле были традиции, где они работали и где нет, что просто приписывалось». И это не «реанимация большевистской традиции» отказываться от наследия прошлого, как характеризует сказанное Ядовым В.И. Жуков, но констатация одного из аспектов становления современной российской социологии.

5. Методическая, инструментальная линия ленинградской социологии, одной из наиболее заметных в советской социологической науке, во многом формировалась в процессе перевода и изучения книги американских авторов Гуда и Хатта о методах социологического исследования.

По мнению Шляпентоха, «советская социология был обязана на первых этапах своего существования только западной и польской социологии». Того же мнения придерживался Ю.А. Левада: «Историю социологии, кроме польских источников, брать было

больше неоткуда, историю западной социологии мы узнавали по-польски. Потом уже можно было добраться как-то до источника. И для всего моего поколения социологов Польша была мостиком к западной социологии, воротами такими. Можно было через поляков узнать, что там делали, читая их литературу». Для Ф.Э. Шереги, выросшего в венгерском районе Закарпатья, вход в социологию был иным: «Естественно, я знал многие работы западных социологов, изданных в Венгрии без всякой цензуры».

6. Есть еще один важный момент, указывающий на то, что ни в 1960-е гг., ни позже концепция «возрождения» как творческого обращения действующего социологического сообщества к наследию прошлого фактически не имела заметного организующего или хотя бы сигнального значения. Все поколения, вошедшие в социологическую науку после первой волны шестидесятников, однозначно признают своими учителями именно их. Никто не говорит об определяющем влиянии на их творчество Герцена или Михайловского, Сорокина или Бухарина. Более того, можно допустить, для большой группы советских социологов, работавших в 1970–1980-х годах, ни дореволюционной, ни довоенной советской социологии как бы не существовало. В те годы основная масса социологов не имела специальной профессиональной подготовки, да и получавшие философское образование далеко не всегда изучали историю российской социологии.

7. Русскую дореволюционную и раннюю советскую социологию стали исследовать аспиранты, ученики тех, кто понимал научную значимость подобной тематики, но эти поиски не трактовались как элемент программы возрождения социологии. В первой половине 1960-х гг. Голосенко по совету И.С. Кона начал изучать творчество Сорокина. В середине 1970-х гг., будучи аспирантом Шляпентоха, Шереги прорабатывал проблематику выборочного анализа и всесторонне проанализировал методический опыт советских социологов 1920-х гг. В конце 1980-х гг. Л.А. Козловой под руководством Л.Г. Ионина исследовался этап 1920–1940-х гг.

Таким образом, познание прошлого постепенно становилось одной из задач советской/российской социологии, но, мне представляется, эти исследования, при всей их важности и необходимости их углубления, имеют преимущественно историко-наукоедческое и профессионально-этическое назначение. Их выводы не могут серьезно повлиять на методологию современных российских социологических исследований.

Принципиальное снижение эвристичности теоретических построений и значимости фактологии прошлого не есть лишь следствие продолжительности периода, отделяющего аналитиков современной России от тех, кто анализировал российский социум до первой трети XX в. У этой проблемы есть и качественный аспект. В течение почти сотни лет страна многократно подвергалась мощнейшим «социотрясениям» (термин Б.А. Грушина), и потому развитие российской социологии не было непрерывным. Это – неустрашимая разрывность.

8. Вывод о «вторичном рождении» российской социологии требует уточнения, конкретизации и поиска новых аргументов в его защиту. Поэтому в последнее время я начал обсуждать его с коллегами. Приведу суждения представителей трех поколений российской социологии.

Т.И. Заславская: «Я согласна, что было именно второе рождение. Это уже потом возник интерес к историческим корням, который сохраняется и сейчас».

Ж.Т. Тощенко: «Конечно, говорить о возрождении можно довольно условно. ...То, что это возрождение было скорее формальным, говорит тот факт, что многие разработчики наших предшественников практически мало или совсем не востребованы... Поэтому в этом случае более уместно говорить о втором рождении социологии, которая во многом носила сугубо осовремененный характер и обращала большее внимание на аналогичные исследования коллег за рубежом в этот период».

Ф.Э. Шереги: «Я согласен с этим выводом. Мало кто из первых советских социологов знал о практике советской социологии 1920-х гг. Да и опираться только на этот опыт было бы недостаточно, так как за период запрета советской социологии на Западе были достигнуты

значительные успехи в развитии методов прикладной социологии и изучения общественного мнения. Поэтому приобщение советских социологов к опыту Запада в решающей степени способствовало успехам советской прикладной социологии. Это не умаляет научности и большой исторической значимости опыта советской прикладной социологии 1920-х годов».

Перестройка и постперестроечные реформы в России дали возможность отечественным социологам обратиться к прошлому своей науки. Пока трудно сказать, каким образом будет использовано это право на историю, к тому же ясно, что сама история будет зависеть не только от того, как пристально она станет изучаться социологическим обществом, но и от того пути, который будет избран страной для продолжения реформ. История российской социологии – функция российских реформ.

NOT A RENEWAL, BUT A SECOND BIRTH

DOKTOROV B.Z.

Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia

Boris Z. DOKTOROV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Associate Fellow of the Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia; Honorary Doctor of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (bdoktorov@inbox.ru).

Abstract. For the first time, theses on the concept of a “Second Birth” of Soviet/Russian sociology are being published. The Perestroika gave the sociologists of Russia the opportunity to refer to history post-war sociology. In particular, it demanded an answer to the question: “Is the current Russian sociology a continuation of the sociology that began to develop in the second half of the 19th century, or a sociology with its own special beginning?” Two concepts were suggested for the genesis of the current stage of Russian sociology: continuity and renewal. However, studying the interviews with pioneering sociologists who caught the soul of the political thawing showed that their entrance into sociology did not answer either concepts, giving rise to the idea of a second birth of Russian sociology.

Per my request, the concept of a second birth was voiced by Professor Vera V. Gavriluk in October 2007 at a conference occurring in the city of Tyumen. Later, she told me that the participants of the conference had positive attitudes to this information. Fifteen years have passed, and the above-mentioned theses are being published.

Keywords: Soviet/Russian sociology, genesis, Perestroika, two concepts, pioneering sociologists, Russian sociology, second birth.

А.Н. ФАТЕНКОВ

СОВРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ В РАКУРСЕ КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВА

ФАТЕНКОВ Алексей Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского и кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета, Нижний Новгород, Россия (fatenkov@fsn.unn.ru).

Аннотация. Автор стремится дать сущностную характеристику современного общества и вскрыть причины затруднений, с которыми сталкивается описывающая его социальная теория. Выявлены структурные и содержательные недостатки традиционного классового подхода к анализу социальной реальности, а также конкурирующих с ним стратового и сетевого подходов. Критически оценен дискурс «посткапитализма». Из констатации экстремально высокого уровня отчуждения в современном технологически развитом обществе выведен тезис о капиталистической сущности доминирующих в настоящее время социальных отношений. Концептуально привязывается к концепту капитализма и содержательно уточняется понятие общества потребления. Центральная мысль автора состоит в том, что сегодня мы имеем дело не с отмирающим, а с аутентичным капитализмом. Он имеет однополярную конфигурацию с единственным – правящим – классом в центре и деклассированной социальной массой в обширной периферии. В преодолении отчуждённости и диктата капитала важная роль отводится самоидентификации индивида.

Ключевые слова: аутентичный капитализм • одноклассовое общество • отчуждение • социальная теория

DOI: 10.31857/S013216250028545-2

Российское интеллектуальное сообщество активно обсуждает вопрос эволюции капитализма (см., в частности: [Давыдов, 2022; Бузгалин, Колганов, 2022]). Позволю себе включиться в полемику с позиции, сформированной на пересечении экзистенциалистской и марксистской парадигм.

Затруднительное положение, в которое попала сегодня социальная теория, остро проявляется в неудовлетворённости от приложения к анализу структуры и режима функционирования современного общества как однофакторного (классового), так и многофакторного (стратового) подходов. Оба они, предполагая, каждый по-своему, иерархически выстроенную социальность, вытесняются сейчас на уровне дискурсивных практик сетевым моделированием с доминирующим горизонтальным структурированием социальной реальности. Однако и сетевой подход вызывает немало претензий – логических и жизненно-практических. Его логическая неувязка в том, что декларируемая им гегемония горизонтальных связей и отношений остаётся все же гегемонией, то есть феноменом вертикального, иерархического порядка. Жизненно-практическая слабость «сетевоего» теоретизирования в том, что оно охватывает только поверхностный (по большей части маскировочный) слой процессов и состояний общества, не проникает в глубь их, где вертикальные стандарты хотя и подверглись некоторой трансформации, но в принципе остались непоколебленными.

Стратовая методология, конкурируя с классовою, работала на идеологему конвергенции, которая утверждала постепенное сближение советской и западной социальных систем под влиянием с необходимостью используемых в экономике общих технологий. «Конвергентный» дискурс был идеологического – не собственно теоретического – разряда

вследствие своих концептуальных несостыковок и прямого лукавства. Вместо анонсируемой многофакторности он оказался по сути однофакторным, лишь поменяв приоритетную для классового подхода роль отношений собственности на приоритет производственно-технологических отношений. Главное, декларацией о сближении социалистической и капиталистической систем он вуалировал иную перспективу – поглощение капитализмом своего оппонента. Дело в том, что в чисто экономическом плане социализм не конкурентоспособен. Стратегия социализма кардинально иная: преодоление экономической детерминации, чтобы человек перестал быть существом экономическим и стал существом социально-социальным. Первый в мире пилотируемый космический корабль стал в 1960-х гг. лебединой песней советской экономики в её притязаниях на соперничество с конкурентом.

После завершения «конвергенции» мир стал однополярным, капиталистическим, но стесняется называть себя таковым. В качестве идеологического прикрытия всё чаще используется примитивный конструкт с префиксом «пост-». Надо признать, приём срабатывает. Интеллектуализированное ядро «посткапитализма» (без ироничных кавычек здесь не обойтись) составляют ныне сетевые концепции. Они проводят мысль о тотальной деструкции социального и лишь фрагментарной его «пересборке», а точнее – о перманентном сочленении фрагментов социального с техносферой (см.: [Латур, 2014]). В методологическом плане перед нами радикальная версия технологического детерминизма в его привязке к компьютеризированной среде – не только в профессиональной деятельности людей, но и в их быте. Подмечаемые «сетевиками» тенденции действительно наличествуют в общественной практике, но не отменяют иерархических отношений и не заслуживают ни апологии, ни нейтрального к себе отношения. В сетевом обществе с доминирующими в нем цифровыми технологиями и гипервизуализацией отчужденность человека от самого себя экстремально высока. Фиксируемый пик отчужденности указывает на капиталистический характер актуально функционирующей социальной матрицы.

«Посткапитализм» одной из своих граней предстаёт обществом потребления, которое возникает, когда потреблять, не производя общественно ценный продукт, позволительно уже многим. При этом маховик массового производства продолжает ускоренно раскручиваться, не нуждаясь благодаря продвинутой технике в масштабном привлечении людей. Ему нужны лишь всё нарастающие усилия тех немногих, кто способен поддерживать поступательный технический прогресс. Для остальных предусмотрено сокращение рабочего времени, сопровождающееся нагнетанием интенсификации труда.

Осмысливая общество потребления в формате оппозиции необходимого и свободно-го времени, обнаруживаем неприглядную социальную и экзистенциальную картину. Сокращение необходимого рабочего времени уменьшает вклад человека в общественный котёл, не уменьшая, а, напротив, увеличивая его вклад в карман капиталиста. Время, которое индивид дополнительно получает в своё распоряжение в результате сокращения («оптимизации») общественного труда, – ни необходимо, ни свободно. Это время насаждаемого конформизма, подготовленное к самоуничтожению в тотально контролируемых виртуальных сетях. Оно объективно лишнее. Вместе с ним объективно лишним в обществе потребления становится и гармонично развитый человек, и идеал такого человека. Массово востребован придаток к «умным» машинам и технологиям: опознаватель торговых марок и поглотитель сопутствующих товаров, идолопоклонник информации, дистанционно голосующий электоральный штифик. Трагедия в том, что подавление заложенных природой способностей провоцирует деструкцию личности и присущей ей социальности.

Потребление есть чистое отрицание вещи: так оно осмысливается в гегелевской диалектике господина и раба, привязываясь к функционалу господства [Гегель, 2002: 103]. Но ведь потребляет и раб, представляющий собой по сути вещь, производящую вещи. Чистота господского потребления обеспечивается на первых порах системой опосредованных отношений: к потреблению вещи – через раба, к рабу – через потребление вещи. Но если раб тоже вещь, то чистота и полнота господского потребления со временем терпят крах. Рабское же потребление изначально не способно быть чистым и полным. И не

потому, что раб лишён опосредованных отношений к вещи через господина, а потому, что, являясь вещью, раб вынужденно потребляет и самого себя. Исчерпывающее потребление возможно для него только в случае самоуничтожения. Марксов пролетариат есть гегелевский раб, нигилистически отрекающийся от своего существования. Общество потребления, успешно перемолов пролетарские позы, – это общество рабов, мнящих себя господами. И неважно, что в экономически развитом обществе речь идёт, в лексике Г. Маркузе, о сублимированных рабах – всё равно они «остаются рабами, ибо рабство определяется “не мерой покорности и не тяжестью труда, а статусом бытия как простого инструмента и сведением человека к состоянию вещи”» [Маркузе, 2003: 296].

Современное состояние социальной реальности, отнесённой по экстремально высокому уровню отчуждённости к капиталистическому типу (по сопутствующим показателям – к типу потребительскому), не укладывается в рамки стандартной классовой модели, априори постулирующей – согласно бинарным рациональным схемам – наличие двух антагонистических сосуществующих больших социальных групп. Удивительнее не отмеченная пробуксовка биполярности, а то, что известная критическая констатация однополярности современного мира (сверхобщества) не распространяется на его социально-структурные фрагменты. Разгадка проста. Критика сверхобщества позволяет заинтересованным лицам и институтам отодвигать на задний план и вуалировать несуразницы в конкретной его социально-политической составляющей. Сегодняшние передовые общества, западные или восточные, однополярны: правящий класс прочно забронировал за собой центр системы; деклассированная социальная масса с ризомной текстурой заполняет периферию. Текучесть слабоструктурированной массы создаёт иллюзию дрейфующего, а потому якобы слабеющего центра. В действительности же правящий класс, взяв на вооружение новые гибкие технологии, лишь нарастил потенциал господства настолько, что не принуждает индивида к идентификации с Системой, – достаточно того, чтобы индивид отрёкся от самоидентификации. Модель одномерного мышления и поведения, распознанная Маркузе, осталась закреплённой за верхами общества, низам дозволено барахтаться в осколках одномерности. Можешь считать себя включённым в Систему, можешь не считать, но если устранишься или устроишься от самоидентификации, ты уже в системном плену.

Ростки тенденции к сохранению одного-единственного класса-победителя фиксировались представителями критической социальной теории на стадии позднего индустриального капитализма. «Если рабочий и его босс наслаждаются одной и той же телепрограммой и посещают одни и те же курорты, если маникюр секретарши не менее эффектен, чем у дочери ее начальника... и все они читают одни и те же газеты, то это уподобление указывает не на исчезновение классов, а на степень усвоения населением тех потребностей и способов их удовлетворения, которые служат сохранению Истеблишмента» [там же: 272]. Историческая субъектность классов, противостоявших миру капитала, сошла на нет.

Очерченная однополярная социальная конфигурация свойственна *аутентичному капитализму*. Прежние его формы и исторические этапы – раннего и отчасти позднего индустриализма – вписывались в бинарную (буржуазно-пролетарскую) классовую матрицу. Но то был капитализм не высшей пробы, ещё соперничающий актуально и потенциально с социалистической организацией общества. В определённом смысле конкурировали тогда между собой две структуры – одноклассовая и бесклассовая. Одноклассовая взяла верх. Пока, по крайней мере. Соответствующие трансформации происходили параллельно, хотя разными путями, в западной и советской системах. Но если буржуазные идеологи концептуализировали последствия изменений в обществе, то советский официоз отвернулся от перемен, догматично (скорее с циничным умыслом) отрицая квазиклассовые признаки сложившейся номенклатуры, часть которой перешла впоследствии в разряд крупных собственников.

Важную (если не решающую) роль в поражении советского проекта сыграло классовое сознание. Пролетарский нигилизм (без него невозможна установка на уничтожение

классов) стратегически уступил буржуазному прагматизму и не сменился стойкой чувственно-мыслительной ориентацией, способной одолеть корыстную прагматику и содействовать структурированию и упрочению социальной общности, мощнее и человечнее классовой. Хотя общность советского народа не без оснований претендовала на ценностно положительный сверхклассовый статус.

Буржуазное сознание и сочленённая с ним практика оказались недооценёнными теоретиками социализма, включая Г. Лукача. Его известный тезис гласит: «...буржуазия застревает в непосредственности, в то время как пролетариат выходит за её рамки» [Лукач, 2003: 249]. С данным утверждением связано другое, методологического плана: буржуазия ратует якобы лишь за количественные изменения в обществе (бесконечный прогресс – это её идея), тогда как пролетариат настроен на изменения качественного характера. Развитие событий показало, что буржуазия успешно решила двуединую задачу: вывела себя к качественно иной – одноклассовой – социальной непосредственности, оставив пролетариат, его попутчиков и наследников в состоянии перманентной опосредованности. Та качественно отлична от любой (в том числе прежней, товарно-денежной) непосредственности, но не избавлена от матрицы купли-продажи и представляет собой концентрированный негатив: деятельность ради деятельности, близкую к тотальной отчуждённость, потерю ведущих опор самоидентификации.

Классовая общность эгоистична. Особенность пролетариата в том, что его мещанский (среднеюнионистского типа) эгоизм может перетечь в нигилизм с желанием до основания разрушить старый мир. Когда класс остаётся без антагониста или иного серьёзного социального оппонента, эгоистическая установка начинает зашкаливать. Рассуждения на языке диалектики дают следующую картину. Продуктивное развитие общности, как и индивида, протекает по восходящей: «в себе – для себя – для другого – в себе, для себя и для другого». Становясь единственным, класс функционирует в режиме «в себе и для себя». Соотносимая с ним деклассированная социальная масса опускается до уровня «в себе и без себя» – с размытой или утраченной способностью к самоидентификации. Требуется сверхусилия – а откуда их взять: уникальный, с трагической завязкой, исторический шанс упущен – для формирования общности, свободной от нигилистических интенций, существенно ограничивающей свой эгоизм и готовой хотя бы на равных потягаться с классом и его собственностью.

Положение усугубляется призывами отказаться в теории и социальной практике от строгих идентификационных процедур и эссенциалистского дискурса (от размышлений по существу). Сообразно навязываемой моде личность и телесность человека подаются как множественные, а социальность – непрерывно трансформирующейся или исчезающей. Но не стоит обманываться: где невозможна или табуирована самоидентификация, то есть хотя бы временное уравнивание субъекта с самим собой, там скрадывается проблематика отчуждённости, её предмет начинает существовать в превращённых формах, распознать суть которых ещё труднее. Под отчуждением традиционно понимается процесс, в результате которого человек утрачивает ряд существенных качеств, тем самым меняя, искажая собственную сущность. Вне какого бы то ни было обращения к эссенциалистскому дискурсу констатация и оценка уровня отчуждённости, а стало быть, и уровня капитализации общественных отношений попросту немислимы. Но многие интеллектуальные течения, позиционирующие себя как антикапиталистические, пытаются всячески дискредитировать эссенциализм и акт самоидентификации. Подобную установку обнаруживаем в негативной диалектике Т. Адорно, в постструктурализме Ж. Делёза и М. Фуко, в концепции постанархизма С. Ньюмана [Ньюман, 2022].

Ближайшие социальные перспективы не радужны. Они с огромной долей вероятности окажутся втиснутыми в сегмент «комфортной» тоталитарности, к которой предрасположено и склоняется аутентично капиталистическое общество в его цифровом обличье (см.: [Фатенков, 2022]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Капитализм, посткапитализм и креативная революция (критические размышления о статье Д.А. Давыдова) // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 100–109.
- Гегель Г.В.Ф. Система наук. Ч. I. Феноменология духа. СПб.: Наука, 2002.
- Давыдов Д.А. Классовое господство в эпоху капитализма: Часть 1. Этнос персоналиата // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 142–152.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
- Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М.: Логос-Альтера, 2003.
- Маркузе Г. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества // Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2003. С. 251–515.
- Ньюман С. Постанархизм. М.: РИПОЛ классик, 2022.
- Фатенков А.Н. Цифровое общество: цивилизация на стадии «комфортной» тоталитарности // Век глобализации. 2022. № 1 (41). С. 72–85.

Статья поступила: 31.08.23. Финальная версия: 23.09.23. Принята к публикации: 30.10.23.

MODERN CAPITALISM FROM THE PERSPECTIVE OF CRITICAL THEORY OF SOCIETY

FATENKOV A.N.

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russia

Aleksey N. FATENKOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russian; Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russian (fatenkov@fsn.unn.ru).

Abstract. The author resolves a twofold task: to give essential characteristics of the modern society and to reveal the reasons for difficulties faced by the social theory while describing it. In this regard, structural and substantive shortcomings are revealed in the traditional class approach to social reality analysis as well as in competing stratum and network-based approaches. The discourse of 'post-capitalism' is critically evaluated. The concept of the capitalist essence of social relations dominating at present is deduced from the statement of an extremely high level of alienation characteristic for the modern technologically developed society. The notion of consumer society is conceptually tied to the matrix of capitalism and meaningfully clarified. The author's central idea is that today we are dealing with authentic capitalism. It is a unipolar configuration with the only, i.e. ruling, class, in the center, and a declassed social mass in the vast periphery of the center. In overcoming the alienation and dictates of capital, an important role is assigned to the procedure of self-identification of individual.

Keywords: authentic capitalism, one-class society, alienation, social theory.

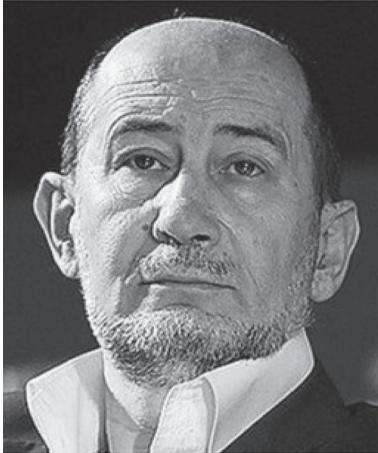
REFERENCES

- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2022) Capitalism, Post-Capitalism and the Creative Revolution (Critical Reflections on the Article by D.A. Davydov). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 100–109. (In Russ.)
- Davydov D.A. (2022) Class Domination in the Era Post-Capitalism: Part 1. The Ethos of the Personaliat. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 142–152. (In Russ.)
- Fatenkov A.N. (2022) Digital society: civilization at the stage of "comfortable" totalitarianism. *Vek globalizatsii* [Age of Globalization]. No. 1 (41): 72–85. (In Russ.)
- Hegel G.W.F. (2002) *The Phenomenology of Spirit*. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russ.)
- Latour B (2014) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Moscow: HSE Publ. House. (In Russ.)
- Lukács G. (2003) *History and Class Consciousness*. Moscow: Logos-Al'tera Publ. (In Russ.)
- Marcuse H. (2003) One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. In: Marcuse H. *Eros and Civilization. One-Dimensional Man*. Moscow: AST Publ.: 251–515. (In Russ.)
- Newman S. (2022) *Post-Anarchism*. Moscow: RIPOL klassik Publ. (In Russ.)

Received: 31.08.23. Final version: 23.09.23. Accepted: 30.10.23.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВИЧА БУЗГАЛИНА

(19.07.1954–18.10.2023)

В ночь с 17 на 18 октября 2023 г. после тяжелой болезни ушел из жизни один из ведущих российских обществоведов – Александр Владимирович Бузгалин, доктор экономических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова.

Вся жизнь Александра Владимировича тесно связана с экономическим факультетом МГУ, который с советских времен остается одним из главных центров отечественной творческой социально-экономической мысли. В 1976 г. он окончил экономический факультет, затем после аспирантуры там же в 1979 г. защитил кандидатскую диссертацию («Противоречия планомерной организации социалистического производства») и там же начал преподавать, чем занимался до последних лет жизни. В период перестройки А.В. Бузгалин, ставший уже к тому времени одним из ведущих

экономистов и публицистов, поддерживал реформы как метод оздоровления социализма. Его позицию тех лет характеризует название защищенной в 1989 г. докторской диссертации – «Планомерность социалистического производства: содержание и направления совершенствования в современных условиях». В самые последние годы существования СССР он даже входил в состав ЦК КПСС, оказавшись там, однако, по его собственному мнению, «белой вороной». После распада СССР А.В. Бузгалин сосредоточился на научной и преподавательской работе, став с 1990-х (наравне со своим постоянным коллегой, другом и соавтором А.И. Колгановым) своего рода символом российского академического марксизма.

Для всех, кто знал его или хотя бы читал его многочисленные научные и публицистические работы, уход из жизни Александра Владимировича Бузгалина – невосполнимая утрата. Благодаря его энергии, научному и педагогическому таланту, человеческому теплу были созданы и продолжают существовать многие серьезные проекты в научной и образовательной сферах. Он сыграл ведущую роль в создании и успешном функционировании научно-публицистического журнала «Альтернативы» и академических «Вопросов политической экономии», был директором Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и вице-президентом Вольного экономического общества России, активно работал в организации Московского экономического форума и Московского академического экономического форума. Из-под его пера вышло множество монографий и статей (в базе РИНЦ их свыше 500), опубликованных в нашей стране и за рубежом, в том числе в высокоавторитетных экономических и социологических журналах (как, например, «Critical Sociology»). О его международном авторитете свидетельствует то, что Александр Владимирович был визит-профессором Кембриджского, Пекинского и Хайнаньского университетов. Разработанные и читаемые им учебные курсы неизменно привлекали к себе студентов экономического и философского факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова. Не занимая высоких административных постов, он создал собственную научную школу, его ученики (под его руководством защищено

более 20 докторских и кандидатских диссертаций) работают в ведущих научно-исследовательских организациях и университетах России.

Будучи убежденным марксистом, Александр Владимирович Бузгалин не менял своих убеждений со студенческих лет и при этом сумел развить творческую и гуманистическую суть марксизма, отбросив догматизм и придав марксистским исследованиям в нашей стране новый живой импульс. Политэконом по образованию, он освоил присущий марксизму широкий и комплексный взгляд на общественные явления, став серьезным специалистом в области философских, социологических и политологических исследований.

Основными научными идеями, которые развивал А.В. Бузгалин, была характеристика советского строя как «мутантного социализма» и тесно связанная с этим концепция творческого работника как основного субъекта рождающегося – очень неравномерно, с приливами и отливами – социалистического (посткапиталистического) общества. Считая главным признаком социализма не государственное регулирование, а творческий труд, преодоление отчуждения от труда и от власти, Бузгалин диалектически видел в советском строе как стимулы к такому развитию, так и препятствия к нему. Анализ развития креативности в труде и формирования нового «креативного класса» стал в современной науке объектом исследований преимущественно социологов, поэтому им (а не только экономистам) предстоит развить те научные заделы, которые предложил А.В. Бузгалин.

То, что Александр Владимирович Бузгалин успел сделать за свою жизнь, уже вписано в мировую и отечественную научную мысль. Он умел «мечтать, не став рабом мечтанья, и мыслить, мысли не обожествив». Он оставил неизгладимый человеческий след в сердцах всех тех, кто с ним соприкасался, и в этих сердцах он останется жить.

Коллеги, друзья, единомышленники

А.В. БУЗГАЛИН

ПОСЛЕ «КОНЦА ИСТОРИИ»: ПРОГРЕССИВНЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ РЕФЕОДАЛИЗАЦИИ И «ТЕХНОСОЦИАЛИЗМУ»

БУЗГАЛИН Александр Владимирович – доктор экономики, профессор экономического факультета МГУ, директор Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ, Москва, Россия (buzgalin@mail.ru).

Аннотация. Статья¹ продолжает предыдущую публикацию автора в «Социологических исследованиях», в которой было показано, что противоречия неолиберальной модели позднего капитализма создают угрозу инволюции общества в направлении консервативного либерализма и рефеодализации. Автором раскрываются возможности реализации прогрессивной альтернативы такому тренду и дается критика популярной в настоящее время идеи «техносоциализма». Делается вывод, что развитие переходных к «царству свободы» отношений в пространстве позднего капитализма предполагает: (1) проведение активного регулирования общественного воспроизводства для перехода от ориентации социально-экономического развития на рост прибыли и ВВП к эконосоциогуманитарным приоритетам; (2) реформирование отношений собственности в направлении ее социализации; (3) перераспределение части паразитически используемых сверхдоходов людей-симулякров (рантье, финансистов, звезд шоу-бизнеса и профессионального спорта) на цели общественного развития; (4) продвижение от манипулятивной демократии к диалектическому единству активного гражданского общества и базисной демократии. Субъектом этих изменений – своего рода «прогрессорами» – может стать осознавший свои стратегические интересы и политико-идеологически оформленный союз творческих работников общественного сектора («социалиата») и высокопрофессионального индустриального пролетариата.

Ключевые слова: «конец истории» • поздний капитализм • неолиберализм • консерватизм • рефеодализация • «царство свободы» • посткапитализм • социалиат

DOI: 10.31857/S013216250028547-4

Опубликованная статья автора «После “конца истории”: консервативный неолиберализм и рефеодализация?» [Бузгалин, 2023] вызвала у коллег-обществоведов серьезные критические замечания. Главные из них были связаны с тем, что обрисованные в той статье темы (кризиса неолиберальной модели позднего капитализма и развивающегося особенно интенсивно в последнее десятилетие тренда консервативной реформации неолиберального экономико-политического устройства, дополняемого элементами рефеодализации) не были дополнены анализом проблемы прогрессивной альтернативы. Между тем обоснование объективной возможности такого вектора развития событий и его краткая характеристика представляется не только возможной, но и необходимой. Более того, инициированная журналом «Социологические исследования» дискуссия по книге «Техносоциализм» Б. Кинга и Р. Пэтти [King, Petty, 2021]² делает обсуждение продвижения в направлении качественно нового общественного устройства особенно актуальным.

Автор выражает благодарность за помощь в работе над текстом и подборе данных Ольге Барашковой, Илье Дубровину, Андрею Колганову, Ольге Лемешонок и Ангелине Шпиловой.

¹ Статья является последней научной работой А.В. Бузгалина для журнала «Социологические исследования». Она находилась на рецензировании, когда пришла весть о смерти автора. Публикуется в авторской редакции. – Прим. ред.

² См. материалы рубрики «Дискуссия. Полемика» в № 9, 2023. – Прим. ред.

Прежде чем перейти к поневоле краткой позитивной характеристике потенциала и противоречий прогрессивного реформирования позднего капитализма, автор должен пояснить ряд моментов. Во-первых, подчеркнем, что автор исходит из необходимости возрождения «большого нарратива» *социальный прогресс*. После нескольких десятилетий господства в общественных науках постмодернистской методологии, подвергавшей остракизму даже обсуждение этой темы, о категории социального прогресса «как бы» забыли. Но обостряющиеся глобальные противоречия и международные экономико-политические конфликты вновь поставили в практическую плоскость необходимость не только теоретического, но и практического ответа на вопрос, какие действия социальных акторов (индивидов, национальных государств, международных организаций...) прогрессивны, а какие реакционны. В данной статье этот вопрос ставится только теоретически. В дальнейшем будем исходить из того, что социальный прогресс (1) неравномерен во времени и пространстве, (2) непостоянен, может чередоваться с периодами социального регресса, а его критерием (3) является снижение меры социального отчуждения³. Обоснование этого тезиса было дано ранее моими коллегами [Булавка-Бузгалина, 2018].

Во-вторых, будем исходить из того, что *поздний капитализм*, о неолиберальной модели которого упоминалось, может быть определен как такая стадия развития капиталистической социально-экономической системы, на которой ее дальнейшее сохранение, а тем более развитие, невозможны без формирования в ее общественной ткани феноменов, противоречиво соединяющих собственно рыночно-капиталистические отношения и отношения идущего им на смену общества, т.е. отношения пострыночные и посткапиталистические [Бузгалин, Колганов, 2022; Яковлева, 2022; Чэнь, Барашкова, 2022]. В социально-экономической сфере это – отношения общественного производства (экономика солидарности, например), присвоения (в частности, общедоступные бесплатные блага в сфере здравоохранения, образования и др.), и распределения (перераспределение части прибыли и рентных доходов в пользу общества, в том числе с целью снижения социального неравенства).

Третий тезис обуславливает достаточно очевидное следствие: *прогрессивное реформирование позднего капитализма состоит в системе общественных действий, направленных на объективно обусловленный прогресс пострыночных и посткапиталистических отношений*. Последнее означает, что автор, исходя из «большого нарратива» о социальном прогрессе, рассматривает его как историческое творчество социального субъекта, выступающего в этом случае в качестве *прогрессора*, и исторического процесса, способствующего его продвижению и одновременно несущего ответственность за результаты этих социальных действий. В этой связи принципиально важно подчеркнуть двоякую связь. С одной стороны, всякое содействие прогрессу может трансформироваться в волюнтаристское насилие над объективными законами развития, что, как известно, оборачивается регрессом («благими намерениями...»). С другой стороны, никакой общественный субъект не может избавиться от роли социального актора – того, кто способствует (действием или равнодушным бездействием) либо прогрессу, либо регрессу.

И последняя ремарка: в данной статье автор ставит, но не рассматривает вопрос перехода к качественно новой социальной системе, диалектически отрицающий капитализм (а вместе с этим всю эпоху «царства необходимости», системным качеством которой

³ «...Отчуждение предстаёт перед нами как достаточно общая, но предельно значимая философская категория, отражающая такой класс общественных отношений, в которых генетически-всеобщие (на языке Ильенкова) атрибуты человека как родового существа “присваиваются” внешними силами и становятся чуждыми ему, господствуют над ним. Этими внешними силами становятся объективные, от воли и сознания человека не зависящие, ему неподконтрольные и неподвластные социальные феномены – разделение труда и конвейер, рынок и капитал, бюрократия и религия. Именно они превращают товары-вещи в фетиши, деньги – в меру ценности человека и общества, диктатора – в носителя общегосударственного интереса, идеологическую догму – в детерминант общественного сознания» [Бузгалин, 2018a].

является социальное отчуждение), – к системе, названной К. Марксом и Ф. Энгельсом «царством свободы».

А теперь о главном – об объективно обусловленной возможности социализации позднего капитализма и об акторах, которые ей могут способствовать.

Завершая свою статью «После “Конца истории”...», автор отметил, что наряду с регрессивными трендами рефеодализации, прямо или косвенно способствующими продвижению в направлении консервативного либерализма, те же самые объективные основания (прежде всего – вызовы технологических трансформаций) порождают и иные процессы. Прогресс производительных сил, несмотря на тормозящие его производственные отношения позднего капитализма (процесс десоциализации), обуславливает объективную возможность сокращения (в перспективе – вытеснения) репродуктивного труда. Эта закономерность была отмечена К. Марксом еще в XIX в., широко исследовалась марксистами в XX в. (обзор источников и оригинальная характеристика процесса дана, в частности, в фундаментальном труде И.И. Чангли [1973: 588]) и активно продолжает исследоваться в XXI в. (см., например, [Бодрунов, 2018]). Упомянутые выше авторы книги «Техносоциализм», как и их многочисленные предшественники, игнорирующие анализ социально-экономических, политико-идеологических и культурных сторон трансформации, этот объективный процесс рассматривают исключительно под углом зрения возможного высвобождения массы работников (30% и более) из сферы производства (в широком смысле слова). При этом оставляют в стороне проблемы неравномерности технологического развития и нереальности в обозримом будущем для всех стран обеспечить уровень развития технологий и производительность труда, достаточные для приоритета творческой деятельности, вопросы социального неравенства и неизбежность кризиса такого общества, большая часть членов которого исключена из трудового процесса.

Эти недостатки «Техносоциализма» столь же фундаментальны, сколь и типичны, они были справедливо подвигнуты критике в упомянутой дискуссии. В этой связи встает задача показать, как может решаться задача трансформации социально-экономических отношений в направлении продвижения к качественно новому обществу (к «царству свободы») в рамках позднего капитализма в странах с разным уровнем развития. Принципиальное решение этой задачи мы предложили выше, развивая идеи марксистов XX в. (в том числе ученых «Цаголовской» школы политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова): это – прогрессирование отношений, переходных к посткапиталистическим, позволяющих интенсифицировать технологическое и экономическое развитие, стимулируя одновременно его социальную, экологическую и гуманистическую направленность.

Это реформирование не будет автоматическим следствием технического прогресса, поскольку оно противоречит интересам господствующей в условиях позднего капитализма экономико-политической силы – корпоративного капитала, сращенного с государственной бюрократией. Интересы последней в современных условиях состоят скорее в реализации регрессивного сценария – продвижения к консервативному либерализму, чреватому рефеодализацией, если не фашизмом.

Альтернативный сценарий требует мобилизации и активной социально-творческой солидарной деятельности иного социального субъекта. Используем для его обозначения термин, введенный А. и Б. Стругацкими, – «прогрессоры». Сразу подчеркну: речь идет не об отдельных выдающихся личностях или альтруистических тайных сообществах. Историю изменяют большие социальные силы, формирующиеся объективно и превращающиеся из «класса-в-себе» в «класс-для-себя», опосредуясь политико-идеологическими формами.

Ответ на вопрос о том, кто может стать актором ускорения социального прогресса, возвращает нас к проблеме развития творческого по своему содержанию труда. Этот процесс обуславливает экстенсивное и интенсивное расширенное воспроизводство социального слоя *массовых творческих работников*. Мы бы этот слой назвали даже *творческими рабочими*, подчеркивая, что по социальному положению они – такие же труженики, как и индустриальные рабочие, только с иным содержанием деятельности.

Часть этого слоя – наемные работники, другая – фрилансеры, выступающие в качестве частных товаропроизводителей (мелких буржуа в классификации XX века), но есть и третья – креативные рабочие, занятые в общественном секторе. Это люди, работающие в общедоступном образовании, здравоохранении, культуре, получающие фиксированный доход из общественного бюджета и создающие принадлежащие каждому общественные блага (мы в одной из предыдущих публикаций назвали этот социальный слой социалиатом [Бузгалин, Колганов, 2019]).

Существенно, что главной характеристикой, определяющей специфику труда всех этих людей (учителей, ученых, художников и т.д.), является творческая компонента. Не менее важно и то, что эти люди – *творческие рабочие эпохи четвертой промышленной революции* – работают в коллективах, причем таких, где отношения солидарности играют роль не меньшую, чем отношения конкуренции. Более того, творческие работники создают не только рыночные услуги, но и (а в общественном секторе – преимущественно) главную производительную силу, главный ресурс прогресса экономики XXI в. – креативный потенциал человека [Бузгалин и др., 2023]. А это еще и высшая ценность человечества, критерий его прогресса – то самое «счастье» здоровой, культурной, наполненной смыслом в рабочее и в свободное время жизни, по индексу которого первые места в мире занимают страны, которые либеральные авторы иногда называют «социалистическими».

Данный слой стал массовым вследствие развития в 1960–1970-е гг. процессов социализации капитализма. Но в последние десятилетия «конца истории», на рубеже XX–XXI вв., он превратился в объект серьезного давления со стороны капитала. *Коммерциализация, бюрократизация и менеджеризация социальной сферы вкупе со свертыванием общественного финансирования все больше превращает учителей, врачей, ученых и работников культуры общественного сектора из гаранта стабильности системы в силу, встающую в оппозицию к ней* (см. подробнее [Яковлева, 2018]). В результате *массовый слой творческих рабочих вместе с традиционным индустриальным пролетариатом, ставшим массовым вследствие индустриализации в странах периферии и возрождающимся в странах ядра в процессе реиндустриализации, становится основанием для нового левого тренда в экономике и политике.*

Так перед обществом объективно возникает развилка: одни и те же процессы, вызываемые, с одной стороны, необходимостью продвижения по пути «креативной революции», а с другой – торможением этого процесса отношениями тотального рынка, финансовализации и т.п., генерируют два противоположных тренда. Один – «социальный заказ» со стороны корпоративного капитала и все более бюрократизирующегося государства на консервативный либерализм. Второй – поиск путей обновления путей социализации капитализма как минимум, реализации нового социалистического проекта как максимум. Эта дилемма обуславливает высокую вероятность перехода от относительной (не забудем о росте социального неравенства, жертвах «локальных войн», углублении экологических проблем и т.д.) стабильности периода «конца истории» к периоду, который будет характеризоваться *обострением социально-экономических, социально-политических и внешнеполитических противоречий. Грядет эра экономических, социальных, политических и идеологических противостояний.* Данный вывод за последние годы был сделан тысячекратно представителями самых различных политических и идейных течений.

Эти объективные противоречия обуславливают необходимость и возможность обновления программ социализации капитализма. В основу такого обновления могут и должны быть положены не только новые теоретические разработки левых интеллектуалов, но и обобщение новых практик новых экологически-, социально- и гуманитарно-ориентированных общественных движений. XXI век демонстрирует широкий спектр таких рождающихся, еще не окрепших, но все более активно заявляющих о себе форм организации экономической, политической и культурной жизни. Большая их часть представлена в пространстве Всемирных и региональных социальных форумов, регулярно собирающих

десять тысяч общественных деятелей и мыслителей, объединяемых программным лозунгом «Другой мир возможен!»⁴.

Данный текст – не место для декларирования программ (автор изложил свою позицию по этому вопросу в статье [Бузгалин, 2018]), поэтому ограничимся лишь указанием на основные **реперные точки возможных альтернатив либеральному консерватизму** с акцентом на социально-экономических аспектах⁵. Речь пойдет об альтернативах, остающихся в пространстве реформирования позднего капитализма, но создающих предпосылки для перехода, говоря словами К. Маркса, к качественно новой эпохе общественного прогресса – «царству свободы», собственно истории человеческого общества, оставляющей позади его «предысторию».

Сначала о некоторых общих принципах. Общая логика социализации капитализма на пути глубоких реформ предполагает, что со стороны общества осуществляется *мирное и легитимное* экономическое, социальное и политико-идеологическое давление на корпоративный капитал и государство. Такое давление должно быть достаточно мощным, чтобы эти акторы были вынуждены вопреки своим тактическим интересам пойти на уступки и активизировать развитие внутри капитализма объективно необходимых элементов социализма, усиливая внутри старой системы предпосылки рождения новой.

Данная логика принципиально отличается от классической социал-демократической формулы «движение – всё, конечная цель – ничто». Это – *логика реализации реформ, подготавливающих переход к качественно новому обществу*. Отсюда простое, но важное следствие. Старый социал-демократический принцип, в соответствии с которым частный бизнес производит по правилам капитализма, а государство делит по принципам «социализма», давший некоторые результаты в XX в., в современных условиях сугубо недостаточен. Точно так же и типичный для ряда тяготеющих к кейнсианству и классическому институционализму известных ученых, не раз предлагавших строить экономику на основе принципа «частный бизнес и рынок – двигатель “корабля” национальной экономики, государство – его руль», в XXI в. должен остаться в прошлом. Мы идем дальше: надо не только делить и управлять, ориентируясь хотя бы отчасти на принципы социальной справедливости. Надо, чтобы социализированным был сам «двигатель» – система производства и воспроизводства, а социализация управления и распределения должна развиваться по мере социализации производства.

Кратко раскроем это положение, указав на ряд возможных уже в настоящее время шагов по социализации позднего капитализма.

Первый. Акцент на изменении целей развития и переходе от ориентации производства на рост прибыли и ВВП к *экосоциогуманитарным приоритетам*. В отличие от принятых ныне дискуссий, обсуждающих постоянно вопрос, где взять деньги, мы предлагаем поставить прежде всего другой – *для чего* они нужны и *только ли* они нужны для решения задач социально-экономического прогресса. Иными словами, прежде всего необходимо поставить вопрос о *целях* развития, ведь «никакой ветер не будет попутным, если не знать, куда плыть».

Определение целей – не просто переход к иным методикам оценки результатов, необходимо чего в настоящее время обосновывается широким кругом известных ученых в мире и в России [Stiglitz et al., 2010; Теняков, 2016]. Проблема глубже: новые цели развития предполагают изменение *структуры производства*. Даже оставаясь в рамках реформирования капиталистической системы, мы можем и должны говорить о задачах

⁴ Forum social mundial. URL: <https://www.fsm.org.br/> (дата обращения: 22.08.2023).

⁵ Независимо от разделяемой автором данной статьи марксистской традиции в настоящее время развиваются содержательно отличные, но пересекающиеся в ряде основных моментов иные теории продвижения к будущему. Например, в работах С.Д. Бодрунова, характеризующих будущее как *ноономику*, выделяются четыре основных процесса, ведущих к этому будущему: технологический прогресс, диффузия собственности, социализация и солидаризм [Бодрунов, 2018; А(О)нтология ноономики..., 2021].

свертывания финансового посредничества, маркетинга и иных сфер бизнеса, которые мы в своих публикациях назвали «бесполезным сектором» [Бузгалин, Колганов, 2015]⁶, и, напротив, о создании условий приоритетного развития производства в реальном секторе – от высокотехнологичной индустрии до образования и культуры.

Методы решения этих задач в принципе известны – от общественного селективно-го регулирования до демократического планирования, первоначально дополняющего, а затем и снимающего рынок. Современные информационные технологии уже создали достаточные материальные предпосылки для того, чтобы планирование стало гибким и демократическим, с активными обратными связями [Клейнер, 2021].

Второй. Реформирование отношений собственности в направлении ее социализации. Речь идет о развитии разнообразных форм «экономики солидарности», дебиюкратизация государственной собственности, повышении социальной ответственности частных собственников, расширении форм совместного пользования и потребления (в частности, шеринга), и т.п. При этом особое значение в условиях «креативной революции» приобретает постепенное ограничение пространства интеллектуальной частной собственности и расширение пространства собственности каждого на все (бесплатный открытый доступ каждого к результатам творческой деятельности). Отсюда и социализация (не огосударствление!) образования, науки, искусства и других сфер творчества. На этой базе формируется активно растущий социальный сектор, в котором создаются общедоступные общественные блага, а свобода творца дополняется свободой доступа каждого к миру культуры. Этот акцент не случаен: наибольшие успехи посткапиталистических практик (что в странах «реального социализма», что в Скандинавии) достигнуты именно в социальном секторе. Оговоримся: сворачивание интеллектуальной частной собственности, безусловно, не может быть одномоментным, но оно должно стать неуклонным.

Третий. На основе становящегося все более социализированным производства можно строить и иную модель распределения доходов. Ее суть – не приписываемая левым передача доходов от трудолюбивых лентяям, а перераспределение части паразитически используемых сверхдоходов людей-симулякров (рантье, финансистов, звезд шоу-бизнеса и профессионального спорта) на цели общественного развития. В частности, на финансирование того социального сектора, где создается главная производительная сила современной экономики – человеческие качества. Что же касается поддержки социально-обездоленных, то здесь альтернативой формированию паразитического слоя «вечно безработных» может стать создание широкого спектра занятости в общественном секторе креатосферы – там, где на общественные деньги создаются бесплатно распределяемые общественные блага (чистая природа, здоровый, воспитанный, образованный человек, культура) и где нет спросовых ограничений.

Четвертый. Выходя за пределы чисто экономических вопросов, отметим, что условием эффективного общественного регулирования экономики и дебиюкратизации общественного сектора (снятия так называемых «провалов государства») является продвижение от манипулятивной демократии к диалектическому единству активного гражданского общества и базисной демократии гражданского общества и базисной демократии.

И последнее по счету, но не по значению: о том, откуда на все это возьмутся средства и, главное, откуда и как появится социальный субъект, способный реализовать названные императивы.

Решение первой проблемы давно известно. Эти ресурсы может обеспечить направление на общественные нужды всех видов ренты (прежде всего, от природных ресурсов, а также административной и той, которой все общество должно облагать финансовый

---

⁶ В России – стране, до сих пор не утратившей способности высмеивать «хозяев жизни», будь то бюрократы или миллионеры, – в этой связи очень популярен анекдот о трех циничных заповедях рыночной экономики: «Не так важен товар, как важна упаковка; упаковка не так важна, как реклама; не так важна реклама, как идиоты, которые в нее верят». Неолиберальный капитализм – это способ производства идиотов, которые верят в рекламу, прославляющую упаковку...

капитал), поступлений от прогрессивного налога на доход и наследство, сокращение бюрократического аппарата за счет деbüroкратизации государственного управления и т.п. Практики скандинавских стран, при всей их ограниченности, показывают, что движение в этом направлении возможно и эффективно.

Вторая проблема гораздо сложнее. Движение к будущему возможно в той мере, в какой формируется его субъект – не столько частные индивиды, стремящиеся к максимизации денежного дохода любым [законным] путем, сколько ориентированные на солидарность и содержательную работу люди, открытые к неотчужденным общественным отношениям (субъект-субъектному диалогу в терминологии социальной философии). На первый взгляд, таким социальным акторам неоткуда взяться в мире тотального отчуждения. Но – и мы это подчеркнули выше – современные технологии и противоречия неолиберального капитализма даже в этом пространстве формируют в массовом масштабе похожих людей. Формируют тех, кто уже пресыщен товарами-симулякрами, но не может позволить себе качественную медицину, хорошее образование, а во многих случаях даже здоровую пищу. Эти люди ищут путь к другой жизни, они – потенциальный и отчасти реальный субъект социального творчества, потенциальные и отчасти реальные прогрессоры XXI в. Это – участники волонтерской деятельности, активисты общественных организаций, ориентированных на конструктивное решение экономических, социальных, экологических, гуманитарных, культурных и иных проблем. Технологическую базу для формирования таких социальных акторов создает опять же прогресс производительных сил, а социальную – рост культуры гражданского общества, который становится возможным, в частности, по мере прогресса общедоступных культуры и образования.

Статистически определить наличие такого социального тренда почти невозможно. Единственным подтверждением нашего тезиса могут стать конструктивные социальные действия субъекта этих изменений, состоящего из представителей как творческих работников общественного сектора («социалиата»), создающих общественные блага на общественных средствах производства за общественный счет, так и классического индустриального пролетариата, ставшего вследствие индустриализации в странах «полупериферии» (и не только) вновь значимой социальной силой. В той мере, в какой эти социальные силы в ближайшей исторической перспективе проявят себя как реальный субъект исторического процесса, осознавший свои стратегические интересы и политико-идеологически организованный, наши теоретические положения будут правомерны. В той мере, в какой эти силы так и не проснутся к социальному действию, наши тезисы останутся не в полной мере обоснованной гипотезой.

Кто-то это сочтет замкнутым кругом. Автор уверен в обратном: это система, которая может расширенно воспроизводить себя, будучи инициирована и воспроизводима социальным творчеством и индустриальных рабочих, и креативных работников. Механизм прост: включенные в реальные социальные преобразования граждане инициируют расширение общественного сектора – общедоступных культуры и образования, а прогресс этих сфер – рост социальной активности... Далее – то самое расширенное воспроизводство, о котором было сказано выше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР, 2021.
- Бодрунов С.Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018.
- Бузгалин А.В. Время альтернатив // Альтернативы. № 2. 2018. С. 5–46.
- Бузгалин А.В. Человек в мире отчуждения: к критике либерализма и консерватизма. Реактуализация марксистского наследия // Вопросы философии. 2018а. № 6. С. 155–166
- Бузгалин А.В. После «конца истории»: консервативный неолиберализм и рефеодализация? // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 133–144.

- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Капитализм, посткапитализм и креативная революция (критические размышления о статье Д.А. Давыдова) // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 100–109.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18–28.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2 х тт. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Изд. 3-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2015.
- Бузгалин А.В., Яковлева Н.Г., Барашкова О.В. Человек, человеческий потенциал, «человеческий капитал» в зеркале политической экономии (статья 1-я) // Российский экономический журнал. 2023. № 1. С. 4–21.
- Булавка-Бузгалина Л.А. Маркс-XXI. Социальный прогресс и его цена: диалектика отчуждения и разотчуждения // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 5. С. 73–84.
- Клейнер Г.Б. Системно-ориентированное планирование: Россия, XXI век // Вопросы политической экономии. 2021. № 2. С. 45–56.
- Теняков И.М. Подходы к оценке качества экономического роста // Вопросы политической экономии. № 4. 2016. С. 61–73.
- Чангли И.И. Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования. М.: Наука, 1973.
- Чэнь Х., Барашкова О.В. Посткапитализм или социализм? // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 116–121.
- Яковлева Н.Г. Образование в России: общественное благо или коммерческая услуга? // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 149–153.
- Яковлева Н.Г. Какие ростки посткапитализма способны обеспечить прогресс человеческого потенциала и технологическую модернизацию? // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 110–115.
- King B., Petty R. The Rise of Technosocialism: How Inequality, AI and Climate Will Usher in a New World. Singapore: Marshall Cavendish International, 2021.
- Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.P. Mismeasuring our lives: Why GDP doesn't add up. The New Press, 2010.

Статья поступила: 05.09.23. Принята к публикации: 23.10.23.

AFTER THE “END OF HISTORY”: PROGRESSIVE ALTERNATIVES TO THE REFEUDALIZATION AND “TECHNO-SOCIALISM”

BUZGALIN A.V.

Lomonosov Moscow State University, Russia

Aleksandr V. BUZGALIN, Dr. Sci. (Econ.), Professor at the Faculty of Economics, Director of the Center for Contemporary Marxist Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (buzgalin@mail.ru).

Abstract. The article continues the author’s publications in the journal “Sociological Studies”, in which it was shown that contradictions of the neoliberal model of late capitalism pose a threat of the society involution towards conservative liberalism and refeudalization. The new text demonstrates a possible implementing of a progressive alternative to this trend and criticizes currently popular idea of “technosocialism”. The author argues that the developing relations of transit to the “kingdom of freedom” in the space of late capitalism presupposes (1) the active regulation of social reproduction in order to effect a transition from the orientation of socio-economic development to profit and GDP growth to eco-socio-humanitarian priorities; (2) reforming property relations in the direction of socialization; (3) redistributing part of the parasitically used excess incomes by simulacra people (rentiers, financiers, show business persons, professional sports stars, etc.) for the purposes of social development and (4) the progress from manipulated democracy to dialectical unity of civil society and essential democracy. The subject of these changes – a kind of “progressor” – can become a union of creative workers of the public sector (“socialists”) with highly professional industrial proletariat realizing their strategic interests politically and ideologically.

Keywords: “the end of history”, late capitalism, neoliberalism, conservatism, refeudalization, “realm of freedom”, post-capitalism, socialist.

REFERENCES

- A(O)nthology of Noonomy: the Fourth Technological Revolution and Its Economic, Social and Humanitarian Consequences. (2021) Ed. by S.D. Bodrunov. Saint-Petersburg: INID. (In Russ.)
- Bulavka-Buzgalina L.A. Marx XXI. (2018) Social progress and its price. The dialectic of alienation and de alienation. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. No. 5: 73–84. (In Russ.)
- Buzgalin A.V. (2018) Time for alternatives. *Alternatives*. No. 2: 5–46. (In Russ.)
- Buzgalin A.V. (2018a) Man in a world of alienation: towards a critique of liberalism and conservatism. Reactualization of the Marxist heritage. *Questions of Philosophy*. No. 6: 155–166. (In Russ.)
- Buzgalin A.V. (2023) After the “end of history”: conservative neoliberalism and refeudalization? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 133–144. (In Russ.)
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2015) *Global capital. 2 volumes. Vol. 2. Theory: the Global Hegemony of Capital and Its Limits («Capital» Re-loaded)*. 3 ed. Moscow: LENAND. (In Russ.)
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2019) Social Structure Transformation of Late Capitalism: from Proletariat and Bourgeoisie Towards Precariat and Creative Class? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 18–28. (In Russ.)
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2022) Capitalism, Post-Capitalism and the Creative Revolution (critical reflections on the article by D.A. Davydov). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 100–109. (In Russ.)
- Buzgalin A.V., Yakovleva N.G., Barashkova O.V. (2023) Human being, human potential, “human capital” in the mirror of political economy. *Russian Economic Journal*. No. 1: 4–21. (In Russ.)
- Chen Hong, Barashkova O.V. Post-Capitalism or Socialism? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 116–121. (In Russ.)
- King B., Petty R. (2021) *The Rise of Technosocialism: How Inequality, AI and Climate Will Usher in a New World*. Singapore: Marshall Cavendish International.
- Kleyner G.B. (2021) System-oriented planning: Russia, 21st century. *Problems in Political Economy*. No. 2: 45–56. (In Russ.)
- Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.P. (2010). *Mismeasuring our lives: Why GDP doesn't add up*. The New Press.
- Tenyakov I.M. (2016). Approaches to the Evaluation of the Quality of Economic Growth. *Problems in Political Economy*. No. 4: 61–73. (In Russ.)
- Yakovleva N.G. (2018) Education in Russia: public good or commercial service? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 149–153. (In Russ.)
- Yakovleva N.G. (2022) What Sprouts of Post-Capitalism are Capable of Ensuring Progress of Human Potential and Technological Modernization? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2022. No. 9: 110–115. (In Russ.)

Received: 05.09.23. Accepted: 23.10.23.

ПАМЯТИ ПЕТРА НИКОЛАЕВИЧА КОНДРАШОВА

(06.07.1976–20.10.2023)

В ночь с 19 на 20 октября ушел из жизни известный российский общественвед, марксовед – Петр Николаевич Кондрашов, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН.

Творческая жизнь П.Н. Кондрашова всегда была связана с Институтом философии и права УрО РАН, на базе которого он в 2007 г. защитил кандидатскую диссертацию «Проблема повседневности в философии классического марксизма». В 2020 г. состоялась блестящая защита его докторской диссертации «Феномен целостности человека и его бытия-в-мире: экзистенциально-антропологическая интерпретация в контексте философии Карла Маркса». Не будет преувеличением сказать, что Петр Николаевич был интеллектуальным лидером, а также душой и сердцем Уральского школы марксизма, известной не только среди отечественных общественведов, но и за рубежом. Петра Ни-

колаевича хорошо знали как на Западе, так на Востоке: в последние годы высокий интерес к его творчеству проявляли китайские общественведы.

П.Н. Кондрашов всю жизнь посвятил глубокому изучению трудов классиков марксизма, творческому и нетривиальному прочтению их социально-философских трудов. Казалось, что Петр Кондрашов знает Маркса и Энгельса так, что может в любой момент по памяти дословно процитировать любое место из их трудов на языке оригинала. Он был ярким продолжателем дела своего учителя – К.Н. Любутина. Речь идет о школе гуманистического марксизма, выделяющейся смелыми интерпретациями, нетривиальными подходами и яркими идеями. Марксизм как открытое идейное и научное течение, свободное для критики и творческого развития, – девиз последователей этой школы, которого всегда придерживался Петр Николаевич. В последние годы жизни он с особой научной страстью развивал концепцию, что социальная философия Маркса была в корне своем философско-антропологической: в ее центре всегда находился человек как субъект праксиса, как социальная личность, как страдающее и равнодушное существо. Он показывал и доказывал, что в философии Маркса центральную роль играет проблема человека и его внутреннего, экзистенциального, эмоционального мира; проблема целостности человека и его бытия-в-мире. Петр Николаевич отчаянно бился за истинного, но до сих пор не до конца понятого Маркса, чьи идеи еще ожидают своего воплощения в будущем. При этом он постоянно боролся с догматизмом, с вульгаризацией и опощлением трудов Маркса и Энгельса.

Свои идеи Петр Николаевич изложил в большой серии статей и монографий (в РИНЦе более 100 работ), написанных живым и полемичным языком. Среди них нужно отметить «Онтологические структуры историчности: Исследование философии истории Карла Маркса» (2014); «Диалектика повседневности: попытка марксистского анализа» (2015, в соавторстве с К.Н. Любутиным); «Маркс утраченный и Маркс обретенный» (2021, в соавторстве с С.В. Вискуновым, А.А. Коряковцевым и К.Н. Любутиным). В последние годы Петр Николаевич часто публиковался в нашем журнале, т.к. его исследования были посвящены в первую очередь социальным аспектам философии, затрагивая такие разнообразные темы, как посткапитализм, трансформация классовой структуры современного общества, рентное общество, поиск Россией национальной идеологии. Он писал о постфордистском повороте в материальном производстве, о праксиологическом понимании жизненных ценностей, о глобализации и развитии индивида, даже о социологии эмоций. Петр Николаевич – яркий пример ученого, в котором сочетались такие качества,

как кругозор и любознательность, научная смелость и тяга к постоянному расширению исследовательского горизонта.

Внезапный уход из жизни Петра Николаевича Кондрашова – большая, невосполнимая потеря для отечественной философии и социальных наук. Мы запомним его как яркого исследователя, чье дело будет жить дальше в сердцах и умах его друзей и последователей. Петр Николаевич не только в теории активно выступал за преодоление отчуждения, за полноту человеческой самореализации, за то, чтобы быть не только потребителем, но и творцом. Он постоянно искал человечность и неравнодушие, эмоциональную глубину у Маркса, но получилось так, что воплотил их в себе.

Коллеги, друзья, единомышленники

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2023 No. 11

CONTENTS

XXV KHARCHEV READINGS

- 3 TITARENKO L.G. National Sociological Heritage: Clarifying Evaluative Optics
15 ZARUBINA N.N. Explanatory Possibilities of M. Weber's Concept of Disenchantment of the World in the Context of Growing Magical Consciousness

TO THE 150th ANNIVERSARY OF A.A. BOGDANOV

- 25 GLOVELI G.D. A.A. Bogdanov as a Sociologist and Utopian: the "Klass für Sich" Problem

METHODOLOGY AND METHODS OF SOCIOLOGICAL STUDIES

- 38 ZVONOVSKIY V.B., KHODYKIN A.V. Russians' Perception of the Conflict with Ukraine: Testing the "Spiral of Silence" Hypothesis
51 POPOV E.V. Features of Digital Literacy Measurement in Russia

ANNIVERSARY

- 62 Congratulations to N.E. TIKHONOVA
63 MAREEVA S.V. N.E. Tikhonova's School (from the Experience of Included Observation)
67 TIKHONOVA N.E. Savings Activity of Russians: Dynamics and Factors

SOCIOLOGY OF EDUCATION

- 80 DOBRYAKOVA M.S., YURCHENKO O.V. Agency and Autonomy as a Learning Outcome: Distinguishing the Notions
93 GAVRILYUK T.V., BOCHAROV V.Yu., POGODAEVA T.V. Typological Groups of First-Year Students by Educational Strategies in Conditions of Individual Learning Trajectories

DISCUSSION. POLEMICS

- 105 LEVICHEVA V.F., DIMANS S.L. Informality in Society: Searching for Explorative Methodology

FACTS. COMMENTS. NOTES

- 115 LEVASHOV V.K., GREBNIYAK O.V. Russian Citizens on the Challenges of Artificial Intelligence, Neural Networks and Social Optimism
121 POGHOSYAN G.A., POGHOSYAN R.M. Socio-Cultural Identification of Modern Armenians
127 POLUEKHTOVA I.A. Media Consumption by Different Age Groups

ACADEMIC EVENTS

- 133 SIZOVA I.L. Outlook for Reproducing Scholarly and Teaching Personnel in Universities of Russia
139 SHIROKALOVA G.S., SAVCHENKO I.A. Urban Research in the Focus of Socio-Humanitarian Analytics
141 LYALIKOVA S.V., NAZAROVA I.B. Population Social Dynamics and Human Potential

REFLECTIONS ON A NEW BOOK

- 144 ROMANOVSKY N.V. Historical Consciousness of Russians – a Book and its Problematic Field

LETTER TO THE EDITORS

- 151 DOKTOROV B.Z. Not a Renewal, but a Second Birth
157 FATENKOV A.N. Modern Capitalism from the Perspective of Critical Theory of Society

IN MEMORIAM

- 162 Buzgalin A.V.
164 BUZGALIN A.V. After the "End of History": Progressive Alternatives to the Refeudalization and "Techno-Socialism"
173 Kondrashov P.N.

175 CONTENTS

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)